

9

СЕНТЯБРЬ 2010

ВОКРУГ СВЕТА

БОРИС СТРУГАЦКИЙ

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

АЛЬМАНАХ ФАНТАСТИКИ

ГОДЕНЬ XXI ВЕК

Сколько?

РЕКОМЕНДОВАННАЯ
ЦЕНА 30 РУБЛЕЙ

1584 977-172788200-4

9 771727 063004

Коллектив авторов
Полдень, XXI век (сентябрь 2010)
Серия «Альманах Бориса Стругацкого»
«Полдень, XXI век», книга 69

Текст предоставлен правообладателем <http://www.litres.ru>
Полдень XXI век, сентябрь (69), 2010: Вокруг света; Москва; 2010
ISBN 978-5-98652-300-2

Аннотация

В номер включены фантастические произведения: «Клоны» П.Амнуэля (окончание), «Последний ковчег нах зайд» Э.Сафина, «Сколько?» А.Кокоулина, «Пятый ангел» А.Мазина, «Удивительная история Эллы Харпер» Т.Скоренко, «Цветы под водой» Д.Беломоиной.

Содержание

Колонка дежурного по номеру	4
1	5
Павел Амнуэль	5
Краткое содержание начала повести Павла Амнуэля	5
«Клоны»[1]	
Эльдар Сафин	34
Андрей Кокоулин	45
Александр Мазин	73
Тим Скоренко	84
Дарья Беломоина	97
2	101
Илья Кузьминов	101
Виктор Ломака	104
3	111
«Серебряная стрела» – 2010	111
«Созвездие Аю-Даг» – 2010	113
Наши авторы	115

Альманах Бориса Стругацкого Полдень XXI век, сентябрь (69), 2010

Колонка дежурного по номеру

В мире нашем не одна Вселенная – их великое множество. Какие-то из них очень отличаются, а какие-то чрезвычайно похожи друг на друга, и населяют их одни и те же существа, судьба которых лишь чуть-чуть не похожа на судьбы «иномирных» двойников. И порой в параллельных вселенных встречаются люди, способные чувствовать своего двойника и переживать его эмоции. Любовь и ненависть, трусость и храбрость, зависть и радость... Собственно, в какой-то степени на подобную связь способны все. Именно отсюда и происходит такое явление как дежавю.

На фантастической идее множественности вселенных и основана повесть Павла Амнуэля «Клоны».

Возможно, было бы очень неплохо, кабы и на самом деле существовала такая связь. И люди, ее осуществляющие. Подобно сумасшедшему старику из рассказа Андрея Кокоулина «Сколько?». Откуда он знает, какое количество людей погибнет в неведомой главному герою катастрофе? Не из параллельного ли мира? Откуда ему известно, чем можно расплатиться за то, чтобы кто-то остался вживых?.. И не там ли, в параллельном мире живут совесть и самопожертвование?

Но кабы такой старик существовал, скольких бы он спас?!

А не по совету ли из параллельного мира поставили с ног на голову очередной Исход в рассказе Эльдара Сафина «Последний ковчег нах зайд»? Ведь инопланетчики вполне могут явиться не из просторов Галактики, а оттуда, из «мира за ближайшим углом».

А кто одарил Жоржо Бассини из рассказа Тима Скоренко «Удивительная история Эллы Харпер» умением быстро залечивать раны у близких ему людей? Почему бы и не представитель параллельной вселенной?..

И уж точно из иного мира явился ребенок в рассказе Александра Мазина «Пятый ангел», поставивший героев перед выбором. А персонажи рассказа Дарьи Беломоиной «Цветы под водой» и сами способны сделать мир другим.

В общем, вполне возможно, что вокруг нас существует огромное множество вселенных.

Да только не дождемся мы советов и помощи с иных миров. Разбираться со своими проблемами придется самим.

Но может, это и хорошо? Дорогу, как известно, осилит идущий.

Николай Романецкий

1

Истории, Образы, Фантазии

Павел Амнуэль

Клоны

Повесть

Краткое содержание начала повести Павла Амнуэля «Клоны»¹

Лайма, представительница коренного народа, живущего на Гавайях, работает переводчиком в международной обсерватории. Грамотный специалист, к тому же умеющий читать по губам. Но у девушки очень тяжелый период в жизни – недавно в автокатастрофе погиб Том, ее любимый человек.

Однажды члены российской научной экспедиции приглашают ее просмотреть видеозапись, полученную из космоса (запись без звука, но по движению губ можно понять, о чем говорит космонавт). На записи Лайма видит своего любимого. Девушка потрясена и начинает подозревать, что автокатастрофа была инсценировкой, а на самом деле Том участвует в некоем секретном проекте, связанном с полетом на земную орбиту. Тем более что ей не дали опознать труп… Однако русские ученые уверяют ее, что корабль с Томом, когда с борта ушел сигнал, находился на расстоянии более ста парсеков от Земли. Лайма не верит русским и начинает искать доказательства, что Том жив. Ей помогает Леонид, один из русских астрофизиков.

Между молодыми людьми возникает симпатия. Леонид говорит, что у него есть объяснение случившемуся, но это объяснение слишком фантастично, чтобы его можно было принять за истину.

Они едут на кладбище, где похоронен Том, и там, возле свежей могилы, Лайма понимает: Том все-таки умер – она просто чувствует это.

И она рассказывает Леониду, что видит Тома, что видела его еще до знакомства. Сначала во снах, а потом, когда он погиб, словно наяву, но только как будто это не совсем ее Том, он как будто другой человек, и у него другая женщина по имени Минни. Именно с этой женщиной он и попрощался там, в записи. И что, когда Лайма с Томом были вместе, он как будто тоже помнил чужую жизнь.

Леонид в ответ рассказывает ей о гипотезе множественности вселенных, которые связаны при помощи квантового перепутывания и лишь чуть-чуть отличаются друг от друга. Он просит девушку попытаться установить контакт с собственными двойниками в других вселенных. У нее это обязательно должно получиться – ведь она явно не обычный человек. И только таким образом она снова сможет встретиться с Томом.

Проснулся он на диване, под головой была цветная подушка, тонко пахнувшая духами, ноги были укрыты пледом, похожим теперь на распластанного тигренка, за окном вяло потягивался серый сумрак.

¹ Окончание. Начало в предыдущем номере.

Леонид опустил ноги на пол и обнаружил, что спал в носках, – наверно, Лайма сняла с него туфли и отнесла в прихожую. Не было и самой Лаймы. На кухне шипел чайник, Леонид услышал и другие звуки – шелест воды, тихое журчание. Шлепая по холодному полу, Леонид вышел в прихожую и обнаружил свои туфли рядом с тапочками, которые надел и пошел на кухню, где недовольно бормотал закипевший чайник.

Из коридорчика вышла Лайма в широком халате с огромными набивными цветами. Полотенце на ее голове напоминало персидский тюрбан, а может, это был тюрбан, напоминавший полотенце?

– Проснулся? – улыбнулась Лайма.

– Извини, – пробормотал Леонид. – Я не нашел сахара, а горький кофе действует на меня, как снотворное.

– Странно! – удивилась Лайма. – Пойди, умойся, там и зубная щетка есть.

Она смущалась и отвела взгляд – Леонид понял, что зубная щетка принадлежала Тому. Мысль была неприятна, и в ванной Леонид не стал ничего трогать – ополоснул лицо холодной водой, пригладил руками волосы перед зеркалом и вернулся на кухню.

Лайма сидела за столиком и показала Леониду на стул рядом с собой. Он сел, чувствуя себя то ли лишним, то ли незваным, скорее – неприкаянным.

– Я налила тебе чаю, – улыбнулась Лайма. – Не хочу, чтобы ты опять заснул.

Изумительный оказался чай, крепко и правильно заваренный, настоящий утренний английский. Лайма точно угадала его желание… как она смогла?

– Да, – кивнула Лайма в ответ на молчаливый вопрос. – Я вспомнила, какой чай ты любишь. Мы были знакомы с тобой прежде. Мы были… Почему ты сразу не сказал?

– Мы… – Он не должен был прерывать Лайму ни единственным словом, даже ненавязчивой мыслью, которая могла бы отразиться на его лице.

– Ты должен был мне напомнить, Лео, – недовольно сказала Лайма. – Хотя… Может, ты прав, что не напомнил. Я тогда повела себя не очень утиво, но мы были с Томом, а ты с той женщиной. Ты ее не представил, и я не знаю… Твоя жена?

– Жена, – повторил Леонид, пытаясь сообразить, какой ответ окажется подходящим. Назвать имя? А если Лайма вспомнила другое? На ком он женат в той вселенной, которая сейчас пробуждалась в памяти Лаймы?

– Жена, – с иронией повторила Лайма. – У меня сложилось впечатление, что ты уже тогда с ней не ладил.

– Э-э… ты проницательна, – пробормотал Леонид, отводя взгляд.

– Странно ты на меня посмотрел, – сообщила Лайма. – Пей, Лео, чай остынет.

– Да-да.

– Ты посмотрел, – продолжала Лайма, – будто хотел сказать: «Почему ты с ним, а не со мной?». Так откровенно… Даже Том понял – когда мы отошли, он сжал мне локоть и спросил: «Давно ты его знаешь?». Я сказала: «Первый раз вижу». Том не поверил. В тот вечер ты всякий раз смотрел в мою сторону, когда мы оказывались недалеко друг от друга.

– Вот как? – вяло сказал Леонид. Множество вопросов вертелось на его языке, и ни одного он не мог задать, не разорвав тонкую нить памяти, натянувшуюся в мозгу Лаймы.

– А потом, – все же решился он, – мы виделись?

– Ты спрашиваешь? – удивилась Лайма. – Я забываю, со мной случается, порой не помню, что происходило вчера, а события детства вдруг всплывают в памяти, вспоминаю, как мама помыла меня и начала обтирать полотенцем, а я дрожу от холода, потому что мама решила меня закаливать и обливала ледяной водой из таирадского источника… тебе это не интересно? Ты хочешь сказать, что забыл, как мы…

– Я не забыл, – пробормотал Леонид.

Он ступал по поверхности памяти, как по тонкому льду только что замерзшей реки: одно неверное движение, провалившись в ледяной воде прошлого утонешь, не в силах ни вспомнить, ни отречься от воспоминаний, которые утонут вместе с тобой.

«Если она не расскажет, – думал Леонид, – я не буду знать, как вести себя дальше».

– Наваждение, – сказала Лайма.

– Все было хорошо, – слова вырвались непроизвольно, но сказанного не вернуть, и Леонид продолжил, не понимая, что говорит, отдавшись интуиции, которой всегда доверял в вопросах науки и никогда – в житейских. – Все было хорошо и правильно, напрасно ты думаешь, что поступила не так, как должна была.

Лайма кивала, не поднимая взгляда.

– Я люблю тебя, Лайма, – будто со стороны услышал себя Леонид и, не сумев затормозить, добавил: – Я всегда тебя любил. С первой встречи.

Для него «первая встреча» была вчера, в библиотеке обсерватории Кека. Он увидел женщину за компьютером, и сладкая печаль, возникшая сразу и неотвратимо, заставила его остановиться и долго смотреть, как Лайма перелистывала страницы лежавшей перед ней рукописи, как переводила взгляд на экран, что-то с чем-то сравнивая и нажимая клавиши отмечая необходимые места. Он стоял, смотрел и знал, что не скажет этой женщине о своем чувстве, о том, что никогда прежде не испытывал такой нежности, жалости, острого желания и еще каких-то душевных нюансов, которые сам себе не мог объяснить.

– Я знаю, – сказала Лайма.

Они потянулись друг к другу. «Какая она худенькая», – подумал Леонид, обняв Лайму, неловко поцеловав в шею и испугавшись своей настойчивости.

– Еще, – сказала Лайма. Или это был внутренний голос? Мысли спутались. Он целовал подбородок, щеки, стараясь не касаться губ, потому что Лайма говорила… что? Он не сразу стал понимать.

– Том был с ней в отеле… – Звуки плыли невидимыми волнами, Леонид различал хорошо если каждое третье слово. Может, говорила другая Лайма, та, что в мире, где Том…

– Ты не… я потом была как… а с тобой… извини, что… – плававший в воздухе источник звука постепенно сконцентрировался, вобрав в себя звучавший ниоткуда голос.

– Ты пришел… сподвигло… поколений… – И еще какое-то слово прозвучало, совсем непонятное, может, из гавайского языка, может, из другого, которого Леонид не знал.

На секунду голос затих, и Леонид воспользовался паузой, чтобы поцеловать Лайму в губы, ее волосы щекотали ему лоб и уши, это было так замечательно, что мысли пропали и не вернулись, даже когда Лайма легким, но твердым движением оттолкнула его и, мимолетно проведя ладонью по щеке, оперлась о столешницу обеими руками.

– Поразительно, – сказала она, и волна напряжения, державшая Леонида на гребне, склынула – это был голос его Лаймы, женщины, которую он знал всего сутки, но без которой, похоже, следующие сутки прожить был уже не в состоянии.

– Я хорошо помню, – говорила Лайма, не глядя на Леонида, – что было вчера, и что было год назад, и как мы с Томом познакомились, как мы с ним стали близки, и день, когда он погиб. И помню совсем другое. Будто было со мной, не во сне. Сны я помню иначе, сны расплывчаты и бездетальны, а в этих воспоминаниях я могу вызвать мельчайшие подробности…

Она повернулась, наконец, к Леониду.

– Это было? – спросила Лайма голосом неуверенной в себе девочки, выпущенной из родительского дома в большой мир и запутавшейся в его неизбежных лабиринтах.

– Да, – кивнул Леонид. Он боялся, что новая память Лаймы, просыпавшаяся и еще сонная, погружавшаяся и вновь всплывавшая, непредсказуемо отреагирует на любое его слово, может даже – на мысль.

— Леня, — сказала Лайма, — Тома не спасут. Невозможно. Он... так получилось... здесь.

— Да, — подтвердил Леонид.

— Был здесь, — уточнила Лайма.

— Да.

— А мы с тобой...

— Я не знаю, — осторожно сказал Леонид. Он только сейчас понял, что Лайма говорит по-русски, причем с московским акцентом.

— Как мы теперь будем жить? Мы с тобой убили Тома.

— Мы? — вырвалось у Леонида.

— Я вспомнила, кто такая Минни, Леня. Ты не помнишь?

— Нет, — пробормотал он. Он и не пытался вспомнить.

— Минни, — Лайма повторила имя неуловимо саркастическим тоном. — Минни, не женское имя, а образ.

— Лайма... Ты говоришь по-русски.

— Я... — Лайма помедлила. — Я русского не знаю. Сейчас вспомнила, потому что...

Иногда люди начинали говорить на языке, которого не могли знать. Вспоминать о событиях, которые в их жизни не происходили... Неужели?..

— Квантовое перепутывание. Ты вспоминаешь себя-другую. Говори... пока не забыла.

— Вряд ли я смогу забыть, — с горечью произнесла Лайма. — И вряд ли захочу. Эта Минни...

«Господь с ней, с Минни, — подумал Леонид. — Вспоминать нужно о другом».

— Мы были с Томом в Гонолулу... не перебивай меня...

— Может, тебе проще по-английски?

— Нет. Мы поехали с Томом в Гонолулу купить новый аэрак — у старого что-то сгорело, я совсем не разбираюсь в технике, ни там, ни здесь. Я знаю, это был Гонолулу, но не такой, каким я его помню, то есть, теперь я помню его и другим... Над городом будто протянут ковер, он полупрозрачный и плавает в воздухе, как... да, будто ковер-самолет в арабской сказке. Я прочитала «Тысячу и одну ночь», когда в университете учila арабский... арабский? Я никогда его не... Да, там. Я вообще-то не читала «Тысячи и одной ночи», в детстве любила наши гавайские сказки, ты обязательно должен... Я тебе сама буду рассказывать, можно? Потом... А других сказок не читала, меня тянуло на сентиментальные истории, я сто раз перечитывала «Без семьи», очень плакала... Так я о чем? Почему ты меня не перебил?

— Ты сказала...

— Да, прости. Гонолулу. Мы прилетели в салон... Что-то вроде маленького вертолетика на двоих, только без винтов, не смотри на меня, значит, это не вертолет, а как-то иначе летает, я только название помню — аэрак. К нам подошла девушка-консультант, я на нее сначала внимания не обратила, вокруг было столько интересного... Сейчас вспоминаю, она называлась и стала объяснять Тому, какая модель лучше, но он слушал невнимательно, а на девушку смотрел, будто она сошла с картины Леонардо или с обложки три-ди журнала, мне стало не по себе, я отвернулась, подумала: «Том, я тебе это припомню»... Но не припомнила, как-то все в тот день завертелось, машину он заказал, ту модель, что посоветовала Минни. Вечером мы собирались возвращаться в Ваймеа, но Том предложил переночевать в отеле, я была не против. Наверно, тогда у них началось, потому что среди ночи я проснулась, Тома рядом не было, я слышала, он ходил на балконе, наверно, вышел покурить, так я решила и уснула, а утром он был другой, не могу объяснить, просто я почувствовала... Леня, он мылся в ванной, а я проверила его карманы, никогда этого не делала, даже в голову не приходило, а тут... В брючном кармане... ничего особенного, пластик, на каких пальцем пишут, адрес и телефоны, погоди, я вспомню... Два-три-восемь-шесть-девять-один-ноль-три-три. Зачем мне это помнить? Может... Позвонить?

– Девять цифр. В гавайских номерах семь.
– Может, с кодом? – неуверенно сказала Лайма.
– У какого штата или страны код двадцать три?
– Не знаю.
– Этот номер, – покачал головой Леонид, – не даст тебе покоя. Ты его сейчас вспомнила или...
– Только что. Рассказывала и вдруг это число... будто давно забытый адрес.
– Тогда ты... Я имею в виду – ты уже звонила по этому номеру?
Лайма помолчала. Где она была сейчас, что видела, о чем думала?
– Не помню. То есть... Да, звонила. Я чувствовала себя ужасно. Том напевал в ванной, а я набрала номер, видеоканал отключила, руки дрожали... Я сразу узнала голос – девушка из автосалона. Она не стала отключать видео, ей было нечего скрывать. На голове у нее было намотано полотенце, она только что вышла из ванны, и я почему-то представила, что они там были вдвоем, она вышла, чтобы ответить на звонок, а Том остался. Я отключила связь, меня трясло. А потом...

Лайма замолчала, пытаясь вспомнить, и тихо заплакала, опустив голову на плечо Леонида. Он не знал, что делать, когда плачет женщина, – обнять, приласкать, успокаивать (как?) или дать возможность выплакаться? Когда его размолвки с Наташой заканчивались слезами, он уходил к себе в закуток и хлопал дверью. Садился к компьютеру, но работать не мог, знал, что Наташа перестает всхлипывать и идет к зеркалу, поправляя волосы...

Лайма перестала всхлипывать, поднялась и, на ходу поправляя волосы, направилась к зеркалу, висевшему в простенке между окнами.

– Прости, пожалуйста, – сказала она, глядя на Леонида в зеркало. – Я не должна была тебе рассказывать.

– Должна, – твердо сказал Леонид. – Это наши общие воспоминания. Я не могу вспомнить, а ты... За нас обоих.

– Почему? – Лайма обернулась и посмотрела Леониду в глаза. – Как это возможно? Я... где?

Леонид обнял Лайму, он не мог говорить, не ощущая руками ее плеч, не чувствуя запаха ее духов, он и мысли, как ему казалось, мог сейчас читать. Нежность переполняла его, и какое-то время (секунду? час?) он не мог произнести ни слова, в горле застрял комок, Лайма поняла и провела ладонями по его небритым щекам.

– Как это возможно? – повторила она. Или подумала? Наверно, только подумала, губы ее шептали совсем другое, и Леонид, не умевший читать по губам, понял каждое слово, сказанное по-русски: «Я люблю тебя».

– Это... – пробормотал он. – Это твоя память. Каждый из нас помнит все... то есть, многое. Вряд ли мозг может помнить все из всех вселенных, где мы... многое, да... из того, что происходило с нами. Иногда вспоминаешь, и кажется, будто это происходило не с тобой, часто во сне, и тогда говоришь: приснится же такое... У каждого из нас столько памятей о самом себе, сколько миров-клонов в нашей грозди вселенных.

– Не могу поверить.

– Не нужно верить, Лайма. Вспоминай.

– Что? Почему Том ушел к этой... Минии?

– Почему он погиб? Может, в нашей памяти мы сумеем... Леонид замолчал. Не хотел, чтобы Лайма надеялась?

– Что ты сказал? – Лайма прижалась лбом к его груди, Леониду показалось, что он тоже начал вспоминать – мелькнуло в памяти или померещилось?

– Может, мы сумеем спасти Тома...

* * *

– Ты в своем уме? – Папа был зол и не скрывал этого.

– Да, – кивнул Леонид.

Разговор происходил в номере Бредихина в Нижнем доме. Когда Леонид ввалился утром к Папе, коротко предупредив по телефону, Рената и Виктор, конечно, были здесь и разговаривали, как показалось Леониду, не о науке, а о нем. О нем и Лайме. О Лайме и ее странном поведении.

– Нужно поговорить, – заявил Леонид с порога. – Вдвоем, пожалуйста.

– Ладно, – буркнул Виктор, – я пойду спать, двое суток не спал, совсем отупел.

Рената уходить не собиралась, она хотела знать, что произошло у Леонида с неадекватной девицей-переводчицей.

– Рена, – неожиданно мягким голосом произнес Бредихин, – нам с Леонидом действительно надо разобраться. Вдвоем.

– Пожалуйста, – Рената вышла, демонстративно хлопнув дверью.

– Ты не отвечал на звонки, – сварливо сказал Бредихин. – Рена требовала, чтобы я позвонил в полицию, и если бы не твое появление, мне пришлось бы... Так что ты хотел сказать? Не ходи взад-вперед, садись.

Леонид сел на стул и рассказал. Не все, конечно, но умолчания не имели ни к науке, ни к Папе никакого отношения. Бредихин слушал внимательно, время от времени поднимая брови.

– Вот так, – заключил Леонид. – Вопрос: что мы можем предпринять для спасения экипажа?

– Ты понимаешь, что говоришь? И главное – что делаешь?

– Да, – отрезал Леонид. – По-вашему, все можно оставить, как есть?

– То, что предлагаешь ты, – авантюра, отвечать за которую...

– Буду я и никто больше, – быстро сказал Леонид.

– Подпишешь бумагу? – голос Бредихина звучал насмешливо.

– Подпишу.

– И мисс Тинсли? Это ее здоровьем, прежде всего душевным, ты собираешься играть? Ты психиатр? Психолог? Что-нибудь понимаешь в структуре и работе памяти? – Бредихин тыкал в сторону Леонида указательным пальцем, не давая ему возможности вставить слово. – То, что она как бы вспомнила – ты уверен, что это именно клонная память, а не дежа вю или просто фантазия в состоянии стресса? Мисс Тинсли нужно показать врачу, а не заставлять...

– Я и сам начал кое-что вспоминать, – сумел вставить Леонид.

– Ты? – Бредихин застыл с протянутой рукой, склонил голову, разглядывая Леонида, будто увидел его впервые. – Ты научный работник или автор фантастических опусов?

– Запись передачи со звездолета – научный факт или сцена из фантастического фильма?

– Сцена из фильма, конечно, – буркнул Бредихин. – Ты сомневаешься, какую реакцию вызовет наша публикация? Думаешь, работу станут обсуждать серьезно? Если мы это опубликуем, все бросятся искать фильм, который мы якобы использовали для создания фальшивки. С научной карьерой будет покончено.

– Послушайте, – ошеломленно произнес Леонид, – вы решили отказаться от публикации?

– Пока полностью не разберемся – да. Не уверен, что нам это вообще удастся.

– Понятно, – Леонид неожиданно успокоился. Он ожидал от шефа подобной реакции. Научная репутация. Неужели Папа думает, что единственная – да, странная! – публикация испортит ему карьеру настолько, что из науки придется уйти?

– Что вам понятно, Леня? – сварливым голосом проговорил Бредихин. – Начнем с того, что ни один журнал не примет статью к публикации. Рецензент приведет такое количество возражений...

– Статья Хьюиша и Белл была опубликована в течение трех недель!

– У нас другой случай. Теоретическая часть совершенно не разработана...

– Гроздь вселенных Линде...

– Ах, оставь! Космологическим теориям цена грош в базарный день! Чистая математика. Красиво. Но совершенно невозможно проверить.

– Невозможно? – удивился Леонид. – Тогда что происходит сейчас? Я не о статье говорю, которую мы то ли будем писать, то ли нет. Произошло столько совпадений, что невозможно объяснить их с позиции здравого смысла. Том начал сниться мисс Тинсли прежде, чем она с ним познакомилась. Том погиб, и она видела его во сне не таким, каким знала. Мисс Тинсли и наяву его встречала, но не в той одежде, к какой привыкла. В это время – опять совпадение! – приезжаем мы. Только наша аппаратура может зафиксировать наносекундную переменность оптической вспышки. Следующее совпадение: нет звука, а мисс Тинсли – единственный человек, умеющий здесь читать по губам. И опять совпадение: она узнает Тома! Сигнал шел к Земле сотни лет! Но она уверена, что это Том. И самое удивительное совпадение: приглашает ее в Верхний дом человек, у которого есть ясная, с его точки зрения, и все объясняющая гипотеза.

– Ясная и все объясняющая, – без тени иронии повторил Папа. – Как же объясняет все эти случайные совпадения твоя гипотеза, о которой я ничего не знаю?

Леонид смешался под насмешливым взглядом Бредихина.

– Квантовый вариант антропного принципа, – пробормотал он. – Жизнь на Земле – тоже результат маловероятных совпадений большого числа параметров. Тем не менее, в теории множественной инфляции вероятность такого развития равна единице. Жизнь и разум обязательно должны были возникнуть во множестве вселенных-клонов.

– Я понимаю, куда ты ведешь, – перебил Леонида Бредихин. – Да, красивая идея, не спорю. Достаточно в одной вселенной из грозди произойти событию «икс», и в довольно большом числе вселенных-клонов из-за квантового перепутывания происходят события-следствия. Цепочка причин-следствий может быть очень длинной, и все равно вероятность ее осуществления в довольно большом числе миров равна единице. Ты это хотел сказать?

Леонид кивнул.

– Красиво, да. Но есть более простое и естественное объяснение. У мисс Тинсли крайне неустойчивая психика. В таком состоянии человек может «вспомнить» что угодно, в том числе свои как бы прошлые жизни и даже – как он лично разговаривал с Иисусом! Ну что ты, Леня, право, как ребенок! Собственные предположения для тебя реальнее реальности. Послушай... – Бредихину будто только сейчас пришла в голову мысль, которую он тут же и озвучил, пристально глядя на Леонида. – Ты влюбился в эту женщину? Я понимаю... Очень приятная женщина, умница. А как Наташа?

– Евгений Константинович!

– Я уже больше полувека Евгений и четверть века Константинович! Вот что, Леня. Я руковожу группой, и решения принимаю я, ты не возражаешь? Отлично. Наш наблюдательный сет закончен. Аппаратура от телескопа отмонирована. Билеты у нас на пятнадцатое, я попросил поменять на сегодня. С билетами до Фриско нет проблем.

– Летите, – согласился Леонид. – У меня билет на пятнадцатое, полечу пятнадцатого.

– Ты член группы!

– И виза покрывает весь месяц, – продолжал Леонид. – Вы не можете заставить меня полететь, верно?

– Хочешь потерять работу?

– Вы сможете найти другого идиота, согласного переехать в Зеленчукскую, чтобы положить полжизни на бесперспективный проект? За тридцать лет у «маньяков» не было ни одного положительного результата. Кому интересны ореолы вокруг черных дыр? Если вы меня уволите...

– Ну-ну... – благодушно отозвался Бредихин. – Что, если я тебя действительно уволю?

– Я сам напишу статью.

– Не напишешь. Результаты – собственность группы, ты не можешь использовать их самостоятельно.

– Я расскажу обо всем, что здесь происходило.

– В желтой прессе? Тебя привлекают лавры Шипова? Кстати, это выход. Своими эскападами ты, во-первых, отвлечешь внимание журналистов от результатов, которые, возможно, мы с Реной и Витей все-таки захотим опубликовать. И во-вторых, твой скандал, не исключено, поможет получить финансирование, которое, как тебе прекрасно известно, в противном случае окажется под большим вопросом.

– Я не могу оставить Лайму сейчас, когда она...

– Когда она – что?

– Мне нужно с ней встретиться.

– Конечно, – облегченно сказал Бредихин. Он опять одержал победу. – Поговори с мисс Тинсли. Объясни: в ее интересах не распространяться о том, что она видела. Только прошу тебя, Леня: не отключи телефон. Я займусь переоформлением билетов, а Витя – погрузкой аппаратуры. Кстати, через час у меня встреча с Хаскеллом.

– Что вы ему скажете? – спросил Леонид, думая о своем.

– К сожалению, – сухо сказал Бредихин, – нам опять удалось получить только верхние пределы переменностей. Но эти верхние пределы позволили на порядок уменьшить величины ожидаемых потоков, что накладывает важные ограничения на параметры излучения аккреционных дисков вокруг черных дыр. Ты что-нибудь имеешь против такой формулировки?

– Ничего, – покачал головой Леонид. – Если бы не сигнал...

– Поговорим дома. О нелепой цепи случайностей.

– Не произошло ни одной случайности! Действует квантовый антропный принцип для гряди вселенных!

– Поговорим дома. – Бредихин повернулся к Леониду спиной.

* * *

Телефон Лаймы не отвечал. Когда Леонид уходил, она собиралась выпасться. Не слышит звонка? «Отчего ты нервничаешь? – успокаивал себя Леонид, в очередной раз набирая номер. – Спит, значит, все в порядке».

Он знал – что-то произошло.

Леонид звонил в дверь и стучал, на шум выглянул сосед – всклокоченный молодой человек в майке навыпуск с изображением попугая. «Вам Лайма нужна? Она ушла. Ну... довольно давно, я на часы не смотрю».

В библиотеке за знакомым столиком сидел чернокожий господин в синем костюме и при зеленом галстуке, изучал текст на экране компьютера. Лицо показалось Леониду знакомым, кто-то из сотрудников радиообсерватории.

На площади перед библиотекой он долго стоял, пытаясь понять, что с ним происходит. Разве Лайма обязана ему докладывать? Кто он ей, в конце концов?

Лаймы не оказалось ни в приемной директора (что ей там делать?), ни в кафе Альваро («Мисс Тинсли сегодня не заходила»), и ощущение беды погнало Леонида к пункту проката машин – единственному в Ваймеа.

Ночную поездку он помнил плохо, положился на память рук. По Мамалахса в сторону аэропорта, потом поворот налево, дальше указатель «кладбище». Ворота были широко открыты, и Леонид оставил машину перед газоном, нарушив правила парковки.

Лайму он увидел издалека и побежал. Девушка лежала на спине, вытянув в стороны руки. «Боже, – молился Леонид, – пожалуйста...»

Он встретил пустой взгляд и, не успев ужаснуться, увидел – впервые в жизни, – как взгляд становится осмысленным.

– Боже...

Лайма смотрела на Леонида внимательно и радостно – так смотрела Наташа в первые недели их знакомства.

Леонид поднял Лайму на руки и понес к машине, она прижалась лбом к его груди, бормотала «Боже, Боже...»

Леонид опустил Лайму на заднее сиденье и влез следом. Лайма откинулась на спинку, сцепила ладони.

– Боже, Леня, – Лайма говорила по-русски. – Пожалуйста, не оставляй меня больше одну, слышишь?

– Да, – Леонид поцеловал Лайму и повторил: – Да. Никогда.

– Том улетает завтра, сначала на Перейру, они будут там две недели, пройдут рекогниссию, а потом – на Виртогу.

Перейра? Рекогниссия? Виртога? О чем она?

Лайма положила голову ему на плечо, говорила, он не прерывал, слушал, пытался представить, что она чувствует. Том улетит на Перейру (Где это? Что?), и она избавится, наконец, от мучительного состояния неустойчивости...

О чём он?

– Я поступила, как ты советовал. Поехала с Томом в Карте-гу, мы сидели на террасе, той, где были с тобой, помнишь? Конечно, помнишь, длинный стол с палиями, в углах марсианские клеши, не знаю, как их вырастили в нашем климате, мы сидели друг против друга, и Том сказал: «Все между нами кончено, Лайма?» Я сказала: «Это твои слова». «А на самом деле...» – он уцепился за недоговорку, и мне пришлось ответить: «Да, все между нами кончено». Он сказал, помолчав: «Ты будешь смотреть старт?» «Да», – сказала я. «Спасибо». Он повторял: «Спасибо, спасибо», будто что-то в нем сломалось. Я... прости, Леня... я поцеловала его в губы, и он замолчал. Это... так было нужно.

– Я понимаю, – пробормотал Леонид. Ему казалось, или он действительно понимал?

– Он хотел... То есть, я поняла, что... В последний раз. Но я не смогла. Мы стояли в дверях, он положил руки мне на плечи, а я была, как камень, понимала, что это дурно, ему завтра лететь... Но я не могла, Леня. Повернулась и ушла. Он смотрел мне вслед, я чувствовала, пока шла к машине, и даже в воздухе его взгляд касается моего затылка. А дома... Я искала тебя, не могла оставаться одна, я тебе сто раз звонила, а ты не отвечал, почему ты не отвечал, Леня?

– Я не...

– Только не говори, что не слышал, я посыпала когнитивные запросы, ты не хотел со мной говорить? Ты не должен ревновать меня к Тому, почему ты так поступил со мной? Я решила, что ты у Маркито, но он сказал, что не видел тебя со вчерашнего вечера, ты был, по его словам, не в себе и... Я подумала, ты меня бросил, потому что я и Том... но ты не мог так... Между нами ничего не было, он хотел, да... Получилось плохо – и с ним, и с тобой. Прости.

– Лайма...

– А потом я поехала на кладбище. На могилу мамы. Мне нужно было с ней поговорить.

– Поговорить?

– Ей при жизни очень нравился Том, и, наверно, поэтому матрица... она сохраняет установки... Я рассказала, как получилось с Томом, и о нас. Сказала, что Том улетел и вернется лет через пять, если теории, которые им нужно проверить, правильные, а если нет, то – лет через пятнадцать. Когда-то я обещала Тому ждать, была уверена, что стану ждать его всю жизнь. Если бы не мое обещание, Том, наверно, не согласился бы лететь. Получается, я его предала? А мама...

– Мама... – пробормотал Леонид сквозь зубы, стараясь сдержать колотившую его дрожь.

– Мама сказала, что понимает меня... поразительно, при жизни она говорила, что моя судьба – Том... а после того, как ее не стало... что-то в сознании меняется после смерти? Мама сказала: «Ты права, не нужно беспокоиться о Томе, он сделал свой выбор, а ты сделала свой». Леня, я сама себе столько раз это говорила... Подумала, что мама повторяет мои мысли. Наверно, в ее логос вмонтировали когнитивный детектор... Кажется, я потеряла сознание от нервного напряжения. А потом появился ты. Я знала, что ты найдешь меня, и ты пришел.

Лайма подняла к Леониду заплаканное лицо, Леониду ничего не оставалось, как целовать глаза, ресницы, ощущать на губах соленые капли. Он поцеловал Лайму в губы, и что-то изменилось в мире, Леонид подумал, что сейчас они оба, возможно, существуют не в двух, как минуту назад, а в третьей вселенной, обособленной от остальных, со своими законами природы. Во вселенной, где не было времени, все события жизни происходили одновременно, рождение совпадало со смертью, любовь не имела начала и не могла закончиться, потому что это было не чувство, а состояние души...

Он целовал Лайму, понимая, что целует не ту женщину, с которой познакомился в библиотеке, не ту, что читала по губам предсмертное послание Тома, не ту, с которой провел несколько удивительных часов, не ту...

С этой Лаймой все было иначе. Они давно любили друг друга. Эта Лайма проводила Тома в звездную экспедицию, и его корабль все еще стоял на поверхности планеты или астероида... скорее всего, астероида, откуда должен был отправиться в полет на пять или, возможно, пятнадцать лет.

Но и тогда он не мог оказаться на расстоянии сотни парсек от Земли! В любой вселенной, с которой наш мир связан квантовым перепутыванием, скорость света одна и та же.

Лайма откинула голову, посмотрела ему в глаза, и нежность, какую Леонид не испытывал никогда и ни к кому, ластиком стерла из его сознания все мысли, кроме одной, да и та была скорее не мыслью, а вербализованным чувством, ощущением, новой его жизнью.

– Я люблю тебя, Лайма...

– Я люблю тебя, Леня...

Слова невидимой пылью повисли в воздухе, опускались на лоб, нос, губы, щекотали подбородок.

– Я люблю тебя...

Где? Когда? Кто сейчас я? Кто – ты? Кто – мы вместе?

Лайма мягко, но решительно уперлась ладонями в грудь Леонида. Произошло то, что и должно было. Она вернулась, и Леониду стало нестерпимо жаль ушедших мгновений.

– Странно, – сказала Лайма. – Мы только что признались друг другу в любви?

Она произнесла эти слова без тени упрека. Значит...

— Странно, — повторила Лайма. — Я помню, как поехала на кладбище, потому что мне стало одиноко. Наш с тобой разговор помню. И прощание с Томом вчера на веранде, хотя помню, что он погиб.

Леонид сидел, сложив на коленях руки, и смотрел на пальцы Лаймы, сцепленные так, что побелели костяшки.

— Я сошла с ума?

— Нет, — сказал Леонид. — Нет. Нет.

Он повторял «нет» с разными интонациями, всякий раз короткое слово означало другую грань отрицания, Лайма протянула ему руки, и Леонид стиснул ее холодные пальцы.

— Ты не сошла с ума, — сказал он. — Просто... То есть, очень непросто, конечно... Ты вспомнила себя в той вселенной, где порвала с Томом перед его отлетом на... Забыл название.

— Виртога, — вспоминая, произнесла Лайма. — Это вторая планета в системе черного карлика Апдейка в облаке Оорта. Холодный сверхюпитер, сказал Том.

— Вот как... — пробормотал Леонид. Кто-то из американских астрономов предположил недавно, что в облаке Оорта есть коричневые карлики с массой во много раз меньше солнечной, но в десятки раз массивнее Юпитера. Холодные суперюпитеры? Ни одной такой звезды пока обнаружить не удалось даже после старта «Кеплера». Пока не удалось. В нашей Вселенной. Здесь и сейчас.

— Как я могу это помнить? — удивленно сказала Лайма. «Удивленно, но не испуганно», — отметил про себя Леонид. Теперь, пожалуй, он мог сказать...

— Потому, — объяснил он, — что все мы... не только ты... я тоже... и каждый... мы помним себя не только в нашей Вселенной, но в каждой вселенной-клоне. Все такие вселенные составляют единую квантовую систему, это называется перепутыванием волновых функций.

— Не понимаю.

— Неважно. Обычно каждый человек помнит только свою жизнь здесь, в этом мире, который кажется единственным. Иногда вспоминаешь еще что-то, обрывки какие-то... Будто уже бывал где-то... Дежа вю. Воспоминания прорываются из-за... не знаю... возможно, квантовые процессы играют гораздо большую роль, чем мы думаем. Некоторые люди вспоминают себя совсем другими. Вспоминают события, никогда с ними не происходившие. Язык, на котором никогда не говорили.

— Русский, — вставила Лайма. — Я говорила по-русски.

— Почему? — решился спросить Леонид. — Это твой родной язык... там?

— Там... — повторила Лайма. — Нет, — сказала она, вспоминая, — не родной. А ты не помнишь, что... Да, — прервала она себя, — конечно, не помнишь. Я выучила русский, когда мы с тобой...

Она запнулась.

— Когда мы полюбили друг друга, — закончил Леонид. — Расскажи, как это было. Пока не ушло из памяти.

— Ты думаешь...

— Я ничего не знаю, — мрачно сказал Леонид. — Откуда мне знать? Еще вчера я даже не знал, существуют ли на самом деле вселенные-克лоны с квантовым перепутыванием. Была у меня такая гипотеза. Я тебе вчера рассказывал.

— А я ничего не поняла, — улыбнулась Лайма. — Я гуманитарий, а тут такие сложности... Прости, — она коснулась пальцами его щеки, поймав огорченный взгляд, — мне было не до того. Я схожу с ума?

– Лайма, – Леонид привлек девушку к себе, – родная моя, любимая... Твоя память... наша... во всех вселенных, она не в этом твоем мозге... как тебе объяснить... Поверь, ты не можешь сойти с ума, разве что...

Ему стало страшно.

– Говори, – потребовала Лайма.

– Разве что, – тихо произнес Леонид, – ты одновременно вызовешь в памяти множество вселенных-клонов. Нет, не думаю, что это возможно. Нет, – сказал он с уверенностью, которой не испытывал, – этого не может произойти.

– Почему? – требовательно спросила Лайма. Леонид не знал.

– Я уверен, – сказал он, но уверенности в голосе не было, и Лайма это поняла, отвернулась, смотрела в окно на поднимавшиеся из-за восточного горизонта облака.

– В твоей теории, – сказала она отчужденно, – об этом нет ни слова.

– Нет, – признал Леонид. – И ни в какой теории об этом не будет ни слова. То, что происходит, слишком сложно для любой теории. Я смог описать только принцип возникновения вселенных-клонов в грозди миров в процессе Большой хаотической инфляции. Это сложно, и я не добрался до окончательных решений.

– Значит, – пробормотала Лайма, – я могу вспомнить еще... Послушай, – прервала она себя. – Не получается. Не сходится, Лео.

– Да, – согласился Леонид. Он уже понял то, что сейчас стало понятно и Лайме.

– Я помню, как прощалась с Томом. Вспомнила нашу с тобой... Да, любовь. Мы были близки, тебе, наверно, приятно это знать.

– Лайма...

– Но послушай! Том еще не улетел. Только завтра... Или... Разве во вселенных-клонах не одно и то же время? Я имею в виду...

– Я понимаю, что ты имеешь в виду, – вздохнул Леонид. – Я не знаю! Из общих соображений времена должны совпадать в квантовых пределах, но при таком возрасте... тринацать миллиардов лет после Большого взрыва... квантовые неопределенности... расхождения в сотни лет возможны, я думаю.

– Значит, – сделала вывод Лайма, – я вспомнила себя не в той вселенной, где Том...

Она не смогла произнести слово.

– Не в той, – кивнул Леонид.

– Вот оно как, – пробормотала Лайма. – Я проводила Тома вчера, а он полетел четыреста лет назад из совсем другой вселенной, где мы... Я могу и это вспомнить?

– Понимаешь... – Он должен был сказать правду. – Когда я понял, что ты вспомнила себя в той вселенной, где Том любил Минни, а мы с тобой... да... Я думал... надеялся... что именно там звездолет Тома уже достиг... то есть, не достиг... промахнулся мимо цели и... В общем, исчез, от него больше не могло поступить сообщений, потому что он попал в нашу Вселенную. Я не подумал, что если там прошли сотни лет, если там другое время, ты не могла...

Он не хотел произносить слово.

– Я не могла вспомнить, – закончила Лайма, – потому что там, где прошли четыреста лет после старта, меня нет. Я давно умерла. Да?

Леонид отвел взгляд.

– Да, – вынужден был признать он. – Вселенную, откуда появился Том, которого мы видели на экране, ты вспомнить не можешь.

– Там я умерла, – повторила Лайма. Мысль о том, что где-то ее уже нет в живых, а где-то, может быть, она еще не родилась, показалась ей не столько невероятной, сколько эмоционально неприемлемой.

– Значит, – сказала она, – ты с самого начала знал, что помочь Тому невозможно!

– Как я мог это знать? Мне только этой ночью пришло в голову, что в разных вселенных могут быть разные времена. Этого нет в теории.

– Какое время отделяет наш мир от того, что я вспомнила?

– Я не знаю!

– Почему?

– Почему – что? – осторожно переспросил Леонид.

– Не понимаешь? Мы – я, Том, ты – живем в двадцать первом веке. Здесь. Но там... я помню даже запахи, они стали еще сильнее, ощутимее. Я о чем... Почему там мы – я, Том, ты, эта Минни – живем в другом времени? Не другие, похожие на нас, а мы? Иначе я не смогла бы вспомнить! Скажешь, что это квантовые эффекты? – с неожиданной злостью спросила Лайма. – Ты физик или мистик? Во всех несуразицах, во всем, что ты не можешь объяснить, виноваты у тебя квантовые эффекты. Просто слова. Пустые.

– Лайма...

– Если где-то мы с тобой и Том живем в двадцать втором веке...

– Ты помнишь дату? – быстро спросил Леонид.

– ...то где-то мы – тоже такие, как есть, – можем жить и в тридцатом веке, да или нет?

– Ну... – с сомнением сказал Леонид. – Этого нельзя исключить.

– Значит, где-то мы живем тогда, когда корабль Тома пролетел мимо цели и два века спустя исчез.

– Не два века, – задумчиво сказал Леонид, – свет еще должен дойти до Земли.

– Неважно. Живем в то время, когда стало известно, что звездолет исчез.

– Ну... наверно.

– А в какой-то вселенной мы живем в те годы, когда Тома еще можно было спасти.

Леонид не представлял, как это можно было бы сделать, но сказал осторожно:

– Наверно.

– Тогда... – Лайма помедлила и добавила: – Я хочу домой. Отвези меня, пожалуйста.

– Хорошо, – пробормотал Леонид и приподнялся, чтобы перебраться на переднее сиденье.

– Не на этой, – сказала Лайма. – На моей. Эту ты взял у Колмана? Позвони ему позже, он заберет машину.

– Хорошо, – повторил Леонид.

* * *

Леонид вел машину медленно, искоса поглядывая на Лайму. Что она вспоминала? Ей нужно побывать одной, освоиться, заново себя понять, каждое слово будет лишним. Пусть заговорит первая, тогда он будет знать, как себя вести.

Не меньше, чем Лайме, Леониду нужно было сейчас оставаться наедине с собой. Рассказ Лаймы он воспринимал пока, как сюжет фантастического фильма. Точно знал, что на самом деле это фильм о реальной жизни, но на уровне ощущений это была фантастика.

Лайма вспомнила себя в мире, где они были любовниками, а Том получил от ворот поворот и, в угнетенном состоянии, отправился в экспедицию. Почему психологи (должны же там быть психологи!) допустили, чтобы астронавт ушел в полет, не будучи совершенно здоров? Угнетенная психика опаснее недолеченного насморка. Какие физические законы привели к тому, что в мире номер два они, такие, какие есть, живут в другом времени и, похоже, в других странах?

Существует ли мир, в котором Тома можно спасти? Нет. Если корабль потерпел катастрофу – то во всех мирах, где полетел к звездам. Во всех мирах скорость света одинакова в пределах квантовой неопределенности: триста тысяч километров в секунду. Если на Земле

принят сигнал о помощи с расстояния в сотни парсек, то после катастрофы в любом случае прошли столетия, и на экране человек, много лет назад расставшийся с жизнью.

Правда... В нашем мире Том не отправлялся к звездам. В нашем мире существует только электромагнитный сигнал, вспышка, разложенная в телевизионную картинку. Да, и сигнал был с абсолютной точностью направлен на Землю. Учтены десятки недостаточно определенных (здесь и сейчас) движений: Земли вокруг Солнца, Солнца вокруг центра Галактики, звездолета по его траектории. Нужно было определить расстояние до Земли с точностью до световой секунды, иначе узко направленный электромагнитный пучок прошел бы мимо. И нужно было рассчитать, чтобы мы этот пучок зафиксировали. Произойди вспышка на сутки раньше или позже, и она осталась бы незамеченной, потому что за этой областью неба никто не вел систематических наблюдений. «Маньяки» оказались в нужном месте в нужное время...

И прочитать текст по губам говорившего позвали именно ту женщину, которая в нашей Вселенной любила Тома Калоху, астронавта...

Сколько невероятных случайностей должно было сойтись на площадке по масштабам вселенной – микроскопической! Но такая цепь «случайностей» естественна в мироздании, где вселенных-клонов больше, чем атомов в каждой из таких вселенных. Антропный принцип в квантово-механической интерпретации.

Все так, но поверить в это трудно. Папа не смог.

Поверить – ключевое слово. Почему, даже оказавшись перед фактом, человек все равно хочет сначала поверить в происходящее и, лишь поверив эмоционально, принять? Даже неопровергнутая система математических доказательств остается вне научного рассмотрения, пока не найдется человек, поверивший в новую идею. Сколько людей – профессиональных физиков в том числе, – до сих пор не верят в справедливость теории относительности, несмотря на очевидные ее подтверждения! Не верят – и создают альтернативные теории тяготения, боятся лбами о стены неприятия, но все равно не верят. Чем наука отличается от религиозной веры, если...

«Стоп, – сказал себе Леонид. – Это важно понять, но не сейчас».

Лайма, похоже, задремала. Бедная, как она смогла принять вторую свою память, третью, четвертую, и даже рассказать достаточно внятно – на языке, которого прежде не знала?

Леонид припарковался перед домом Лайзы, выключил двигатель и проверил список входящих звонков на телефоне. Восемь. Семь от Папы, один – от Ренаты. Отвечу потом. Разбудить Лайму? Она спит так крепко...

Леонид обошел машину, открыл дверцу со стороны пассажира и поднял Лайму на руки. Невольно огляделся – не видит ли кто.

На скамейке под раскидистым деревом (что-то тропическое, в ботанике Леонид не разбирался) сидела женщина лет пятидесяти, гавайка, и смотрела, как Леонид шел к подъезду с Лаймой на руках. Что она подумала? Ах, какая разница... Открыть дверь Леонид не мог, нужно было потянуть на себя...

Женщина поднялась и, не торопясь, приблизилась. Сказала несколько слов по-гавайски, Леонид пожал плечами и просительно улыбнулся. Женщина открыла перед ним дверь и что-то спросила, Леонид кивнул, не поняв. Он начал подниматься по лестнице и подумал, что Лайму все равно придется разбудить перед дверью в квартиру. Услышал тихие шаги – женщина шла следом, кивнула ему: иди, мол, я помогу.

Ключ. Скорее всего, ключ в сумочке, сумочка в машине, машина на улице... Глупо. Лайма тихо вздохнула, будто во сне поняла причину его замешательства, но ничем помочь не могла – только сильнее прижалась щекой к его груди, отчего Леониду захотелось стоять, не шевелясь, всю оставшуюся жизнь. Чувствовать, как бьется ее сердце, ощущать запах волос, видеть близко ее губы, ресницы...

Леонид растерянно посмотрел на женщину, протянувшую руку, чтобы помочь ему открыть дверь.

— У меня нет ключа, — сказал Леонид по-английски, не уверенный, что его поймут. — Ключ в сумочке, сумочка в машине...

Женщина кивнула и пошла вниз.

Когда она скрылась за поворотом лестницы, на Леонида сизошло странное ощущение. Держать Лайму становилось труднее, он стоял, тяжело дыша, и в то же время — так ему казалось — видел сон, будто вошел в спавшее сознание Лаймы и оказался в знакомом мире, он здесь родился, прожил жизнь, помнил каждое мгновение, воспоминания лежали неразобранной грудой старых вещей в далеком закутке, куда он ни разу не заглядывал, потому что не подозревал о возможности распахнуть плотно закрытую дверь, в ней и замка не было, и ключ не нужно было доставать из сумочки, в памяти всех людей есть такая комната и дверь, о которой не знаешь, как о потайном ходе в старинном замке, но если нашел, если открыл дверь, если ступил на порог... Понимаешь, насколько безбрежен океан воспоминаний. Понимаешь, что океан не один, их множество, они не помещаются в маленькой комнатке в мозгу, да и комнатки на самом деле нет, дверь лишь открывает пути, множество дорог... куда? В собственное «я», которое богаче Вселенной, потому что живет в миллиардах миров. Не в миллиардах... сколько получалось в расчетах? Десять в шестьдесят седьмой степени, и это минимум.

В какой из своих памятей видела сейчас сон Лайма? В той, где ее любимый Том не полетел к звездам, не погиб в дорожной аварии, не ушел к Минни, и жили они вместе долго и счастливо? Или в той, где Том улетел, но корабль удалось спасти, и Том вернулся — к Лайме, не к Минни? Или в той, где Том сказал Лайме: «Прости, я люблю другую» и ушел, а она осталась одна, потому что и Леонид, с которым она какое-то время была близка, тоже выбрал другую женщину? Он это помнил, точнее, знал, что помнит, но не мог выбрать именно это воспоминание, эту дорогу памяти, чтобы пойти по ней и разглядеть подробности.

Как все сложно в мирах, где живет наше «я». Как, оказывается, все просто — если вспомнить.

— Сэр, — женщина говорила по-английски с видимой неохотой. — Я не знаю, те ли ключи взяла. Они лежали в женской сумочке.

— Да, — сказал Леонид. — Попробуйте желтый, он, кажется, подойдет.

Ключ подошел, и женщина распахнула перед Леонидом дверь. Он положил Лайму на диван в гостиной — как недавно, вечером... вчера? Или сто лет назад? Здесь? Он бывал в этой квартире? Леонид не был уверен. Лайма положила ладони под щеку, поджала ноги — совсем как ребенок.

Он поцеловал Лайму в щеку — тихо коснулся губами. Нужно было подумать. Подумать и решить. Решить и выполнить. Выполнить и понести ответственность.

Он был готов?

Если человек, в принципе, помнит себя во всех мирах-клонах, то как вызвать нужное воспоминание? Леонид с трудом вспоминал собственное детство. Помнил рассказы мамы, а реальные эпизоды если и вспоминались, то как иллюстрации к ее рассказам. Он и университетские годы почти забывал — остались события, даты, но не лица сокурсников, детали интерьера. Он не запоминал имена, не всегда узнавал людей, с которыми вчера познакомился. Зато хорошо помнил числа, формулы.

Дырявая память. Может, потому и дырявая, что остальные памяти неощутимой лавиной сметают реальные воспоминания? Мы не помним нужное, не зная о том, что помним другое?

Леонид прикорнул в уголке дивана, чтобы не касаться Лаймы, не мешать... Пусть спит, а он посидит, подумает.

* * *

Когда Леонид открыл глаза, в комнате было полутемно, и ему показалось, что проснулся он в своей квартире в Зелен-чукской. Запах свежемолотого кофе. Тихий разговор – по телевидению передавали новости. Леонид потянулся, медленно приходя в себя. Наташа встала сегодня раньше него и сейчас войдет в спальню с обычными словами: «Вставай, соня! Расчеты стынут!»

– Лео, ты проснулся? Лайма!

Леонид вспомнил, наконец, где находится.

– Я слышу, ты проснулся. – Лайма вошла из кухни с двумя чашками в руках, поставила на журнальный столик, принесла блюдца и сахарницу и только после этого подошла к Леониду, положила руки на плечи и поцеловала в губы. Отстранилась.

– Садись, Лео, выпей чаю.

Лайма придвигнула столик и села рядом с Леонидом.

– Что тебе снилось? – спросила она.

Леонид не запоминал снов. Он не был уверен, что сны у него вообще были. Что-то смутное. Ему и сейчас ничего не сни…

Он вспомнил. Только что знал, что спал без сновидений, и – вспомнил, увидел, будто фильм, от первого до последнего кадра, весь, сразу, не во времени, кадры расположились в пространстве, и нужно было переходить от одного к другому, чтобы рассмотреть по порядку. Порядок он устанавливал сам – мог перейти от последнего кадра к тому, что в середине, мог начать с середины и перескакивать к началу и концу попеременно. Что-то это ему напоминало…

Да. Вселенную Барбуру. Леонид писал о ней в курсовой на втором курсе. Барбур утверждал, что понятие времени во вселенной отсутствует. Мир – множество статичных кадриков-реальностей, мгновений настоящего. Жизнь – переход от одного кадра к другому. Красивая идея, но совершенно не разработанная математически.

«Наверно, – подумал Леонид, – я вспомнил во сне, и сон распался на кадры, а память хаотически их разбросала. Как я теперь сложу последовательность?»

Не было ничего проще.

– Мне приснилось, – Леонид взял со столика чашку и отпил глоток: какой вкусный заварила Лайма чай, – мне приснилось, что я работаю в Третьей Лунной обсерватории, у меня в подчинении семьдесят два сотрудника, мы занимаемся квантовым сканированием мультивселенной до расстояний трехсот парсек… Послушай, я помню все числа!

– Конечно, – улыбнулась Лайма. – Кому помнить, как не тебе?

– На каком языке мы разговариваем? – в замешательстве пробормотал Леонид. – Не по-английски.

Лайма покачала головой.

– И не по-русски…

– Это гавайский, – объяснила Лайма. – Не старый гавайский, что был при императоре Камеамеа Первом, а новый, в нем много английских слов, но очень своеобразная грамматика. Не думай об этом, Лео. Вспоминай.

Чашка в руке Леонида оказалась пустой, и он вопросительно посмотрел на Лайму.

– Еще чаю? – сказала она. – И сэндвич? Может, сделать глазунью?

Глазунью он терпеть не мог. Наташа закормила его разными видами яичниц в первые недели их брака. Выяснилось, что она не умела готовить, яичницы были ее единственным и коронным блюдом, после медового месяцы яйца, казалось Леониду, вылезали у него из ушей, как у фокусника на эстраде. В конце концов, он наотрез отказался от очередного «глазка»

и пригрозил, что разведется, если не получит нормальной котлеты с гарниром из свежих помидоров и огурцов.

– Да, – сказал он, – сделай. Обожаю глазунью. Сто лет ее не ел.

Пока Лайма ходила по кухне, что-то включая, переставляя и взбивая миксером, Леонид раскладывал в памяти кадрики, точно определяя, что в его сне за чем следовало, из каких причин возникали какие следствия, и чем все закончилось в том мире, память о котором заняла место в его сознании, нисколько не потеснив обычную, – он вспомнил, как в первый раз привел Наташу к себе домой, родители ушли в гости, он усадил девушку на диван в гостиной и долго возился на кухне, настраиваясь на решительные действия, но так и не смог, он хотел Наташу, но боялся ее обидеть, не знал, как себя вести, но все получилось само собой, то есть, так, как хотела Наташа: когда он вернулся из кухни, она стояла перед зеркалом обнаженная, не стыдясь своего тела. Чего ей стыдиться, она пришла к своему мужчине, и, если он не решался сделать то, что нужно, она должна была ему помочь, разве нет?

Лайма поставила перед Леонидом тарелку с аппетитной на вид глазуньей, она добавила ломтики бекона, посыпала укропом и, похоже, какой-то гавайской приправой. Леонид нацепил на вилку большой кусок, ему показалось, что ничего вкуснее он не ел в своей жизни. Пусть так всегда и будет: глазунья с беконом на тарелке, Лайма в коротком халатике и обнаженными руками, семейная идилия вдвоем, нет, почему вдвоем, из спальни слышны голоса детей, двое, мальчики, одному три, другому пять...

Память о том, что возможно? Дежа вю?

В какой-то из вселенных-клонов...

– Ты работал на Луне, – напомнила Лайма.

– Да, – сказал Леонид. – Обсерватория квантово-парциального мониторинга мультивселенной. Представляешь, Лайма? В зоне нашей ответственности десять в пятнадцатой степени вселенных-клонов. Миллион миллиардов.

– Миллион миллиардов, – Лайма пожала плечами. – Для меня это слишком большое число. Не могу представить себе ничего больше пары тысяч.

– Пожалуй, я тоже, – улыбнулся Леонид. – Понимаешь, в квантовом мире вселенные-клоны связаны... Вспомнил: это называется «протокол Освальда». Освальд. Когда он жил? Неважно. Освальд первым описал квантовые переходы между вселенными с привлечением уравнений психического взаимодействия наблюдателей... Я понял!

– Что? – осторожно спросила Лайма, потому что Леонид застыл с протянутой рукой, в которой держал вилку.

– Что? – повторил Леонид. – Я понял, почему до сих пор не удалось построить единую теорию, объединить все физические поля. Не включен наблюдатель. А наблюдатель не включен, потому что еще не выведены уравнения психологии подсознания, а уравнения не выведены, потому что психология сегодня – наука описательная, феноменологическая, в ней даже базовые законы еще не открыты, это будет... Не знаю, когда это произойдет в нашем мире. Скорее всего, не при нашей с тобой жизни.

– Говори, что помнишь, говори...

– Я помню себя на лунной станции, мы занимались квантовыми переходами по Освальду. Генераторы, создающие «протокол Освальда», – что-то вроде Большого адронного коллайдера, но там не адроны сталкиваются, а бозоны Хиггса и апреоны... у нас эти частицы еще не открыли. Трудно вспомнить слова... язык... вижу кадры, картинки, я их перебираю в памяти, а звука нет.

– Пожалуйста, – взмолилась Лайма. – Опиши картинки. Ты... смог спасти Тома?

– Том, – Леонид надавил пальцами на виски, боль просачивалась из глубины черепной коробки, пока тихая, как набежавшая на берег волна начавшегося прибоя. Он чувствовал, что скоро вторая волна боли заставит его забыть, разметает сложенные по порядку картинки. –

Лайма, мы научились летать к звездам. По «протокам Освальда» корабль попадает во вселенную-клон. Из-за квантовой неопределенности – всегда не в ту точку пространства-времени, откуда вылетел. Сдвиги рассчитываются квантовыми компьютерами, которые позволили справиться со сложностями психофизического описания.

– Квантовые компьютеры? Они и у нас есть. Я как-то переводила статью...

– Принцип работы тот же, что связывает вселенные-клоны. Перепутанные состояния квантовых систем. Я почти ничего не понимаю в квантовых компьютерах, никогда ими не занимался, сейчас мало кто знает, как это работает. Скорость расчетов, по идее, на много порядков больше, чем у лучших нынешних компьютеров. Но это преимущество видимое, внешнее. Квантовые компьютеры – мостик во вселенные-клоны. И если корабль Тома оказался в нашей Вселенной, то его квантовые компьютеры могли обеспечить любую точность наведения луча в пределах квантовой неопределенности. Потому нам и удалось наблюдать вспышку.

– Я поняла, – сказала Лайма.

– Что? Я сам себя плохо понимаю.

– Корабль Тома перешел во вселенную-клон и не сумел вернуться. Да? И та вселенная, где он остался без надежды на возвращение, – наша?

– Похоже, что да, – пробормотал Леонид.

– В нашем прошлом...

– В нашем прошлом, – повторил Леонид, не стараясь сгладить углы. – Несколько веков назад.

– Они давно погибли. – Лайма будто только сейчас осознала эту мысль, до сих пор она надеялась... На что?

Леонид молчал. Конечно, погибли. Сотни лет во времени и в пространстве. Никакой надежды.

– Лайма, родная... – Леонид целовал ей щеки, говорил в промежутках между поцелуями, речь была похожа на прерывистую передачу, смысл сказанного ускользал от Леонида, а Лайма если и понимала, то интуитивно, по-женски слушая не слова, а стоявшую за ними мысль, чувство, желание. – Родная, мы можем спасти Тома... в своей памяти... он непременно спасся... в каких-то вселенных-克лонах... а где-то он не полетел... остался с тобой... там, где мы с тобой не были... где-то он остался на Земле с Минни... извини, что я так... а мы с тобой... ты можешь вспомнить...

– Ну и что? – Лайма отстранилась и посмотрела в глаза Леониду с выражением, которое он не смог определить. Раздражение? Непонимание? Отчуждение?

– Вспомню – и что? – Лайма почти не разжимала губ, и Леонид не сразу понял, что говорит она опять по-русски. – Я буду помнить, что Том полетел и вернулся, стал героем, и мы с ним были вместе всю оставшуюся жизнь... Я не могу вспомнить всю жизнь? Для этого нужно умереть.

– Да, – пробормотал Леонид.

– Это безумие! – голос Лаймы сорвался на крик. – Я видела могилу Тома, я знаю, что его нет, он погиб, а помнить я буду, как он вернулся из космоса, и мы вместе... Ты понимаешь?

– Да.

– Ничего ты не понимаешь! Не хочу! Почему это должно быть со мной? Почему ты сделал это со мной? Почему позвал меня смотреть?

Слезы текли по ее щекам.

– Ты не хотел? Не думал? – Лайма слышала его мысли, или он говорил вслух? – О чем ты вообще думаешь? Уходи. Я не хочу тебя видеть. Я хочу забыть и забуду. Забуду. Забуду!

Леонид пошел к двери.

– Уходи! Ненавижу тебя!

Дверь он прикрыл тихо – голос Лаймы будто отрезало.

* * *

– Я вижу, ты передумал? – Бредихин встретил Леонида любезным кивком, будто не было между ними размолвки. Комната в Верхнем доме выглядела бесприютной, три стола

с компьютерами – собственность обсерватории – стояли посреди помещения, да еще кресла и стулья вдоль стен.

– Где... – начал Леонид.

– Аппаратуру упаковали, – сообщил Папа. – Грузовик в аэропорт уйдет в шесть, Витя перед отправкой еще раз вместе с Коллинзом проверит комплектацию.

– Меня не беспо...

– Рену я отправил отдохать. Извини, – Папа взгляделся, наконец, в бледное лицо Леонида. – Ты плохо выглядишь. Как мисс Тинсли?

– Приходит в себя... понемногу. Евгений Константинович, я все больше убеждаюсь – эта передача...

– Ну-ну... – пробормотал Папа. – Новая идея?

– ...результат квантовой переброски космического аппарата из вселенной-клона в нашу.

– Извини, Леня, в квантовой космологии я не специалист, доверяю Линде, Старобинскому...

– Мне – нет? Бредихин помолчал.

– Тебе – нет. Вообще-то, мне и хаотическая инфляция по Линде кажется... м-м... притянутой за уши.

– У вас есть другое объяснение?

– Согласись, – миролюбиво отозвался Бредихин, – передача, во-первых, не совсем обычная, не похожая на сцену из блокбастера, слишком... э-э... непрофессионально для Голливуда. Во-вторых, простота декодирования. Согласись, будь это действительно... Леня, ну, право! Неужели ты думаешь, что реальный сигнал, отправленный якобы со звездолета, удалось бы декодировать за несколько часов?

– Витя говорил, и вы тоже...

– Все находились под впечатлением! Если не считать вспышки, природу которой мы пока не знаем...

– Как же не знаем?

– Не знаем, – повторил Бредихин. – Если не считать вспышки, у нас хорошие сеты наблюдений верхних пределов, верно? Мы на порядок уменьшили ожидаемые величины излучений ореолов. С этим ты не споришь? А с передачей дома разберемся.

– Величина поглощений...

– Послушай, Леня, – раздраженно сказал Папа, – это прикидочные оценки. Сигнал, скорее всего, не коммерческого телеканала. Закрытая линия, случайно отраженная...

– Секретная передача ЦРУ, – насмешливо сказал Леонид. – Тренировка космических шпионов. Криптотелевидение, криptoастронавтика, теория заговора...

– Твоя интерпретация менее фантастична? – рассердился Папа. – Сто парсек! Земной корабль из вселенной-клона! Мало того! Мисс Тинсли, оказывается, знакома с астронавтом! Может, она – участник проекта, о котором мы понятия не имеем?

– Вы серьезно?

– Как нельзя более, – буркнул Папа. – Теория заговора? Против нас? Кому мы сдались с нашей маниакальной аппаратурой?

– А Лайма каким образом оказалась замешана? Ее специально подослали, чтобы...

– Не специально! Я говорю: кому мы сдались! Зафиксировать всплеск можно было только на телескопах Кека. Откуда бы передача не велась, именно здесь ее должны были принять.

– На Кеке нет аппаратуры с нашей разрешающей способностью.

– Ты уверен? Точно знаешь, какие программы здесь ведутся?

– Лист наблюдений есть на сайте обсерватории.

- Написать можно что угодно!
- И Лайма...
- Мисс Тинсли участвует в программе, что тут странного?
- И ломает перед нами комедию?
- Играет свою роль. Я волновался – не пойдет ли она к начальству, не выдаст ли нашу...
кхм... тайну. Скорее всего, по указанию начальства она и действовала.
- Не забывайте, – вставил Леонид, – это я нашел ее, когда нам понадобился чтец по губам. Я ее нашел, а не она меня.
- Естественно, ты ее нашел. Здесь есть другой специалист подобного рода?
- Вы твердо убеждены...
- Черт побери! – взвился Бредихин. – Ни в чем я не убежден! Анализом вариантов займемся дома.
- В том числе и вариант вселенных-клонов?
- Если хочешь. Иди, отдохни. Сбор в пять часов. Здесь. Собери вещи, за ними заедем по дороге. И не обижайся. Придешь в себя, поймешь, что я прав.

* * *

Машина Лаймы стояла перед домом. Женщины, сидевшей утром на скамейке, не было. Двое садовников подравнивали кусты, создавали английский газон – судя по состоянию растительности, в запасе у них было лет двести.

Леонид ходил взад-вперед, а потом, решившись, поднялся на второй этаж и остановился у знакомой двери. Тишина удручила.

«Уходи, – повторял себе Леонид. – Тебя все прогнали. Прогнал Папа. Прогнала Лайза. Уходи».

Леонид нажал на ручку двери. Заперто. Впрочем... Он вспомнил: дверь открывалась наружу. Потянув ручку на себя, Леонид не ощутил сопротивления. В прихожей было темно, дверь в гостиную полуоткрыта – он ее так и оставил два часа назад. Господи, что могло...

В гостиной Лаймы не было, на кухне тоже. И в коридорчике, который вел в спальню.

Лайма стояла у шкафа и смотрела на себя в зеркало. Руки опущены, взгляд пристальный, неподвижный. На Лайме было короткое цветастое платье, подпоясанное ремешком. Волосы рассыпаны по плечам. Она увидела в зеркале Леонида, но не отреагировала на его появление.

Он осторожно обнял Лайму за плечи. Не отрывая взгляда от отражения, Лайма положила ладонь на руку Леонида и произнесла несколько слов на языке, которого он не знал. Гавайский? Недавно он понимал гавайский.

Невозможно приказать себе вспомнить. Память не подчиняется сознанию. Почему? Он хотел вспомнить, как подошел к Лайме в библиотеке, и воспоминание явилось немедленно: светлый зал, столы, девушка смотрит на него удивленным взглядом и спрашивает: «Нужно подняться к телескопам?». Он может вспомнить себя в этой Вселенной, он может вспомнить себя в любой из вселенных-клонов. В той, где сейчас Лайма. Тогда они...

– Лео, – сказала Лайма, переведя, наконец, взгляд с собственного отражения на отражение Леонида, – ты молодец, Лео. Тебе это удалось.

Лайма говорила по-русски.

Она вернулась или все еще... там? С кем она разговаривала? С ним или с его отражением в другой вселенной?

Лайма закрыла глаза, и он поцеловал ее в губы. Если она не здесь, то...

Лайма была здесь. Она была здесь настолько, что от поцелуя у Леонида захватило дух. Он чувствовал под ладонями ее напряженные лопатки, бретельку лифчика, провел ладонью

по ее спине, а другой – по волосам. Глаза были закрыты, но он видел. Разноцветные пятна сливались и расползались, рисуя то хаотические фигуры, то неожиданно вспыхивавшие изображения – дом, окно, улица, небо, женщина… Лайма.

– Да, – вспомнил он, – я это сделал.

– Ты молодец, Леня. Ты сумел.

Что сумел? Он должен вспомнить, не перебирая в памяти миллиарды, сотни миллиардов, бесконечное число миров.

Идея была его, да, но работали сотни человек на Лунной базе, тысячи на Ганимеде и десятки тысяч на Земле, в обсерваториях и на генераторах Освальда. Нужно было сконструировать длинную серию перепутанных состояний, сотни компьютеров, соединенных в квантовую цепочку. Никакой гарантии. Скорее наоборот, он был почти уверен, что не получится, никогда еще квантовые компьютеры не работали в таком сложном режиме. Он испытывал на прочность свою теорию, аналог антропного принципа. При нештатной ситуации сеть выпадет во вселенную-клон, где терпел бедствие «Коринф». Пришлось рискнуть – машинами, не людьми. Если эксперимент не удастся, звездолет не вернется, экипаж погибнет в чужой вселенной, а компьютеры… Можно представить удивление археологов, которые найдут странные артефакты на раскопках древнего захоронения. Изумление палеонтологов, откопавших в кладбище динозавров приборы, которых десятки миллионов лет назад быть не могло…

«Коринф» вернулся – из-за квантовой неопределенности (слишком много компьютеров, слишком много вселенных-клонов, задействованных в расчетах) корабль проявился в поясе Оорта втрое дальше Плутона. Обнаружить его и доставить на лунную базу – задача, решаемая обычными методами планетарной астронавтики. Четверо суток эскадра спасателей летела к «Коринфу». Успели. До полного отказа систем жизнеобеспечения оставалось несколько часов – кинематографическая ситуация, когда помочь главным героям приходит в последний момент на глазах у взволнованных зрителей.

Он вспомнил это? Или всегда знал? Перед глазами плыли радужные круги, разболелась голова, в затылке вспыхнул огненный шар.

Взгляд Лаймы…

Только взгляд, будто улыбка Чеширского кота.

«Куда ты идешь?»

«Куда-нибудь».

«Ты не придешь никуда, если не знаешь куда идти». «К тебе». «Ты со мной».

Шар рассыпался на искры…

* * *

Леонид открыл глаза. Комната показалась ему незнакомой. Он никогда здесь не был. Лежать было жестко. Лайма сидела у него в ногах.

– Где… мы? – спросил он.

– Дома, – улыбнулась Лайма одними губами, глаза смотрели тревожно и о чем-то спрашивали. Он понял бы вопрос, но не мог сосредоточиться. Мешала чужая обстановка – потолок без лампового покрытия, просто беленый, будто не в цивилизованном доме, а на островах Полинезии, гдеaborигены до сих пор сохраняли уклад чуть ли не середины двадцать первого века. Стены тоже беленые, ни одного экрана-просвета, только два старинных окна, он видел такие в Историческом центре Нью-Йорка, где осталась сотня зданий классической постройки. И настоящие деревянные шкафы, прозрачные дверцы, материал с отблесками… стекло?

Лежал он, впрочем, на обычном диване. Под старину, да, у него был такой диван на «Эдмее». Не вормекс, но тоже удобно.

– Дома? – переспросил он, взглядом показывая, что их домом эта комната быть не могла.

– Ты совсем не помнишь? – Лайма наклонилась и положила ладонь ему на лоб, какая теплая, не убирай, ты меня лечишь, я чувствую твою внутреннюю энергию, сейчас мне станет лучше, и я все пойму…

– Ты и так все понимаешь, мой хороший. – Почему в ее голосе такая грусть?

– Очень устал, – пожаловался Леонид. – Тринадцать суток без сна – даже при активации срок слишком большой.

Лайма кивнула. О чем-то напряженно думала, но он не мог понять ее мысли, Лайма была от него закрыта. Она никогда в последнее время не ставила мыслеблок. Зачем? Они были единым целым, иначе ничего не получилось бы, он должен был знать о Томе то, что знала только Лайма, он служил посредником между ее памятью и компьютерами, рассеивавшими воспоминания по огромному числу вселенных-клонов в поисках взаимно однозначного соответствия. Он не хотел знать об отношениях Лаймы и Тома, но так было нужно, он даже помнил, как они… Сейчас-то зачем это вспоминать, и, тем более, бессмысленно волноваться по этому поводу, а он нервничал, не мог справиться с волнением. Лайма закрылась – почему?

– Лео, – мягко произнесла Лайма, – пожалуйста… Просто… Понимаешь, я помню и то, что было здесь, и то, что происходило… тоже здесь, с нами и Томом. А ты пока не вспомнил себя-здесь, ты еще там.

Он заставил себя сесть. Взял руки Лаймы в свои и понял, что вернулся. Внимательно оглядел комнату еще раз. Барьер между гостиной и кухней. Шкафчики. Чайник – электрический, с терmostатом. Низкий столик – такие раньше называли журнальными, потому что… Журналы – настоящие, не на пластике даже, а на бумаге. Окно, как в домах Централ-парка. За окном (стекло?) голубое небо с единственным маленьким круглым облачком, похожим на луну. Крыша, дом напротив…

Он никогда здесь не был, но знал, что, если подойти к окну и посмотреть вниз, можно увидеть садик с подстриженными кустами и скамейку, на которой сидит женщина-гавайка, у нее болят колени, она сжимает их крепкими ладонями, будто от этого ревматическая боль стихает, женщина смотрит вверх, и если он действительно подойдет к окну, взгляды их встретятся, и она спросит: «Как Лайма, сэр? С ней все в порядке? Не нужна помощь?»

Откуда он знал…

Он знал. Он вспомнил собственные расчеты, выступление на семинаре памяти Линде в позапрошлом году в Ванкувере за пару месяцев до отлета «Коринфа», Лайма поехать с ним не смогла, и он почему-то ревновал, думал, что она отправится в Касабланку к Тому, все-таки многое их в прошлом связывало, слишком много такого, о чем он не хотел знать, но тайн между ним и Лаймой не было, да и как могли возникнуть тайны, если на третий день после знакомства они раскрыли друг для друга память, они были так влюблены, так огорожены собственным счастьем и желанием знать все друг о друге, что не подумали о последствиях, кто об этом думает в такие минуты, и он узнал, как хорошо было Лайме с Томом, как они хотели ребенка, и как потом все пошло прахом, потому что Том полюбил другую, любовь непредсказуема, и, когда даешь клятву вечности, нужно понимать, что вечность порой бывает короче секунды, вечность – кажущаяся суть времени, Том ушел к Минни, и Лайма…

– Лайма, – сказал он, – я люблю тебя.

Слова остались в воздухе этой комнаты, в этом чужом мире, в этом своем мире.

Лайма провела ладонью по его щеке, будто губкой коснулась не лица, а мыслей, памяти, и… он, пожалуй, узнал комнату… он бывал здесь… несколько раз. Да.

Он встал, подошел к окну и прислонился лбом к теплому стеклу. Внизу был небольшой сад в английском стиле – газон и аллея со скамейкой под раскидистым деревом. На скамейке сидела женщина лет пятидесяти и, сложив руки под грудью, смотрела наверх. Увидев в окне Леонида, она улыбнулась и что-то сказала, он не рассыпал и поманил Лайму, чтобы она посмотрела.

– Это миссис Гановер, – сказала Лайма. – Соседка с первого этажа. Работает у Винса в пекарне. Ночью печет очень вкусный хлеб, а днем, выпаввшись, сидит на скамейке, дышит воздухом. Она одинокая…

– Что она говорит? – перебил Лайму Леонид. – Прочитай по губам.

– Ох… – смутилась Лайма. – Говорит, что мы хорошая пара. Нет, она сказала: замечательная, мы очень подходим друг другу. И еще…

– Да?

– Она говорит: не вечно мне убиваться по Тому.

– Убиваться по Тому? – не понял Леонид. – Мы же его спасли…

Он вспомнил. Городское кладбище перед поворотом на аэропорт Ваймеа-Коала. Металлические ворота. Дорожки. Памятник. Фотография. Комао Калоха. Он… не вернулся? Лайма, склонившаяся над могилой, ладони стиснуты, взгляд… Том погиб. Грузовик потерял управление…

– Лайма, – пробормотал Леонид, – прости меня, пожалуйста.

Лайма прижалась лбом к его плечу и что-то сказала, Леонид не рассыпал и переспросил.

– Это я с миссис Гановер, – сказала Лайма. – Мы с ней иногда так переговариваемся – я у окна, она внизу, в садике. Она умеет читать по губам – я научила.

– Вот как…

– Она говорит, что тебе будет трудно со мной.

– Почему?

Лайма отошла от окна, прошла на кухню, сказала оттуда:

– Она знает, что ты русский.

– Ну и что? – удивился Леонид. – Какая…

Он вспомнил и это. Господи… Ему придется уехать. Виза только до конца месяца. Шеф с Витеем и Реной улетают сегодня.

Он не сможет без Лаймы. Он никогда без нее не мог. С детства – с первой встречи. Он прилетел в Ниццу с экскурсией из Москвы, а Лайма с такой же школьной экскурсией из Ваймеа. Ваймеа… Будто в сказочной стране. Он нырял, и однажды, вынырнув, увидел рядом девичью головку, прозрачная шапочка не скрывала копну черных, как космос, волос. Он не умел знакомиться, боялся показаться навязчивым, нелепым и, главное, не остроумным.

«Вы, – сказал он, – из какой школы?»

«Я из Ваймеа, это на Гаваях, ты не знаешь, у тебя, наверно, плохо с географией».

Он смутился и хлебнул соленой воды.

«Ну что ты, – сказала она, – давай поплывем к берегу и познакомимся заново».

Так это было. Они лежали на мелкой гальке, смотрели на пересекавший ярко голубое небо белый и почти невидимый штрих-пунктир орбитального кольца и говорили, говорили… Никогда прежде он столько не молол языком. Не вообще, а с девушкой, которая ему безумно нравилась.

Когда нужно было разъезжаться (школьный автобус Лаймы улетал в Париж – старшеклассников везли осматривать Лувр и Музей Кали, а Леонид возвращался домой, его экскурсия закончилась), они обменялись адресами и кодами и долгие месяцы смогли прожить друг без друга. Конечно, письма, разговоры по стерео, были и ночи вдвоем, когда им удава-

лось встретиться на пару часов в нейтральной зоне – то на Камчатке, то на Кубе, где были юношеские лагеря с прямым подключением.

А после школы...

Он не хотел вспоминать их размолвку, ему казалось, что все между ними кончено, у Лаймы появился поклонник, с которым она...

– Ты и Том, – сказал Леонид.

Лайма поставила на столик закипевший чайник, разложила салфетки, разлила по чашкам заварку, положила дольки лимона – очень старательно, не глядя на Леонида.

– Ты и Том... – повторил он.

– Пожалуйста, – сказала Лайма, – не надо. Ты спас Тома – там.

– Там... – повторил Леонид. Ему с трудом удавалось разделить воспоминания. Он спас Тома. «Коринф» вернулся. Корабль был не на ходу, двигатели сдохли, когда звездолет переместился во вселенную-клон. Том Калоха вернулся, и Леонид видел его могилу на кладбище Ваймса, потому что Том разбился на грузовике.

– Наташа, – сказал Леонид.

– Твоя жена? – подняла брови Лайма.

– Послушай, – торопливо сказал он. – Я разведусь. Мы с ней давно чужие люди. Я разведусь и вернусь. Нам нельзя друг без друга.

– Да, – кивнула Лайма, доливая в чашки кипяток из чайника.

– Я разведусь, – повторял Леонид, как мантру.

– Лео, – сказала Лайма, – пей чай, остынет. Тебе нужно ехать.

Она опять говорила по-английски.

– Твою жену зовут Натали, – слишком спокойно, чтобы Леонид смог обмануться, сказала Лайма. – И ты не вернешься, потому что...

В гостиной заиграла приглушенная мелодия Моцарта.

– Тебя. – Голос Лаймы звучал ровно. – Это Натали, ответь.

Она отвернулась к окну и поднесла к губам чашку. Мобильник Леонид обнаружил в кармане куртки, небрежно брошенной на валик дивана.

– Леня, – голос Наташи. – Как ты там? Что-то я забеспокоилась, вот решила позвонить, дорого, но я на минуту, у тебя все в порядке, мне сказали, вы сегодня летите домой, Папа поменял билеты, ты знаешь, вас показывали в новостях, не вис-вас, а обсерваторию, телескопы Кека, я тебя высматривала, но не увидела, а почему ты не отвечаешь на мейлы, третий день уже, я забеспокоилась и вот решила... у тебя все в порядке?

Бесконечная лента слов.

– Да, – выдавил Леонид. Оглянулся на Лайму, прижал аппарат к уху. – Все в порядке.

– Тебя встречать в Москве?

– Да, – сказал он. – Нет.

Нужно было сказать «нет» два раза. Почему он...

– Хорошо, – сказала Наташа. – Я тебя люблю.

Он не слышал от жены этих слов уже лет... сколько же... в последний раз, когда были на юбилее Ургента... возвращались пешком через Измайловский парк, лето, теплынь, они остановились под деревом, будто покрывалом отгородившим их от мира, и начали целоваться, будто в первый раз... я тебя люблю... я тебя люблю... оба шептали одно и то же... да, в последний раз, больше ничего такого... Почему сейчас?

Он должен был ответить, Наташа ждала, он слышал ее дыхание, будто говорила она из соседней комнаты, а не с противоположной стороны планеты.

– Все в порядке, – пробормотал Леонид. – До встречи. Он не сказал даже обычного нейтрального «целую». Знал: минуту-другую Наташа будет бессмысленно смотреть на экран-

чик телефона, а потом швырнет аппарат на стол и станет плакать и злиться, а когда он вернется... если вернется...

– Ты не сможешь здесь одна. Слышишь?

Он говорил по-русски, Лайма русского не знала. Русский знала другая Лайма, а эта, стоявшая к нему спиной... поняла или нет?

– Ты не сможешь остаться одна, – повторил он по-английски.

– Почему? – сказала Лайма, не оборачиваясь. – Теперь я даже смогу приезжать на могилу Тома, зная, что он жив. Спасибо тебе.

– Кого ты все-таки любишь? – спросил Леонид с тоской. – Тома-мертвого здесь или...

Он хотел спросить «или меня-живого – там?», но он тоже был сейчас здесь, они оба были здесь, помня себя такими, какими остались во вселенной, где Тома спасли.

– Я не знаю, – сказала Лайма.

Она пошла к нему. Она шла и шла и не могла дойти, он пошел навстречу, но пространство между ними растягивалось, будто Лайма шла из другого мира, из вселенной-клона, где та же кухня, то же небо за окном, и та же любовь, о которой хочется говорить.

– Я люблю тебя, – сказал он, и пространство, наконец, пропустило Лайму к нему, они стояли, прижавшись друг к другу и опустив руки.

Мобильник заиграл Моцарта.

– Это твой шеф, – сказала Лайма. Она опять оказалась права.

– Леня, – голос Бредихина был сух, как русло Аму-Дарьи в летний зной, – мы выезжаем, будем у вас минут через пять. Я имею в виду дом мисс Тинсли, ты там, я не ошибаюсь?

Удивительный сарказм. Выдавленный.

– Евгений Константинович, я же сказал, что не поеду.

– Твоя виза заканчивается. Все равно придется вернуться, а перемена даты вылета повлечет штрафные санкции, которые ты оплатишь из своего кармана.

Леонид пожал плечами, и Бредихин воспринял не увиденный им жест, как знак согласия.

– Послушай, Леня, – сказал он миролюбиво, – ты совершаешь большую ошибку. Это не мое, в принципе, дело. Женщина, я понимаю... Масса совпадений, да. У кого угодно крышу снесет. Я сам...

Он замолчал.

– Вы сами... – напомнил Леонид.

– Да... На какое-то время поверил, будто... Передача эта... Леня, разве не очевидно, что мы случайно увидели не пред назначенную для нас трансляцию, отраженный сигнал...

Папа действительно в это верил?

– Евгений Константинович, – прервал Леонид сбивчивую, как ему показалось, речь Бредихина, – в том, что произошло, и в том, что происходит сейчас, нет ни грана случайности. Все закономерно, причины, как положено, вызывают следствия, а следствия являются причинами новых событий. Как если вы подали документы на замещение должности завотделом, а через неделю якобы совершенно случайно разругались с руководителем другого отдела, который, казалось бы, никакого отношения...

Не стоило напоминать о событиях пятилетней давности. Бредихин хотел возглавить отдел физики релятивистских объектов, подал документы, и его завалили на ученом совете, а неделю спустя шеф подрался с Коробовым, руководителем отдела солнечно-земных связей, они и знакомы почти не были, раскланивались при встречах, а тут Бредихин при всех подошел к Коробову, влепил пощечину и, не сказав ни слова, повернулся, но не таков был Коробов, чтобы сносить оскорблений, он толкнул Папу в спину, тот упал, и началась свалка. Драчунов разняли, и, поскольку объяснений не последовало ни от одного, ни от другого, все решили, что Бредихин «с глузду зъи-хал», как выразилась Мариэтта Семеновна из секре-

тариата. На самом-то деле (Леонид знал точно) у Коробова были давние причины ненавидеть Бредихина. Когда-то они ухаживали за одной девушкой, она выбрала Коробова, но Бредихин нестерпел и что-то ей наговорил, та поверила, брак не состоялся,

Коробов хотел набить сопернику морду, но не получилось – как раз тогда Бредихин уехал на Кавказ, возглавив группу «маньяков». В том, что через много лет Коробов оказался в обсерватории, тоже не было ничего случайного – здесь смонтировали лучшую аппаратуру для отслеживания солнечных вспышек. Соперники игнорировали друг друга, хотя оба давно были женаты, у обоих дети, а поди ж ты… Разве мог Коробов на ученом совете упустить возможность подгадить бывшему сопернику? Слово – тому, слово – этому, вода камень точит… Семь против, трое – за.

– Что общего? – холодно осведомился Папа.

– Только то, что все закономерно. Причинно-следственные связи иногда невозможны выявить, если рассматривать Вселенную в единственном числе. А в системе вселенных-клонов связи выявляются сразу и выглядят простыми.

– Леня, нет времени на научные дискуссии. Нужно ехать, понимаешь? Вещи у тебя с собой? Спускайся, мы уже внизу.

– Не нужно меня ждать, – твердо сказал Леонид. – Я не полечу.

Он нажал кнопку отключения связи, помедлил и выключил аппарат. Прозвучал короткий перезвон, экранчик погас.

– Они уехали, – сказала Лайма, смотревшая в окно. Леонид обнял ее за плечи. Волосы Лаймы пахли шампунем, запах показался Леониду неземным, из другой вселенной, это был запах еще не открытой планеты, еще не сваренного мыла, еще не выросших цветов, еще не прилетевшего ветра.

– Леня, – Лайма перешла на русский, – я вспомнила сейчас… Ты пришел ночью, была буря, океан ревел, я тогда жила в Пальмасе, на самом берегу, брызги долетали до окон, но я не закрывала, мне нравилось, когда капли попадали на лицо. Ты мог войти в дверь, но полез на дерево и чуть не упал. Я подала тебе руку, и ты спрыгнул в комнату… помнишь?

Леонид слушал, закрыв глаза. Розовые, зеленые, желтые круги сменились мгновенно высвеченным кадром из объемного фильма, одним из почти бесконечного числа кадров-реальностей, разбросанных в пространстве-времени множества вселенных-клонов. Изображение исчезло, но осталось в памяти.

– Да, – сказал он, зарывшись лицом в волосы, пахнувшие всеми воспоминаниями мира. – Я ужасно боялся упасть, но еще больше боялся, что ты скажешь «уходи».

– Разве ты не понимал, что я…

– Я думал, у тебя есть Том.

– С Томом у нас был разговор как раз в тот вечер. Мы все сказали друг другу, и он поехал к Минни, а я к себе, небо уже было черным, начинался штурм. Я подумала: «Если ты не придешь, я утоплюсь».

– Ты действительно…

– Не знаю. Ощущение – будто стоишь на тонком канате над пропастью. Упадешь или нет, зависит от одного слова.

– Я спрыгнул в комнату… Мне показалось, что волосы у тебя светятся. Будто у волшебницы из гавайской сказки.

– Ты знаешь гавайский, – Лайма повернулась и посмотрела Леониду в глаза.

– Да, – прислушавшись к себе, удивленно сказал он. – Я… мы потом долго жили в Гонолулу.

– Ты помнишь.

– Я люблю тебя, я жить без тебя не могу, я пришел к тебе в ту ночь, чтобы сказать это.

Он вспоминал и хотел вспоминать еще, одно воспоминание тянуло за собой другое, вселенные-клоны соединялись в нужной квантовой последовательности, ему было сейчас все равно, как это происходило в природе, он не думал о физической сущности явления, просто вытягивал нить, и она возникала – длинная, бесконечная. Ему много предстояло узнать о себе. О себе и Лайме. О Лайме и жизни. О многих жизнях – своих, как ни странно, именно и только своих.

– Моя бабушка, – улыбнулась Лайма, – научила меня гавайскому, когда мне было три года, и первой фразой, какую я произнесла, была: «Я люблю тебя, бабушка».

– Я люблю тебя, бабушка, – повторил Леонид. Лайма засмеялась и прижалась к нему.

– Что мы будем делать? – спросила она много веков спустя в какой-то из множества вселенных-клонов. – Самое простое – пойти в мэрию и зарегистрировать брак. Тогда ты останешься на законных основаниях. Кстати, у Корвина в лаборатории экзопланет есть вакантное место, я слышала пару дней назад. Правда, сначала тебе надо…

– Развестись, да. Думаешь, меня не вышлют, пока будет продолжаться процесс? Я знаю Наташу, она… Впрочем, ничего я на самом деле не знаю.

– Вспомни, – посоветовала Лайма. – Где-то когда-то с тобой это уже произошло. А где-то произойдет через сто лет.

– Где-то не случится вообще.

– Такого не может быть, – убежденно сказала Лайма. – Такого просто быть не может. «Да, – подумал он, – такого просто не может быть».

– Дежа вю, – произнес Леонид. – Память иногда подсказывает, а мы не верим…

– Я верю. Когда я увидела Тома на экране… И когда вспомнила… Я верю, понимаешь? Ты вспомнишь, как остался здесь со мной. Что для этого сделал. А если не вспомнишь, придется самим придумывать выход, верно?

– Конечно. Нас столько во всех вселенных, что вместе мы обязательно придумаем.

– Ты расскажешь Хаскеллу о сигнале? О передаче? О Томе?

– Нет, – огорченно сказал Леонид. – Эта информация – собственность группы, Папа не станет ничего публиковать, пока не разберется во всех деталях. А он никогда не разберется. Он ничего не понимает в квантовой космологии.

– Ты огорчен?

– Я? – Леонид прислушался к себе. – Пожалуй, нет. Я все равно напишу статью.

– О памяти? – улыбнулась Лайма.

– Я физик, – уклончиво произнес Леонид.

– А я – нет, – решительно сказала Лайма. – Я запишу все, что смогу вспомнить. Об этой жизни и обо всех других.

– И назовешь книгу: «Я во всех моих вселенных». Это будет бестселлер.

Леониду казалось, что он улыбается, Лайма видела в его глазах слезы, и оба не представляли, что ждет их завтра.

Эльдар Сафин

Последний ковчег нах зюйд

Рассказ

В приемной было безумно душно – электричество отключили еще с вечера, кондиционеры не работали.

На месте секретарши сидел майор Лазарев. С ним мы пересекались пару раз даже не в прошлой, в позапрошлой еще моей жизни, когда я был обычным «важняком».

– Ленька, сукин сын, – заорал майор на весь кабинет и полез мне навстречу. Бледные, потные и нервные куклы, в которых с трудом узнавались люди, неохотно расступались под его могучим нажимом. – Только не говори, что тебе не досталось билетика!

Мы обнялись – крепко, по-мужски коротко. Я улыбнулся – может, и не все так плохо?

– Серега, мне бы к Петрову, на пару минут.

– Не получится, извиняй, брат. Петров отправился на «Ковчег» еще позавчера, оставил Гонидзе. Гонидзе улетел вчера, оставил вместо себя Сечкина. Сечкин свалил утром, оставил вместо себя Крамарова, а у него должность маленькая, ему самому зеленою карты не положено – он-то никуда не денется. Так что если вопрос по билетикам, то должен тебя разочаровать, бананьев нема и не предвидится.

– А эти чего ждут? – я удивленно обвел рукой окружающих. Они отворачивались, делая вид, что я говорю не про них.

– Сам не понимаю, я им все уже раз сто сказал. Ждут, надеются и верят. – Лазарев жизнерадостно хохотнул. – Так ты за билетиком?

– Хрен с ним, с билетиком, я все понял. Ты сам когда на небо?

– А никогда. Гонидзе, сволочь, выдал мне только один – что я, жену и детей оставлю, что ли? Отдал карту младшему, пусть летит – ему еще жить и жить.

Мы попрощались и разошлись. Он – к секретарскому столу, я – на выход, через живую колышущуюся массу, которой уже сто раз было сказано: билетов нет и не будет.

– Ну что? – Нина нервно сжимала в руках сумку. За ней стояли в ряд четверо красавиц – Настя, Ленка, Женя и старшая, дуреха Лорка, из-за которой все так и случилось.

– В Пулково нет карт, я поеду в Касымово, мужики договорились, а вы летите сейчас.

Они ни на миг не усомнились в моих словах. Еще бы – всю жизнь верить, а сейчас ни с того ни с сего перестать?

– Пап, прости… – запоздало затянула Лора. – Если бы я осталась в Москве, у тебя бы не было проблем…

– Все, девчонки, прощаемся. Дайте карты, проверю.

На светло-салатных пластиковых карточках двадцать минут назад я вывел их имена – до этого билеты были анонимными, а теперь стали личными.

– Лень, береги себя, ты нам нужен. – Нина морщилась, чтобы не заплакать. – Ты мне нужен, слышишь? Я тебе сына рожу, вот клянусь, на этот раз точно сына, девочки, зажмите ушки – Леня, сукин сын, если ты не выберешься, я тебя на части разорву!

– Да выберусь, впервые, что ли? – я криво улыбнулся, потом обнял всех своих девчонок разом, развернулся и побежал, скрывая наворачивающиеся слезы.

Сдерживался несколько минут, пока бежал до своего внедорожника, а сев в машину, понял, что уже не хочу плакать. У меня была цель – Пушкин, там на аэродроме сидел Саня Левковец, насколько я знаю, старый еврей уйдет с корабля последним, переправив вначале всех своих – причем не престарелую тетю Рахиль с гигантским семейством, а ребят из «Бурана» и «Стрелы».

«УАЗ» шел по полю ровно, только поскрипывал чем-то неустановленным – впрочем, скрип на ходовые качества не влиял. Московское шоссе стояло намертво. Я свернул левее, прошел под трассой по рельсам переезда и помчал по путям – здесь пока пробки не было, хотя кто знает, что будет через пару часов?

Разминулся с отчаянно гудящим одиноким локомотивом, съехав по крутому откосу, дальше ехал вдоль ж/д.

На аэродром через новенькое, еще в лесах, здание аэропорта не полез – там и так скопилось несколько сотен желающих. Взял рюкзак с разрешенными десятью килограммами вещей, перекинул через забор, мелькнул корочками перед очумевшим срочником, пробежал сотню метров до будки, в которой окопался Левковец.

Он сидел за раскладным столиком в гордом одиночестве, под столом – полуметровая старинная рация, на вешалке – китель, фуражка и короткий парик из собственных волос. Перед операцией по удалению опухоли, испуганный возможным увеличением плеши, он заказал его, а потом взял и не облысел.

– Леонид Воропаев, личный спасатель господина президента! Какими судьбами?

– Врут, все врут, – скороговоркой ответил я. – Нынешнего президента я даже не спасал, да и по прошлому дели на два, не ошибешься.

– И в Смольном террористов не ловил? И на Красной площади беснующуюся толпу голыми руками не останавливал?

– В Смольном – каюсь, а у мавзолея со мной была рота ОМОНа, там только совсем глупый не справился бы. Я не об этом, Саня. Нет лишнего билетика?

Левковец помрачнел.

– Ты же понимаешь, каждая карта – минус человек из списка. Тебе на кого?

– На себя. Своих всех отправил уже, – я с надеждой посмотрел на полковника.

– Для себя, говоришь… – Он поскреб ногтями подбородок. – А что, выгрызэм. Ты-то нас потом еще раз десять спасешь, так что в убытке не останемся. Только объясни, как ты оказался без карты? В какую бы опалу ты не попал, ни за что не поверю, чтобы министр внутренних дел забыл тебя после событий в двенадцатом году. Он, конечно, сука, но в неблагодарности замечен не был.

Внезапно на столе включился гроб рации и залопотал то ли на французском, то ли на итальянском. Полковник приложил аппарат ладонью, и тот выключился.

– Была карта, министр не забыл. Лорка, старшая моя, получила приписку к Внуково, а ее пацан вроде как осться должен был, сам понимаешь – улетает один из десяти в лучшем случае. Он ей устроил ссору, крики, угрожал самоубийством. А она достала карту и шлеп перед ним на стол. Мол, на, лети, тряпка, а я останусь. Он, не будь дурак, забрал и свалил. А Лорка позвонила матери, мать вызвала ее домой, а дома я отдал ей свой пропуск. Есть неясности?

– Нету неясностей, товарищ подполковник, кроме того, как у такого умницы такая тупая дочь выросла? На истерику она должна была дать ему пощечину и потребовать, чтобы пацан организовал ей и себе личный транспорт до «Ковчега», и если он не побежит тут же суетиться, выгнать его к чертовой матери!

Левковец нажал на рации пару мест, открылась дверца. Я заглянул – там лежало полтора десятка зеленоватых пластиковых карт.

– Все, недолго уже осталось, раздам последние тем, кто успеет, и тоже свалю. Моя уже наверняка весь «Ковчег» достала криками «где мой Лева??!!». Бери, и чтобы я тебя на этой планете больше не видел!

– Есть, господин полковник, разрешите выполнять?

– Выполняйте!

Не прощаясь, я рванул в сторону аэробусов. Корочки службы охраны президента вместе с зеленой картой совершили чудо – через четыре линии оцепления я прошел за десять минут.

И, уже стоя перед тушей членока, вдруг ощутил знакомый укол. Что-то было не так, где-то крылся подвох. Я отодвинул сержанта внутренних войск, прошел под брюхо самолета и внимательно осмотрелся.

Ощупал глазами одно шасси, другое, заглянул вверх и, пристально изучив сочетание теней, обнаружил там забравшегося в техническую полость «зайца».

– Вылезай. – Девушка посмотрела на меня кроличими глазами и помотала головой. – Вылезай, все равно замерзнешь и умрешь раньше, чем у тебя даже кислород кончится.

Со слезами девушка отстегнулась – на ней было что-то вроде альпинистского снаряжения – и вывалилась мне в руки.

– Эй, что это там? – заорал сбоку сержант. – Черт, откуда только взялась!

Уже поймав девчонку, я вдруг осознал, что она беременна – симпатичное плотное пузико, почти не видимое визуально, хорошо прощупывалось сквозь тинсулейтовую куртку.

– Тихо, сержант, не нервничай. – Я достал свой билет. – Вот ее пропуск, она полетит вместо меня.

– Но господин полковник. А, ладно, ваше дело. Но вас я без пропуска все равно не пущу.

– Спасибо, – шепнула девушка. Она еле шла – видимо, давно висела, и ноги успели затечь в неудобном положении.

– Сержант, помоги девушке.

И пошел назад, не оглядываясь. В обратную сторону никто не проверял, я спокойно добрался до стены, на глазах у десятка улыбающихся срочников натянул перчатки с обрезанными пальцами, подпрыгнул у забора, подтянулся и перемахнул на другую сторону.

Оставался еще шанс улететь через Касымово – оттуда вывозили ученых с семьями, а заведовал всем генерал Семак. С ним у меня возникали в свое время конфликты, зато среди его подчиненных на полковничих должностях числились мои бывшие сослуживцы – Стас, Тенгиз, Марк, Сашка.

Ехать через весь Петербург на «УАЗе» было наверняка дольше, чем идти пешком.

– Велосипед, полкарты за велосипед! – пробормотал я и ленивой рысью побежал вдоль забора. Вокруг было много запаркованных машин – неделю назад их собирали эвакуаторы – все равно хозяева не вернутся, но сейчас и штрафстоянки забились, а оставшимся властям плевать.

За сорок минут поисков я обнаружил около тысячи явно брошенных машин, некоторые из них хозяева оставили прямо на проезде, и потом их просто сдвигали то ли трактором, то ли танком, расчищая подъезд к аэропорту.

Велосипедов не было. И когда я уже решил идти пешком – за последние сутки эвакуации точно прорвусь, не привыкать, – мне повезло. Я увидел прислоненный к стене, прикованный тросовым замком к решетке ливневки мопед.

Судя по запыленности, ничей, ну или просто им редко пользовались – с учетом того, что через два дня человеческую цивилизацию сотрут с лица земли, это было практически одно и то же.

Замок открылся с помощью сложенной полукругом полоски от пластиковой карты, вытащить пару проводов и завести мотор оказалось вопросом пары секунд. Взломав сидушку, я обнаружил там запасной комплект ключей.

Бензина в бензобаке осталось не больше пары литров, поэтому я слил топливо из ближайшего жигуленка – древней, как моя жизнь, «Приоры».

– Мужик, че делаешь? – поинтересовался из-за забора сроч-ник, ненавязчиво ведя в мою сторону тупым рылом автомата.

– Я подполковник Воропаев, слышал про такого? Выполняю спецзадание.

– Слышал, конечно, – срочник пригляделся и узнал меня. – Без формы хуже выглядите. И это, если бензин нужен, могу авиационного пленнуть, зверская штука.

– Нет, спасибо, – все-таки расхлебались пацаны. Никакой дисциплины, но и их понять можно – я видел приказ, в нем четко говорилось: не предупреждать личный состав о том, что их не будут вывозить на «Ковчег». Кто-то еще верит, остальные на грани дезертирства и даже бунта.

«Хонда «Такт» резво наматывала километры по обочинам – забитые военной и гражданской техникой дороги стояли повсеместно. Поехал через Шушары и тут же пожалел – слишком плотный ряд машин, по узкой обочине иногда приходилось вести мопед, а порой даже поднимать над головой, борясь с головокружением, – все же не пацан уже, тридцать восемь на днях исполнилось.

Машины вокруг были пусты, у многих выбиты стекла и открыты багажники. То тут, то там мелькали мародеры – кулаки у меня сжимались, и тут же отпускало: пусть их, никому уже не нужно, ну жили, как подонки, и умрут, как крысы, воруя. Что сделаешь?

Выбравшись на Витебский, я решил ехать через город. На кольцевой можно попасть в такой капкан, из которого дорога будет только назад, а по городу, хоть из него и вывели вчера войска, оставив на разграбление толпе, пробраться можно.

Едва отъехав, я обогнал стайку велосипедистов с пустыми рюкзаками – из области прут, за халювой. Ну-ну, ребятки, счастья вам, если думаете, что питерцы ждут самых умных провинциалов с распластанными объятиями. Я еще помнил свое пацанство и лихие девяностые.

То здесь, то там из окон многоэтажек вываливались клубы пламени. Народ пьет, гуляет, дебоширит, выясняет отношения – власти нет, пожарные по домам сидят.

Сразу за Типанова на девятиэтажке виднелось свежее граффити: «Пришельцы – мудаги, Президент – казел». Внизу, по первому этажу, мужик интеллигентного вида, воровато оборачиваясь, заштриховывал уже набросанную непрофессионально надпись «+ СТО-ПЯЦЦОТ».

Ближе к Обводному каналу пришлось сбросить скорость – здесь уже ходили толпы, кто-то переворачивал и поджигал машины, кто-то дрался, компания подвыпивших подростков горланила смутно знакомое «Дойчен зольдатен ундunterофицирен».

– Мужик, куда прешь, выпей с нами, – крикнула мне девушка из раскрытоого окна на перекрестке с Разъездной. – У нас восемь ящиков мартини и только двое парней, причем оба в хлам!

– Спасибо, девочки, у меня дела.

– Какие могут быть дела за пару дней до конца света? Доехав до Литейного моста, я обнаружил его разведенным.

Троицкий и Дворцовый также торчали вверх.

– Мужик, ляг вискаря – и ты на другом берегу, – вкрадчиво предложили мне снизу. Кинув туда взгляд, я увидел флотилию из полутора десятка лодок и катер.

– А вместе со скутером сколько?

– Не, тут я пас. У меня резиновая рыбацкая, не рискну. Владелец катера, голубоглазый блондин с брезгливым лицом, запросил ящик крепкого спиртного или что-нибудь аналогичное по ценности. Ничего подобного у меня не было – отдавать личные вещи из рюкзака или табельный «Смирнов» я не собирался.

Потеряв ко мне интерес, владельцы плавсредств атаковали следующего прохожего, а я решил ехать к тоннелю на Васильевский остров.

– Стой! – Босоногий пацан нагнал меня. – Есть плот, он точно выдержит и тебя, и скутер. Переправимся в лучшем виде! Согласен?

– А плата?

– Мне из города надо свалить, в сторону Выборга. Подвезешь. Ну, по-честному ведь, ты – меня, я – тебя.

Я оглядел пацана – лет тринадцать, худой, ноги исцарапанные, на ухе клипса плеера – «беззарядки», работающего от тепла человеческого тела.

Если бы второй родилась не Женяка, мог бы выйти вот такой сорванец.

– Ладно, показывай плот.

Он был привязан на спуске проспекта Чернышевского – смешной плотик из шести межкомнатных дверей, в два слоя, по три штуки в ряд.

– Мне очень надо, я думал через Ваську, но мужики сказали, что тоннель перекрыли стальными воротами, вантовый мост тоже как-то перекрыли, там авария с бензовозом, говорят, военные просто его там взорвали, чтобы город на две части разрубить, это если инопланетяне нас не сожгут, то потом военные будут город кусками зачищать, против бунтов и революций фигня такая, понимаешь?

– Понимаю, – улыбнулся я и подумал: этот тараторка сошелся бы с Лоркой.

Грести пришлось мне – Ванек стоял в центре плота и держал мокик вертикально, пока волны окатывали колеса и ноги. Всю дорогу в голове упрямо фонила «Дойчен зольдатен», и избавиться от паскудной песни никак не получалось.

Снесло нас за Кресты, вылезли на набережную – и обнаружили, что здесь по-настоящему тихо. Никто не дебоширил, половина стоящих машин оказалась даже не вскрыта.

– Да все ждут, что уголовники вырежут ментов или договорятся между собой, – пояснил пацан. – А у ментов оружия-то до фига, сам понимаешь, что здесь будет.

Около Лесного проспекта навстречу нам вышли двое ППСников в мятой форме и, угрожая «Кедрами», потребовали отдать скутер.

– Для неотложных нужд, мы расписку вам дадим.

Я кивнул, слез со скутера, показав пассажиру не рыпаться. Затем, передавая мопед сержанту, резко толкнул руль, заваливая технику на обнаглевшего милиционера.

Наступая на руку с пистолетом, я уже держал второго на прицеле.

– Ты чего. Ты чего. – повторял он. – Да мы вообще не менты, мы типа добровольная дружина, нам только форму для порядка дали.

– Ванька, возьми у него пистолет.

Взяв в руку, понял – не «Кедр», а «Есаул», резинострел. Убить не убьешь, а покалечить можно.

На этот раз за руль сел пацан, я устроился сзади и смотрел за тем, чтобы безоружные, но не связанные дружинники в плохо сидящих мундирах не попробовали нам что-то сделать.

Он вел скутер лучше, чем я. Есть такие люди – пусти их за руль чего угодно, от моторки до самолета, и они выкладывают полностью, до основания, словно вести именно эту машину именно сейчас и есть смысл их жизни.

До ссоры с нынешним господином президентом у меня был такой шофер, и когда меня перевели обратно в Питер, его по моей просьбе забрал к себе Антошин.

На углу Энгельса и Северного собралась внушительная толпа – объехать их не получалось, я шел впереди, а в кильватере Ванька вел скутер.

– Шанс. Вскрыли типографию, натурально, а там их пять ящиков и сторож пьяный, – орал уголовного вида парень с перевернутого набок ржавого джипа, то ли «Такси», то ли «Эскалады». – Мне пофиг, я бы и бесплатно раздал, но даром – только ненужное, поэтому раздаю за мелочь, спиртное, оружие, мой брат внизу оценит, сколько чего надо. Подходим,

покупаем зеленые карточки, натуральные билеты на «Ковчег», используем последний шанс. В натуре говорю, сам удивился – вскрыли типографию.

Я рванул сквозь толпу и увидел, как второй уголовник – и вправду похожий на первого – из верхнего люка джипа достает зеленую карту и передает ее очередному покупателю. Добравшись еще ближе, зацепил «билетик» пристальное и понял – подделка.

Естественно, никакие типографии с пьяными сторожами зеленые карты не печатали, пластины делали на монетном дворе, сильно заранее и под строжайший учет.

– Ванек, стой здесь.

Я полез сквозь толпу, двигаясь заведомо быстрее окружающих. Как и советовали в свое время учителя, я разогнался внутри, а потом только направлял себя, следя за тем, куда ставлю ноги, и высматривая просветы впереди.

– Куда прешь! В очередь! – заорал продавец фальшивок. Его брат сверху ни на секунду не прекратил своей накачки.

Короткий удар под дых заставил его съежиться, я вырвал из рук с перстнями-наколками зеленую карту. Оттолкнулся от земли, вскочил левым коленом на одно плечо уголовника, правой ступней на голову и через мгновение оказался вверху, около декламатора.

– Ты че, мужик, тебе жизнь.

Он не успел договорить – я взял его за кисть, прихватив определенным образом мясо между большим пальцем и указательным, одновременно выкручивая руку – почти незаметно, но очень больно.

– Что ты продаешь? – заорал я. – Скажи всем! Реагируя на очень болезненное нажатие, урка заорал:

– Подделки я продаю! Я продаю подделки! Вначале хотели сделать как настоящие и пройти по ним, но не получилось!

– Подонок, – не выпуская руку, я дал ему подзатыльник, чтобы закрепить в сознании толпы факт – этот недавний король на час всего лишь мелкая, слабая сошка, получить через которого спасение невозможно.

Толпа заорала.

– Это этот, спасатель президентский! – взвизгнула баба из первого ряда. – Ленька Воротаев или Ворокаев, что ли! Ты нас спасешь, супермен президентский?

И тут я вдруг понял. Стою один, с уголовником в руках, подо мной машина, в которой его подельники, вокруг толпа, ждущая, что я их как-то спасу, а если нет, то готовая разорвать меня на части. В голове снова забилась проклятая «Дойчен зольдатен».

И если полтора года назад на Красной площади рядом со мной стояли ребята из ОМОНа, то сейчас из своих был только Ванька. И его, между прочим, самого бы еще надо защитить.

— Слыши, ментяра, давай вместе валить — толпа не разберет, всех рвать будут, — затараторил мой пленник, не порываясь, впрочем, бежать.

Я посмотрел вниз — его товарищи уже выбирались подальше, пользуясь тем, что все смотрели на меня.

— Мои меня кинули, начальник, есть три карты касимовские, но они подписаные. Я думал прорваться в последних рейсах, хотя понимаю, что тухляк, но с тобой точно пройдем, тебе поверят, давай вместе?

— Как отходить будем? — шепнул я.

Пытаться объяснить толпе, почему ты не верблюд, нельзя. Или ты держишь их в кулаке, как этот мошенник до моего прихода, или они свистят тебе и бросают камни — вот, первый пошел, пролетел мимо и упал с другой стороны.

Раздался крик, затем вой — все загомонили, в нас полетели палки и камни, пустые банки и бутылки.

— Помоги! — крикнул аферист, наваливаясь на днище джипа. Я, еще не понимая, что он делает, помог, машинально отметив по нашлепке на глушителе, что это все же «Таха». По плечу ударила полупустая пластиковая бутылка, но я не обращал внимания. Мы в несколько секунд раскачали тяжеленную машину и опрокинули ее на крышу — под бортом, как оказалось, был открытый люк.

— Давай за мной!

Я прыгнул вниз, мы пробежали буквально метров двадцать по листам фанеры — я ориентировался скорее на слух, отмечая шаги спутника, чем на зрение.

— Ползем выше, не тормозим.

Вылез наверх по вбитым в стену кольям, выволок себя через проломленную бетонную плиту и попал в вентиляционный блок, который раньше, видимо, качал воздух в метро. Приоткрыв дверцу, мы вышли в толпу, но явно не в ее центр.

— Лихо придумано, — признал я.

— А то! — заржал урка, впряженный в лямки тяжеленного туристического рюкзака. — А ты, кстати, не помнишь меня? Нет?

Девять лет назад, ты тогда «важняком» был, подтягивал всех подряд по покушению на Чубайса.

— Сколько же тебе лет? — теперь, глядя на него вблизи, я видел и морщинки у глаз, и подернутые вниз уголки губ.

— Все ловятся. Мне тридцать четыре, просто фигура пацанская и голос звонкий, в темноте за пятнадцатилетку легко сойду, ваших только так накалывал.

Мы отошли метров сто вперед по Выборгскому, я остановился, решив дожидаться Ваньку. И был прав — через десять минут из месива орущей толпы вышел пацан, ведя рядом с собой скутер.

— Пацан наш? — догадался аферист.

— Наш, — подтвердил я.

Скутер троих нес с трудом. Сзади матерился сползающий Козырь, впереди стенал сидящий на краешке сидушки Ванька, а я вел мокик вперед и надеялся, что он не сломается.

На посту перед Приозерским шоссе нас остановил усиленный наряд. Бойцы были нервные, злые, на мои корочки отреагировали странно. Я понял — чем ближе последние членники, уходящие без них, тем меньше цены любому имени и любой бумаге. Завтра утром, скорее всего, любого имеющего подписанную зеленую карту будут рвать на месте.

— Что в рюкзаке? — поинтересовался напоследок младший лейтенант.

— Еда, выпивка, одежда, — спокойно ответил Козырь. — Нет, блин, я на «Ковчег» повезу наркотики, оружие и бриллианты!

Логика в его словах присутствовала, и лейтенант поверил – в отличие от меня. Слава богу, милиционеры не догадались проверить имена на зеленых картах. Там были выданы «Марк Гольдбейн», «Марта Гольдбейн» и «Вячеслав Тичкин». Даже самый доверчивый постовой догадался бы, что здесь что-то не так.

До Касимово не доехали пары километров – внутренние войска оцепили зону по широкому радиусу и саживали всех, рекомендую дальше идти пешком. Как и на посту, именами в картах они не интересовались – резанули индикаторами наискосок и удовлетворились разрешающим писком, подтверждающим истинность документов.

Второе кольцо тоже легко пропустило нас, хотя на босого оборвыша Ваньку смотрели с подозрением, а через него и на нас.

Беженцы, стремящиеся успеть в последний вагон, в основном прилетали на вертолетах, но изредка попадались и такие, как мы, – пешеходы.

Навстречу нам выводили по одному и парами неудавшихся «зайцев».

– Слушай, может, я все же к тетке, – жалобно спросил Ванька.

– И тогда послезавтра ни тебя, ни тетки не будет, – жестко ответил я.

Стас заметил меня издалека – глаза у него всегда с нужной стороны, старая школа, сейчас молодняк так не учат.

– Этих пропустить, свои! – заорал он. – Ленька, сукин сын, ты себе новый отдел у пивного ларька собрал? То-то Медаков порадуется, когда узнает!

– Рябцев, как вы обращаетесь к старшему по званию? – уколол я в ответ. Разжалование Стаса из подполковников в майоры было притчей во языцах, так же как мой конфликт с президентом по поводу сентябрьского указа. – Здорово, чертяка.

Он провел нас за самое хитрое оцепление, в котором точно распотрошили бы рюкзаки, изъяв у меня пистолет и два резиноствола, а также все незаконное, что было у Козыря.

– У тебя есть лишняя карта? – спросил он прямо. – Своя-то наверняка есть, ты не тот человек, которого оставят внизу.

– Лишней нет, – я озадаченно посмотрел на него. – А что, у вас свободных нет?

Стас матюгнулся, виновато глянув на Ваньку.

– Прижали нас, генерал кинул, скотина, прав ты был насчет него. По моей карте полетела младшая дочка, еще бы Ирку пристроить, и я буду счастлив.

Я протянул руку к Козырю, тот возмущенно взмыл, но отдал свой билет – с именем «Марта Гольдбейн», я достал из кармана с именем мужа, сына, отца или брата безвестной Марты и протянул урке.

Женскую карту я отдал Стасу.

– Ничего, что она именная?

– Ничего, – рассмеялся майор. – Прорвемся.

– Тогда и ребят тоже проведи, у них документы с именами не стыкуются.

– Не вопрос, Воропай, – от этого институтского прозвища меня проняло – лет пять никто так не называл. – Хоть тушкой, хоть чучелком, но протолкну. А мы с тобой на следующем полетим, это я тебе гарантирую.

Он ушел вместе с Ванькой и Козырем, а через полчаса назад вернулся один Козырь.

– Он у тебя карту отобрал? – изумился я.

– Да нехрен мне там делать, – скривился уголовник. – Сука, дожился, менту на халяву что-то отдал! Но я правда, как членок увидел, сердце свело – лучше здесь сдохнуть, чем там висеть. Сорок лет полета на инопланетной барже – это не по мне.

Самолет серебристой птицей разогнался и тяжело взлетел.

– Стас просил тебе передать, больше членоков наверх не будет. Всем базарили, что еще сутки улетать будут, чтобы без кипеша. Все, теперь все нужные улетели.

Сразу после его слов раздалось два одиночных выстрела и серия очередей.

– Это что? – встревожился Козырь.

– Это сходят с ума псы, которые поняли, что хозяева их использовали и бросили. – Я вспомнил разъяренное лицо президента. – Я бы тоже с ума сошел, если бы не жена и дочки.

Тенгиз в полевой форме без знаков различия смотрел на то, как заправляли его вертолет.

– Не спрашивай, не захотел, – ответил он, не оборачиваясь на незаданный вопрос.

– Да я так знаю, ты же нам еще двадцать лет назад все уши прожужжал про предков, лежащих на Волковском проспекте, про родную землю и долг, честь и совесть.

– Это точно, – он наконец обернулся, и на его лице я увидел слезы ярости. – Они должны были остаться! Вывезти всех детей, всех женщин, забить их туда битком, но вывезти всех! А они оставили их здесь и улетели сами, шакалы, дети шакалов и внуки шакалов!

Тенгиз родился в Ленинграде, так же как и его отец и дед. Прадед родился в Петербурге, прародитель – в Санкт-Петербурге. И все же иногда, находясь в абсолютно невменяемом состоянии, он начинал говорить с акцентом языка, который слышал только изредка на рынках.

– Ты сейчас куда?

– В город. Жить нам осталось меньше двух суток, когда люди узнают, что власти больше нет, начнется большой бардак, будет много работы.

– Возьмешь нас? – я показал на Козыря.

– Козырев Максим Григорьевич, три судимости, в общей сложности шесть лет в местах лишения свободы, – отозвался Тенгиз, чьей памяти завидовали у нас все. – Возьму, конечно. Тебя вообще грех не взять, Аллах не простит мне халатности, и уголовник будет полезен.

Следующие два дня прошли в кровавом мареве – Петербург словно вспомнил смешной миф про бандитскую столицу и выплеснул на улицы всякую шваль. Хуже всего были дружинники, набранные в последние недели, и солдаты-срочники, чужие для этого города, они пытались взять от последних часов все, что можно, не считаясь с чужими жизнями.

Козырю было дико работать с другой стороны, но он справлялся, часто подсказывая, как лучше перехватить убегающих или где поискать спрятавшихся. Он без сомнения строчил из резинострела по тем, с кем мог быть сам, если бы расклад вышел чуть-чуть другим.

Тенгиз и его ребята работали четко и спокойно, для них словно ничего не изменилось – мне было понятно, почему начальство его задвигало – слишком честный, слишком прямой и несгибаемый, слишком нужный на низовой должности.

Утром последнего дня мы сидели в колоннаде Казанского собора и вместе с отцом Сергием ели сосиски с истекшим сроком хранения и пили кагор – полтора десятка грязных, потных, уставших мужиков.

– Интересно, как оно будет? – спросил Телок, здоровый сержант с по-детски гладким лицом. – Моей фантазии больше чем на ядерный взрыв или отравляющий газ не хватает.

– Это потому, что ты думаешь о мгновенном уничтожении человечества, – ответил Тенгиз. – Вот святой отец наверняка может рассказать про четверых всадников и саранчу.

– Не повод для смеха, – расстроился отец Сергей. – Давайте лучше помолимся за то, чтобы хотя бы кто-то выжил.

– Или за то, чтобы все выжили, – улыбнулся Тенгиз. – Ладно, молчу, но ведь правда, если можно молиться о том, чтобы выжили все, и о том, чтобы хоть кто-то, – то лучше обо всех?

К священнику время от времени подходили прохожие и просили благословить их. Он широко крестил и бормотал что-то, чего я не слышал.

Не знаю, как другие, а я молился. Просил не за себя – за детей, за женщин, за всех кинутых на нашей многострадальной планете. Оставленных в Китае, Австралии, Швейцарии, Сенегале, во всех странах мира.

«Господи, никогда ни о чем не просил – но пусть они все выживут».

В обед мы выбивали из ротонды мародеров, потом выкидывали со второго этажа крептина, допившегося до взятия в заложники собственного сына и требования отправить его на «Ковчег».

Вечером пили с девчонками из Герцена. Конец света не наступал, и ждать его было немного мучительно.

А потом зазвучал голос, даже, пожалуй, Глас. Я был пьян и поэтому улавливал только суть – инопланетники рассказывали о том, что конца света не будет. Что они пытались договориться с нашими руководителями по всему миру еще с две тысячи восьмого, но наталкивались на дикую бюрократию и желание ведущих политиков разных стран перетянуть одеяло на себя, стать друзьями лучше, чем остальные.

Что наша Солнечная система и сама Земля в ближайшие несколько лет с помощью инопланетян будет переоборудована в общий защитный комплекс против врага, с которым бессмысленно договариваться, и что после этого враг точно не нападет, потому что не дурак.

И история о геноциде землян была уткой, подкинутой для того, чтобы улетели все те, кто мешал переговорам, кто был готов ради небольшой выгоды перед соседом встать с оружием против прилетевших издалека помощников.

А «Ковчег» никто не тронет – он уже совершил первый маневр и ближайшие сорок лет будет не спеша лететь в глубокий тыл.

Я улыбнулся. Рядом истерически смеялись девчонки, которым уже вряд ли светило стать учительницами.

– Слышал, Ленька? – орал из соседней комнаты Тенгиз. – Я знал! Я чувствовал! А эти пусть летят на х..!

А потом меня накрыло.

Да, все хорошо. Особенно Тенгизу, который так и не завел семью и весь такой правильный до тошноты.

А я дурак. Дурак задним числом! Защитник, мать мою так, отправил жену и четырех дочек в долгий и мучительный полет! Пробил головой все преграды, заранее выбрал места для отца и любимой тещи, для двоюродной сестры, для Пашки Голицына с семьей.

Отправил в неизвестность безымянную беременную девицу и Ваньку.

В голове заиграла приуроченная «Дойчен зольдатен ундunterофицирен, дойчен зольдатен нихт капитулирен».

– А теперь они летят нах... нах зюйд, – вывернулся я и посмотрел вверх, обнаружив над собой только потолок.

На улице снова стреляли, видимо, от радости.

Андрей Кокоулин

Сколько?

Рассказ

По-моему, первый раз я увидел его в марте. В самом конце марта, если быть точным.

Было солнечно. Ирка выгнала меня на клумбу. Лёнчик, сказала, миленький, никому ведь дела нет, засрали все под окнами, сходи, прибери там. А я что? Я пошел. Ирка у меня славная. Люблю ее.

Пискнула дверь подъезда. Солнце уперлось в грудь жаркой ладошкой. Ирка сбросила с балкона пакет полиэтиленовый. Забыл, раззыва? Забыл.

Я перешагнул низенькую декоративную оградку. Обозрел фронт работ.

А ведь действительно, подумал, засрано. Среди редких кочек зелененькой травки во множестве лежали собачьи «колбаски», ближе к скамейке россыпями желтели окурки, у чахнущей рябинки блестело бутылочное стекло. Битое.

Ладно. Я потянул из кармана перчатку. Резиновую, бледную, как смерть. Пока втиснул в нее свою лапищу, озверел.

В таком озверелом состоянии и попер вприсядку – специализированным комбайном. Пакет-дерьмоуловитель. Перчатка-дерьмохвататель. Рот-матюгальник. «Колбаски», раскисшие, расползающиеся сквозь пальцы, загребал вместе с землей. И мать их, и в душу, и на, и в...

Полчаса, наверное, возился.

Разогнулся. Пакет взвесил – килограмма два, не меньше. И клумба чистенькая. Ну вот совсем. Плотненький, утрамбованный ботинками дерн. Красота!

Дотелепал потом до контейнера. Дерьмо закинул. Перчаточку осторожно снял – и туда же. Сел на скамейку, ту, что к детской площадке ближе, глаза прикрыл.

Хорошо. Солнце рожу гладит. Под веками теплые такие, медовые пятна бродят. Дети щебечут. Ирка не зовет. Сморило меня – и не заметил как.

Сладко было – как в детстве, честно.

Сквозь дрему звуки какие-то еще ловлю, фиксирую, как проезжающие автомобили шинами шуршат, а самому уже поле из одуванчиков в полный рост видится. Они незрелые еще, желтые как солнышки, одуванчики-то. До горизонта.

Конечно, как такую лафу да не обломать!

– Отстань! Я прошу тебя – отстань! Не знаю я! Разметались мои одуванчики от дурного голоса – ловиищи. Вот люди!

Я разлепил один глаз. Фигура удалялась ко второму подъезду. Спешила, отдувалась, отмахивалась страдальчески портфелем. А сбоку к ней, игнорируя отмашку, лип длинный, тощий. Кудахтал. Ко-ко-ко.

– Ну не знаю я! – Взлетев на крыльцо, фигура обернулась к оставшемуся перед ступеньками, не осмелившемуся подняться типу. – Не знаю!

Ко-ко-ко в ответ...

– Все!

Ну, все так все.

Я закрыл глаз, по стуку подъездной двери считая, что ситуация благополучно разрешилась. Поерзал, устраиваясь удобнее. А секунд через десять обнаружил, что солнце уже вроде как и не печет. Тучка, подумал, что ли?

Ага. Тучка... Длинная, тощая... Уставилась...

На мгновение у меня даже голос сел.

– Тебе чего?

– Сколько? – тихо произнес человек.

И замер надо мной цаплей, терпеливо ожидая.

Вообще-то я работаю охранником в торговом центре, рядышком тут, через улицу. «Маркет-Хауз» называется. Взгляд за три года набил профессиональный. Больше, конечно, по специфике – потенциальных воришек вычисляя. Но и попутно...

Это само как-то приходит. Вроде бы и мельком зацепишь, а детальки уже в голове складываются, одна к одной, ну, брюки глашеные там или нет, запах, манера стоять, двигаться, в лице, в глазах что-то – и думаешь сразу, это работяга, а это так, мажор, а этот животом мучается. В последний раз, угадав на спор, бутылку хорошего вина выиграл. Для Ирки.

Так вот, склонившийся надо мной человек был сумасшедший.

Я это понял сразу. Не бомж, не алкоголик-доходяга, не проповедник бродячий из иеговистов каких-нибудь.

Сумасшедший.

Через лоб у него, расширяясь к левому виску, шла застарелая короста, фиолетово-черная – то ли его кто треснул, то ли он сам треснулся. По краям она уже отставала, обламывалась, открывая новорожденную розовую кожицу. Волосы на затылке стояли невесомым седым венчиком. Морщинки-лучики бежали от уголков глаз. Сами глаза казались очень светлыми и влажно блестели. Щеки были худые, запавшие, заросшие короткой черной щетиной. Нос насыщенно шмыгал. Из огромных ноздрей торчали седые волоски.

На вид ему было глубоко за шестьдесят.

Он смотрел на меня, не мигая. А, может, и сквозь меня. Рот у него кривился, нижняя губа по мере моего молчания отвисала все больше, открывая плохие зубы и грозя пустить слону.

Черт! Не хватало еще...

Мельком мне подумалось, не передается ли через слону сумасшествие. Ну, как бешенство.

– Вы бы... – я попробовал его легонько свестить. – Чуть в сторонку...

Вряд ли он меня услышал.

– Сколько? – Повторил, нависая, механически он. – Сколько? И на тонкой его шее поднырнул кадык.

Даже сейчас помню, был на нем пиджачишко в «елочку», как на палке болтающийся, а под ним майка грязно-серая. У пиджака пуговицы через одну спороты, но сам чистенький, хоть и мятый. Штаны обтреханные, да вдобавок еще и не в размер, из них голые ноги торчат, худые, в шлепанцы всунуты. И ноготь большого пальца на левой – прищемленный, черный.

– Дедуль...

Я примерился, как бы его от себя отодвинуть. Не бить же, в конце концов. Несчастный все-таки человек. Убогий. Просто слюна того и гляди...

– Дедуль...

– Сколько?

И так безнадежно он это произнес, таким потухшим, совершенно мертвым голосом, что, не поверите, жалко мне старика стало. До боли под сердцем жалко. Может, полегчает ему, подумал, если отвечу.

– Чего сколько? – спросил. – Чего, дедуль?

Мгновение, другое ничего не происходило. Проехал, блестя стеклом, «опель». Шваркнул метлой дворник. Девочка с куклой пробежала, тряся косичками. А затем старик вдруг дернулся, цапельную свою позу слегка подправил и со свистом втянул в себя нитку слюны.

Взгляд его сделался осмысленным, плеснулась в нем надежда какая-то, а какая – поди разбери. Дикая.

— Сколько людей? Сколько? — забормотал он торопливо. — Сколько людей-человек? Сколько? Людей? Человек? Сколько людей умрет?

И замер опять. А я у меня от затылка к лопаткам холодная ящерица — юрк! Словно к шею лед из холодильника приложили.

Людей он, понимаете, спрашивает, сколько умрет. И стоит, в глазах чуть ли не слезы, только сообщи ему, прикурку. Ну, я и сообщил.

— Нисколько, — сказал твердо. — Нисколько. Никто не умрет.

Он отступил на шаг. Кривая улыбка выползла на его лицо. Пальцы потянулись ко рту. Кусая ногти, он разглядывал меня. Впрочем, недолго.

— Дурак! — махнув рукой, вынес он мне вердикт. — Дурак! И захохотал, показывая пальцем.

— Дурак-дурак-дурак! — Он веселился как маленький. Я привстал, щурясь от солнца. Эх, одуванчики!

Старик в испуге присел, тряхнул седым венчиком и неожиданно рванул с низкого старта к автостоянке, к аркам, выводящим с внутреннего двора на улицу. Он бежал, высоко задирая ноги, хохоча и оглядываясь, словно опасаясь, что я брошусь в погоню. Вправо-влево, действительно, как на палке, болтался пиджак.

Сумасшедший.

Смех его звенел над домами.

— Дурак!

В небе стайками потянулись облака. Все, кончилось на сегодня солнце.

Следующий раз случился через день.

Смена у меня была утренняя. Ирка еще спала. Я сожрал бутерброд, высосал кофе, влез в униформу. Потом не удержался и заглянул в детскую.

Ирка ужас как не любит, когда в ботинках ходят по дому, но я осторожно прокрался — ламинат не скрипнул.

Вовка спал в своей маленькой кровати, смешно накрывшись кулачком. Я, конечно, с улыбкой на роже потрапал его по волосенкам. Вова-рева. Не понравилось ему, засопел, на бок повернулся. Почмокал. Я одеяльцем его накрыл, блямс! — из складок часы мои старые выпали. Ремешки пластиковые благополучно обгрызены, кнопки с циферблатом уляпаны по самое не могу. И когда слямзил?

Ну нет, друг ситный, обойдешься ты без часов.

Дверь я прикрыл, ворованное на полочку к помадам-расческам всяkim положил. Замком входным занялся.

А за спиной — шлеп-шлеп-шлеп. Ирка проводить вышла.

Обернулся. Ноги босые. Маечка на голое тело. Лицо слегка припухшее ото сна. Локон один на глаз свесился. Сразу подумалось, не опоздать бы с такими вот, напоказ, видами.

Внимательная Ирка мое обалдение засекла, потянулась, свету из кухонного окна подставилась. Маечка за руками вверх поползла, открывая...

Вот честно, не знаю, как удержался. Сглотнул.

— Ирка, — сказал, — так же нельзя. Я ж теперь до вечера с ума сходить буду.

— И поделом! — заявила. Довольная.

И шлеп-шлеп-шлеп на кухню. Чем-то звякнула там, чайником, что ли. Вернулась с недоеденным мной кружком колбасы. В зеленом глазу — чертики.

— Оставляешь жену одну, — сказала, — с колбасой. Ткнулась мне мягкими губами в подбородок — и медленно, плавой, поплыла в спальню.

А маечка, если спереди еще ничего, пристойно, то сзади специально для меня валиком скручена.

Так вот, перед собой ее видя, и потопал. М-м-маечка.

Из подъезда выбрался, мусор, попутно прихваченный, в бачок кинул, на клумбу, ровенькую, девственную, необгаженную, полюбовался.

Ну, Ирка...

– Сколько людей? Сколько? Сколько? Человек сколько? Сколько умрет? Сколько?

Сумасшедший старик поймал меня в арке. Подкараулил. Сгибаясь, побежал за мной следом, все норовя ухватить за рукав, заставить остановиться, ответить.

– Сколько? Сколько? Сколько людей?

То ли не узнавал, то ли вообще не помнил о позавчерашнем.

Лицо у него странно подергивалось, словно перебирало варианты – плакать, смеяться, нет, плакать. Грустить.

Я не люблю говорить о смерти. Вообще не люблю. Разозлил он меня.

Придавил я его на выходе, к стеночке, дурного, припер так, что он даже рыпнуться не смог, предплечье перед грудью как шлагбаум поставил.

– Не надо такое у людей спрашивать, – сказал в распахнутые глаза, – это плохой вопрос.

– Сколько?

Я думаю, он даже не понимал, что я его держу. Думаю, он вообще не обратил на это внимания. Просто принял возникшее ограничение как данность.

На каком месте для него была его собственная свобода? На сотом? На стотысячном?

– Сколько? Человек? Людей? Сколько? Сколько? – шептал он, вытягивая ко мне шею.

Я чувствовал, без выставленной руки он бы обнял меня, как любимого сына, он дышал бы мне свое «сколько» в ухо бесконечно, желая только услышать ответ.

Псих. Сумасшедший.

– Ты псих, – сказал я. – Ты хоть понимаешь это? Светлые, влажные глаза мигнули.

Старик улыбнулся. В правой ноздре его надулась, задрожала зеленоватая сопля. Меня передернуло.

Я шлепнул ладонью в стену рядом с его головой. Вышло звонко.

– Молчи. Понял меня?

– Сколько?

Нет, я не ударил его. Слабо упирающегося, я выволок его из-под арки. Подтолкнул в спину.

– Иди отсюда. Вон туда иди.

И показал на прореху между домами.

Там был пустырь, а за ним лес, а за ним озеро. Самое то на мой взгляд.

– Иди...

– Сколько? – хныкнул старик. – Сколько умрет? Сопля оторвалась и упала кляксой на асфальт.

Я молча прошел мимо. Старик присел на корточки, обхватив голову руками.

– Позялуйста... – сказал он.

Это было какое-то по-детски исковерканное, жалкое, отчаянное слово. Позялуйста. Когда уже не на что надеяться – позялуйста.

Именно оно и втянуло меня в жуткую игру в числа. Оно. Потому что я остановился.

– Один, – сказал я. – Один человек умрет. Устраивает?

– Один?

Повернув голову, я увидел, как сумасшедший мучительно теребит коросту на лбу. Шелуха омертвевшей кожи сыпалась вниз.

– Сколько умрет? – все так же сидя на корточках, спокойно спросил он себя. И тихо себе ответил: – Один. Сколько умрет? Сколько? Один.

Я вдруг поймал его взгляд. В нем ворочалось что-то тягучее, тяжелое, страшное.

Меня против воли моей качнуло ему навстречу. Обмяло, обожгло, ободрало. Глухо, словно прощаясь, стукнуло сердце. Зачем же, подумал я. Что же это.

Но тут сумасшедший тряхнул головой, и в глаза его вернулась прежняя светлая пустота.

– Дурак! Дурак! – Захотел он, вскочив, забегал вокруг меня кругами. – Дурак!

Топорщился венчик. Брызгала сквозь зубы слюна.

На пиджаке, на правой лопатке, плясало меловое пятно.

– Дурак! Мало одного, мало! Что мне было до его кружев?

Я спрятал голову в плечи и пошел к центру. Старик скоро отстал, увязавшись за кем-то еще.

– Сколько? Сколько людей-человек? – слышал я, удаляясь. – Сколько?

Сирепо зыркнул на меня светофор. Я застыл на тротуаре, пропуская невидимые машины. Билась и билась во мне жуткая мысль, как легко я пожертвовал человеком. Молодец, сказал себе, начал с малого, с одного. А дальше? Сколько еще убьешь? Сколько?

Я подумал, что Ирке надо будет сказать про сумасшедшего. Чтоб побереглась.

– Изыди, проклятый!

Женский голос за спиной едва не сорвался на визг. Похоже, докудахтался старик.

Зеленый. Я шагнул на «зебру».

Отметившись у старшего, я поднялся на третий этаж «Маркет-Хауза».

Здесь сегодня были мои подконтрольные тысячи квадратных метров. Если точнее, две тысячи пятьсот. Широкий проход с колоннами под сводчатой крышей и по обеим его сторонам – магазинчики. Десять с одной стороны, девять – с другой. Обувь, парфюмерия и одежда. Плюс чайная лавочка и кофейня. А в дальнем конце тысяча метров круглосуточного «Цифрового фронтира».

Туда я первым делом и заглянул.

Жора уже стоял на выходе у магнитных сканеров, вертел в пальцах бумажный стаканчик.

Через мутноватый прозрачный пластик стены своей смотрел на нас сонный молодой продавец. Или мне казалось, что сонный.

Приветствуя, я махнул ему рукой. Он качнулся и исчез за стеллажами.

– Здорово, – сказал я Жорику.

– Что смурной такой? – отправив стаканчик в урну, Жорик пожал протянутую ладонь.

– Психи одолели. – Знакомо, – хмыкнул Жорик.

Мать у Жорика была подвинута на конце света. То, что он вот-вот грядет, в их квартире не подвергалось ни малейшему сомнению. Как и скорое отделение агнцев от козлищ. Насколько я знал с его слов, Жорика чуть ли не каждый день просили покаяться. С крестом. Со свечкой. С книжицами какими-то.

Мне подумалось, попади сумасшедший старик к его матери, на свой вопрос: «Сколько людей умрет?» он получил бы быстрый и радостный ответ: «Все».

Я сунулся в торговый зал, кивнул девушке за кассой, мгновение изучал одинокого покупателя, зависшего перед витриной с ноутбуками.

Потом вернулся к Жорику.

– Старичок тут, знаешь, завелся, – сказал я, морщась, – все посчитать предлагает...

– Сколько людей умрет? – оживился Жорик. – В пиджачке? С носом? С разбитым лбом?

Я кивнул.

– Что, встречался уже?

– Да гоняли мы его тут день назад... – на круглом лице Жорика отразилась досада. – Шустрый старичок. Вроде псих психом...

– То есть не догнали?

— Ага, догонишь его! — заволновался Жорик. — Он же стайер, блин, наскипидаренный!
Хорошо еще, сегодня его не видно.

— А вообще откуда он, не знаешь?

— Не-а. Приблудный какой-то хрен.

Жорик галантно пропустил в зал тяжелых форм даму. Мысленно раздел, мысленно облапал. Вздохнул. Покосился на меня.

— Лёнь, да не забивай ты себе голову! Легко сказать — не забивай. А позялуйся?

— Нет, — сказал я, — не отпускает что-то.

— Фигня! — отмахнулся Жорик. — Это всего лишь вопрос. Ну! Вопрос! Предположение. То ли дело мамка моя, как начнет пугать... — Жорик напрягся, закатил глаза и родил: — «И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя «смерть»; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли — умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными».

— Это что? — спросил я, вздрогнув.

— Проняло? Это она мне читает! — гордо сказал Жорик. — Апокалипсис!

— Сочувствую...

— Да я привык.

Оставил Жорика на посту, я прогулялся по проходу до эскалаторов. Заглядывал в магазинчики, здоровался, спрашивал, все ли в порядке. Угостился леденцом.

Посетителей было немного. Утро рабочего дня, оно такое.

Зашел кстати в туалет (для персонала центра — бесплатно). Вышел. Постоял у окна, наблюдая, как в доме напротив хрупкая девушка с помощью лыжной палки поднимает жалюзи «Прачечной».

Да уж, автоматика.

— Леонид Михайлович, кофе?

В глубине кофейни маячил белый фартучек.

— У вас что, света нет? — я поплыл навстречу, окунулся в сумрак, кое-как вырулил к стойке.

— У нас интим.

— А-а...

Ручка от микроскопической чашечки сама накрутилась на палец.

– Спасибо. Я занесу потом.

Подозрительный парнишка, примеривающийся к джинсам в соседнем магазинчике, в моей компании как-то стремительно погрустнел, от шумного пития кофе нервно задергал плечами, а от вполне вежливого кивка: «Нравится?» заторопился по каким-то своим вдруг возникшим неотложным делам.

И правильно.

Смакуя тающую горечь на языке, я бодро дошагал до «Фронтира». Жорик у сканеров медитировал, приоткрыв рот. Взгляд сошелся в точку, резко очертились скулы.

Я встал рядом.

– Что передают?

– Слышишь? – спросил он почему-то шепотом.

– Что?

– Хруст. Треск.

– Где? – покрутил головой я.

– Вокруг, – Жорик посмотрел на меня с испугом. – Неужели не слышишь?

Во «Фронтире» негромко бухали ударные. Справа по проходу бубнил телевизор. Из кофейни летели обрывки чего-то танцевально-электронного. И на грани слышимости снизу, со второго этажа доносился писк и звон игровых автоматов.

Ни хруста, ни треска.

– Когда меня в армии оприходовали доской по затылку, – сказал я, – где-то с неделю мне слышались шум далекого моря и щелчки за ушами. Вроде вот нету никого за спиной...

– Это не то, – Жорик снова ушел в себя. – Это хруст такой...

Он отступил на шаг в сторону. Затем, помедлив, переместился ближе ко мне.

– Слушай, – сказал он неуверенно, – а теперь и не хрустит ничего.

Мы помолчали. Сосредоточенно-серъезный Жорик выглядел комично.

– Иди кофе выпей, – я вручил ему свою чашку. – Занесешь заодно.

– Да, наверное, – Жорик замер на секунду. Грустно подвигал челюстью. – Нет, не хрустит.

– Иди, Жор, – я со смешком хлопнул его по плечу. И тут же придержал за рукав. – Только это. старику ты сколько про «умрет» ответил?

Жорик покраснел.

– Восемьсот. Я сказал: «Восемьсот».

– Ого, – удивился я. – Много. А я сказал: «Один».

Я еще не знал, что, возвращаясь со смены, снова наткнулся на старика и отвечу ему: «Два». И не угадаю. Дурак! Дурак!

– А это кто?

– Фия!

Вовка сидел у меня на колене и держал меня за ухо. Мы смотрели «Спокойной ночи, малыши!» и оба получали от процесса ни с чем не сравнимое удовольствие.

Не знаю даже, кто больше его получал.

– А это?

– Фия!

– Ну какой же это Филя? – я развернул Вовку к себе. – Ну-ка, кто у нас с длинными ушами бегает, морковку грызет?

– Ковку? – спросил Вовка и задумался.

На кухне взвыла мясорубка. Как сирена какая-то. Противовоздушной обороны.

– Ма? – вопросительно дернул пальчиком Вовка.

– А как же! – кивнул я. – Мама. Мама нам котлеты мастерит.

Я поправил Вовке воротничок, подтянул сползающие колготы. Потяжелел, бутуз. Посмотрел, не клюет ли носом. Кажется, клюет.

– Ф-ф-ф, – подул я на макушку сына. – Ах какие завтра будут котлеты. Вку-усные.

Макушка склонилась к моей груди.

– Гав-гав! – сказал вдруг с экрана Филя. – До свиданья, р-ребята!

Вот ведь зловредный пес. Громко как гавкает. Нет чтобы шепотом.

– Фия! – снова зажегся Вовка.

Ухо мое на мгновение освободилось, но только для того, чтобы быть ухвачено пальчиками другой руки.

– Фия ав-ав!

– Ну да, только он уже спать пошел. Смотри.

Я поднялся с Вовкой на руках. В телевизоре каруселью кружились пластилиновые крошки с убаюканными пластилиновыми зверюшками.

«Сказка снова нам приснится...»

– Вовка пать? – посмотрел на меня Вовка. Я улыбнулся.

– Ну а как ты думаешь?

– Пать! – Вовка ткнулся лбом мне в плечо.

Засопел. Бормотнул что-то. Устал сегодня, набегался на детской площадке. А клумбу опять уже загадили, я видел. Фили всякие...

Мясорубка, икнув, взялась тоном ниже. Ага, мясо пошло.

Придерживая Вовку, я пробрался в детскую. Включил ночник. Прикрыл пяткой дверь. Через стену гудение пробивалось еле-еле. Не зря звукоизоляцию ставили.

– Фия, – сквозь сон сказал Вовка, хлопнув меня ладошкой по носу.

Я опустил его в кроватку, потом осторожно стянул с него рубашку и колготы. Накрыл одеялом. Постоял, глядя в окно на желтые квадратики чужих окон.

Ощущение счастья – штука та еще. Слезы от нее.

Удивляясь, сморгнул едкую, горячую каплю. Леня-рева, сказал себе. Надо же. Мужик, блин. Ну-ка, выдох-вдох.

Вой пикирующей мясорубки на кухне оглушал.

– Ирка! – сказал я, подтянув табурет. – Что ж она так орет-то?

– Что? – не рассыпалась Ирка.

В пластиковую миску текли бело-розовые макаронины.

– Орет, говорю!

– Ацка е!

Теперь уже ничего не понял я.

– Что?

– Англицкая вещь! – Ирке пришлось нагибаться к самому моему уху.

– А-а!

Ирка зарядила в раструб картофелину.

– Все! Последняя!

Желтые червячки, изгибаясь, усеяли верх миски. Мясорубка икнула. Я торопливо дернулся из розетки шнур. Бытовое чудовище содрогнулось пластиковыми боками.

Оу-оу-уууу.

– Это не Англия, – сказал я. – Это Польша. Или Китай. Выкинуть ее к черту.

– Лёнька, это ж твой подарок, – напомнила деловая Ирка, вбивая в фарш яйцо.

– И что? Я ее подарил, я ее и убью!

– Как-как?

Ирка фыркнула, стрельнула глазами по моей решительно окаменевшей роже и расхохоталась как сумасшедшая...

Потом, когда мы уже распались в постели на две уставшие, тихо счастливые половинки, я вспомнил про старика.

– Ой, Лёнчик, – повернулась ко мне Ирка, – таких, знаешь, по городу сколько?

– Сколько?

– Много. У нас в детстве через забор был вообще целый интернат.

В комнатном сумраке я ясно видел попавшие в полоску серого света Иркины нос, плечо и часть щеки.

– И что?

– Сначала страшно было, – сказала задумчиво Ирка, прижалась к мне грудью и живо-тому. – У нас школьный двор был общий. А их выпускали на прогулку. Ходят такие парами. непонятные, что ли. Ненормальные. Я трусила как не знаю кто, если они появлялись.

Ирка замолчала. Я погладил ее по волосам.

– А потом? – спросил.

– Потом? – Ирка приподняла голову. – Потом страх как-то прошел. Выросла. С одной девочкой оттуда даже на качелях качалась. Представляешь, помню, что ее Геля звали.

Иркины губы нашли мои. Они были сухие, пахли сном и земляничной зубной пастой.

– Давай спать.

– Давай, – я обнял ее рукой, прижимая к себе. Ирка куснула меня за грудь.

– Ай!

– Не хандри.

– Стараюсь, – я вздохнул. – Просто зачем-то же он вопрос задает…

– Может, он как попугай. – Иркино дыхание щекотнуло мне бок. – Он и нас с Вовкой сегодня изводил…

Я похолодел.

– И как?

– Никак. Я оказалась дурой. Много сказала.

– Много?

– Сто двадцать… – Ирка зевнула. – Сто двадцать три…

– Ай! – я дернулся от щипка.

– Спи уже.

– Сплю, – сказал я, но какое-то время еще таращился в сизое пятно потолка и видел на нем осторожные тени цифр. Двойку, тройку. Почему-то девятку.

Я размышлял, что число, о котором спрашивает старик, похоже, больше двух и меньше ста двадцати трех. И уж всяко меньше восьмисот Жорика. В этом промежутке, получается, находятся люди, которые умрут. И я вполне могу его угадать. А дальше?

Жуть ворохнулась, кольнула изнутри.

А если, подумал я, и вправду – умрут? По-настоящему?

С тем, помучавшись, и уснул.

Утром в первую субботу апреля Ирка затеяла уборку.

Как временно отдыхающий передочной сменой, я был нагружен коридорными половиками, ковриками из-под обуви, ванным ковриком, паласом из спальни и ковровой дорожкой из детской и с ними отправлен вниз – хлопать.

У нас рядышком с детской площадкой вкопано что-то вроде железного турника. Особо на нем не поподтягиваешься – поперечина для хвата толстовата, а вот для пылевыбивания – самое то.

В общем, сгрузил добро в траву, специально выбрал, где почище, повесил, перекинул тушу паласную, коричнево-желтую, через железяку, как трофей какой-нибудь охотничий, хватился хлопушки – нету.

Шляпа, блин.

И вокруг ничего походящего. Совок только лежит у горки. Не совком же.

Пришлось подниматься в квартиру.

Пых-пых-пых – поднялся. Снял тихо с гвоздика. Пых-пых-пых – незамеченным спустился. Ковры, слава богу, никто не уволок.

– Ленчик, – возникла в окне Ирка, – это ты сейчас был? Почуяла как-то, что ли?

– Я!

Махнул хлопушкой.

Дождик крапал меленький. Не дождик, а недоразумение. Я примерился. Ну, поехали.
Бум! Бум! Бум! Бум!

Палас вздрагивал от ударов и вздымал края. Пыль оседала на траву. Эхо громом колотило в стекла. На весь двор. Ну, кто не хотел, уже проснулись. Акустика!

Бум!

Звук ушел в серое небо. Дождик в ответ припустил. Небесная канцелярия отзывалась сегодня без проволочек.

Я прошелся хлопушкой по верху, выбивая железный звон, и перебрался на другую сторону.

– Сколько?

Старик стоял в паласной тени, чуть боком ко мне, неудобно отвернув голову. Косил осторожным светлым глазом.

– Сколько? Людей-человек? Сколько умрет? Сколько? Короткая озnobная волна чуть не вывернула хлопушку у меня из пальцев.

Сумасшедший был все в тех же больших штанах, только насмерть уже угвазденных, в той же майке, в том же пиджачке, правда, теперь с оторванным, на одних растянутых нитках держащемся левом рукаве.

Короста со лба сошла вся. Лоб был с розово-нежным клином новой кожи. Небритость перешла в растительность, неопрятную, клочками, пополам черную и седую. Один глаз заплыл. Нижняя губа была разбита, сверкала алым.

Я подумал, кто-то его все же догнал.

– Сколько умрет, сколько?

– Зачем тебе это? – приблизился я.

Старик дрогнул, уцелевший глаз его выпучился на хлопушку. Почему он не убежал, не знаю. Может, сил у него уже не было. Или еще что.

– Сколько? – кособочась, он как-то неловко выставил, словно защищаясь, плечо. – Сколько?

Я шевельнул палас.

– А если я угадаю?

Старик несмело улыбнулся из-за плеча.

– Я серьезно, – сказал я. – Что тогда будет?

– Дурак! – вскрикнул сумасшедший и закрыл голову руками.

Я скривился.

– Иди лучше отсюда, – сказал. – Накаркаешь.

– Сколько? Бум! Бум! Бум!

Я вспомнил про то, что вообще-то выбиваю пыль. И что? И выбиваю!

Бум! Бум! Бум!

Старик морщился, открывал рот, но слышно мне его не было. Хлопки гремели оглушительными артиллерийскими залпами. Никаких «сколько», никаких «умрет».

Мне казалось, я страх свой выбиваю. Дурацкий, занозой засевший страх – из себя. Вместе с паласом.

Бум! Бум! Бум!

Все, точно всех перебудил.

Я остановился, сплюнул пыль, осевшую на губах.

– Сколько? Сколько людей-человек? Господи!

Я повернулся, сдергивая палас на землю. Подставил лицо редким каплям. Одна упала на веко. Другая мазнула по щеке. Больше двух, да? Меньше ста двадцати трех?

– Сорок три, понял? Этого достаточно? – выдохнул я. – Сорок три!

Бум! Бум! Бум!

Это уже сердце. Разошлось. Заторопилось в голос, фиксируя судьбоносный момент.

– Сорок три? – повторил старик.

Я, присев, стал молча скручивать палас.

– Сколько умрет? Сорок три, – опять заговорил сам с собой сумасшедший. – Сколько?

Сорок три. Да? Сорок три.

На душе скребли кошки.

Число вырвалось само. Само. Глупость несусветная думать, будто я вот так, походя, решил чью-то участь, махнул четыре десятка. Глупость! Но ведь откуда-то думается.

Страшно.

– Сорок три.

Худые руки уперлись в край ковра. Старик почти лег, заглядывая мне в лицо. Глаз у него слезился.

– Угадал, – произнес он. – Сорок три умрет. Я решил, что ослышался.

– Что?

– Угадал! – он вскочил, посветлев взглядом. – Дурак! Угадал, дурак!

– Постой!

Я не успел схватить его. Хохоча, сумасшедший понесся вдоль остатков строительной ограды. Колотилась о прутья рука. Нелепо задирались ноги.

– Угадал! Сорок три! Дурак! Страшно.

– Как? – я выронил хлопушку. – Почему?

Весь день потом я думал только об «угадал».

Вяло дохлопывал – думал. В обед – думал. И пока с Вовкой гуляли. И когда в телевизор пялился. Сорок три, вот что...

Холодная ящерка от затылка к лопаткам протоптала целую дорожку.

Я говорил себе, что старик, скорее всего, и сам-то понятия не имеет, о чем спрашивает. Может быть, для него это просто набор слов. Или даже не слов, звуков. Может быть, он и подвинулся-то на этой фразе. Съехал, запомнив. Сколько, сколько...

И потом: кому-нибудь другому он наверняка уже другое число сочинил. Какое-нибудь круглое. Завтра, глядишь, про мои сорок три даже не заикнется.

Господи, мысленно стонал я, сумасшедший же!

Нет никакой связи между идиотским его вопросом и будущими где-то там смертями. Нет. Не было. Не будет никогда.

Ни-ко-гда!

И все равно мне было страшно. Глодал червячок. Все думалось, умрут люди, а ответственность – на мне. Потому что влез. Потому что угадал.

Иrrационально, скажете? Бред?

Только по-другому мое состояние и не объяснить.

За ужином до сих пор молча наблюдавшая за мной Ирка не выдержала. Отодвинула тарелку с салатом в сторону. Уронила на стол локти. Закусила губу.

– И что у нас случилось?

Как всегда, когда она волновалась или предполагала плохое, в голосе у нее проскакивали нервические нотки.

Вовка сидел на специальном детском стульчике с перекладинкой, высоком, чтобы все было видно, и, конечно, тоже потребовал ясности.

– Сто?

Белобрысый попугайчик!

Я посмотрел в напряженные Иркины глаза. Повертел вилку.

– Ир, старик тут опять этот...

– Какой старик?

– В пиджаке... сумасшедший...

– Боже мой! – Ирка чуть не расплакалась от облегчения. – А я уже черт-те что подумала. Целый день ходит бука буко...

Она прижала пальцы к дрогнувшей губе.

– Укой! – сказал Вовка.

– Понимаешь, я угадал... – Мне очень хотелось, чтобы Ирка меня поняла. – Я угадал число...

Скрипнули ножки стула.

Мимоходом убрав от Вовки миску с фруктовым пюре, Ирка зашла мне за спину.

– Лёнчик! Миленький! – Её руки скрестились у меня на груди. Щекой она прижалась к моему виску. – Лёнчик!

Вовка пыхтел, пытаясь дотянуться до миски.

– Лёнчик.

По скуле щекотно поползло. Я накрыл Иркины руки своими.

– Ир, ну что ты...

– Забудь, забудь этого старика, – горячо зашептала Ирка. – Заморочил он тебя. Ты сам-то не видишь что ли? Только о нем и...

– Ир...

– Лёнчик, он же больной! Люди в мире умирают каждую секунду. Если я скажу, что завтра умрет триста человек.

– Не надо, – попросил я, разворачивая Ирку к себе.

– Но я ведь тоже буду права.

Ирка смотрела на меня серьезными зелеными глазами.

– Хорошо, – сказал я, сдаваясь, – к черту старика!

– Совсем! – сказала Ирка.

– Отя! – настырный Вовка уцепил-таки миску и залез в нее всеми пятью пальцами.

Шлеп! Пюре брызнуло во все стороны.

Ночь выпало дежурить в дальнем конце «Маркет-Хауза» на втором этаже.

Конец был беспробойный: бильярдная на шесть столов, два работающих до утра пивных кафе, игровые автоматы. И контингент соответствующий.

Мне и приглядываться не нужно.

Шумная гоп-компания из семи человек упоенно дулась в «американку». Четыре парня, три девицы. Подспущенные по негритянской уголовной моде штаны, куртки, толстовки, сигареты, короткие юбочки, кофты, развеселый макияж, пирсинг, кольца. Визгливый смех. Взмахи киями. Стук шаров. Частокол пивных бутылок на столике рядом.

Школьники. Чистый зоопарк.

За крайним из выстроившихся в шеренгу электронных автоматов сидел полный мужчина в дорогом, чуть помятом костюме и флегматично следил за выпадающими цифровыми значками. Убивал время. На другом краю, чуть сдвинувшись к центру, азартно долбили по кнопкам два кавказца.

Горячились, спорили, рассыпали непонятные, шипящие как угли слова.

Автоматы позывали. Изредка – звенели выигрышем. Дын-дын-дын-дын...

В кафе справа светились пластиковые панели, подрагивали от гремящего внутри звука, время от времени в дыму и грохоте появлялись оттуда расхлюстанные мужики, растрепанные, ошелевшие, дышали воздухом у закрытых магазинных жалюзей и возвращались обратно – только пятна дорогих сорочек мелькали.

А в кафе слева уговаривали бутылку водки трое.

В джинсах. В куртках. Коротко стриженые. Плечистые. С одним из них я был знаком еще до армии.

Коммерсанты, блин. Молодые бизнесмены. Бандюки, если попросту. О-хо-хо...

Как назло, в пару ко мне прицепили новичка. Звали его Леша. Был он тихий. Глядел исподлобья. Показался мне несколько туповат. Черная форма охранника висела на нем мешком.

Мы с ним сменили ребят, отстоявших уже свое.

Спускаясь, круглолицый, рябой Игорь, чуть помедлив, видимо, поборов внутреннее сомнение, сказал мне:

– С джигитами будь повнимательней. А то что-то.

Я кивнул. Мне и самому джигиты не нравились. Глаз цеплялся за них – и все тут.

Я подумал и решил, что у них как-то слишком много эмоций. И движения резкие. Вполне возможно, что оба – под наркотой.

Но сразу мы к ним не пошли. Свернули в другую сторону.

В бильярдном зале чуть ли не через столы прыгали. Администратор, молодой парень, то ли таджик, то ли узбек, уныло наблюдал из-за стойки.

Мерцала над его головой плазменная панель с беззвучно вышагивающими по подиуму моделями. Тускло поблескивал холодильник.

Гоп-компания орала на разные голоса.

– А ты что, типа, играть умеешь?

– А типа нет...

– Мальчи-ики! Маль-чи-ки! Сейчас я бью!

Леша слегкотонул, увидев почти легшую на стол девчонку. Елозя животом по борту, девчонка прилаживала непослушный кий к шарам у дальней лузы. Кожаная юбка задралась козырьком, и нам на обозрение были выставлены бледные ягодицы, чуть прикрытые красными трусиками.

– Мальчики!

Кий неловко шарахнулся. Кто-то пьяно икнул. Девчонка сползла со стола.

– Ой!

Ну вот нас и заметили.

– Здравствуйте, – сказал я.

Как-то сразу определилось: мы с Лешей – по одну сторону стола стоим, а школьники, сбившись, по другую. И вроде как и не нарочно.

Сколько, пришло вдруг на ум, сколько людей-человек? Семеро. Тьфу!

Я постучал по часам на запястье.

– Пол-двенадцатого.

– И что? – отозвался самый смелый.

Правую бровь его украшало кольцо. Над верхней губой топорчились усики.

– Ничего, – я катнул по сукну желтоватый шар. – Не поздно?

– Да не, – парень улыбнулся, – время-то детское.

– Какое? – влез, не рассыпав, Леша.

– Детское. Ну, детей делать.

Захихикали девчонки. Парень стукнулся ладонями с приятелями.

– Серый, жжешь!

– Нехило впарил!

Я подождал, пока комментарии иссякнут.

– Хорошо, – сказал, – но будете шуметь – отправитесь по домам. Понятно?

– У нас до часу проплачено...

Я пожал плечами.

– Деньги вам вернут. Запереглядывались.

– Да мы вроде тихо, – пошел на попятный смельчак.

– Сейчас – да. И хорошо бы так дальше. Я развернулся. Леша затопал следом. – Обломали ваше, – долетело от стола. Напарник в кулак гыгыкнул.

– Вот так, – сказал я ему. – Мотай на ус: ситуация, как и что говорить. Теперь давай к джигитам.

Но до кавказцев мы не дошли.

– Леня... Леня, ты это...

Путь к автоматам перекрыл, пошатываясь, знакомец-бандит. С синеватой рожи таращились бессмысленные глаза.

– Пошли. Пошли к нам.

Он попытался схватить меня за локоть, но промахнулся.

– Я не могу, – сказал я. – Работа.

– Обижаешь! – в пьяном голосе знакомца прорезались злые нотки. Бритая голова его свесилась на грудь. – Тут горе, а ты!.. Обижа-аешь!

Он засопел.

Вот, блин! Не хватало еще разборок!

Вытянув шею, я нашел взглядом кавказцев. Тот, что поменьше, тер носатое лицо ладонями. Крупный рылся в мешковатых штанах.

– Если только ненадолго… – скрепя сердце, согласился я.

– Не… Помянуть и сво… – знакомец сделал широкий жест, – и свободен!

Я вспомнил, что его зовут Эдик. Эдуард.

– Что ж, пошли тогда.

– Пошли, – кивнул Эдуард и, накренившись, боднул меня низким коммерсантским лбом.

Пришлось нам с Лешей, подхватив под руки, транспортировать его, вяло подергивающего ногами в дорогих мокасинах, до кафе, а там и выгрождать на стул, пристраивать, придавать полуబессознательному телу устойчивое положение.

Вкрадчиво, мягко плыл в полумраке блатной шансон. «Он был пацан не то чтобы фартовый…» Гудела вытяжка. Тень бармена покачивалась за стойкой.

Собутыльники Эдика мрачно наблюдали за тем, как я нагибаю того к столу, потом левый, чуть косоватый, подвинул к себе бутылку, а правый, с вдавленным боксерским носом, звонко шлепнул Эдика по щеке.

Мой знакомец выгнулся назад, моргнул, поймал меня в фокус.

– Ты кто?

– Никто, – ответил за меня косоватый, разливая водку по стопкам. – Он тебя сюда притащил.

– А-а… – Эдик понятливо кивнул, полез за пазуху. На мутный свет появились две тысячные бумажки. – Вот… – он вложил деньги мне в ладонь. – И все, мужик, вали отсюда…

– А этот? – боксерский нос показал на стоящего за моей спиной Лешу.

– Этот? – Эдик вылупился, соображая, потом достал еще купюру. – Тоже пусть валит. А мы что? Мы исполнили.

Дверь за нами хлопнула. Чуть отойдя, я разжал кулак. Сколько бумажек, сколько? Три.

– На, – уже на ходу я сунул все три тысячи Леше. – Считай, что премия.

– А он что, отрубился и забыл тебя что ли? – улыбнулся Леша, пряча деньги в нагрудный кармашек.

– И не такое бывает… Блин! Я рванул к автоматам.

Ощущение беды кольнуло сердце. Перемигиваясь, раскручивались впустую электронные барабаны. Исчез куда-то примеченный мной толстяк. Исчезли кавказцы. Опрокинутый, лежал на боку подсвеченный зеленым электричеством экранов высокий стул. Окошко кассы было наглухо закрыто железной шторкой. И дверь туда.

Коробочка рации сама прыгнула в пальцы.

– Нештатная, – прохрипел я на бегу. – Второй этаж. Зал игровых. Помощь. Милицию.

– Принято, – ответили мне.

– Бля!

Споткнувшись, загремел сзади Леша. Черт с ним!

Я влетел в подсобку, выбив собой дверь.

Может быть и безрассудно. Может быть. Только я предполагал, что времени у меня совсем нет. А еще я жутко злился на владельца зала, который не первую ночь оставляет на обслуживании совсем молоденьких девчонок. Сволочь!

И попутно, каким-то совсем незначительным пунктиром думалось: если не приурки конченые, один обязательно держит дверь. Второй – ладно, у кассы за выгородкой, с ним позже, но первый... Господи, помоги, чтоб держал!

Так (с Господом) и влетел.

Взвизгнули, срываясь, выстреливая щепки и шурупы, петли. Пластиковое полотно разломилось. Хлипенькое было. Тр-рах! Трах, понимаете, тибидох!

Я не ошибся.

Тот, который поменьше, носатый, стоял-таки у двери. От удара его унесло к противоположной стене, что-то там посыпалось, а потом и основательно грохнуло об пол. Ныряя за выгородку, в тесный закуток, я успел рассмотреть массивный корпус игрового автомата и торчащие из-под него ноги. Да, слот-машины убивают...

– Зар-рэжу!

Девчонка сидела на полу под кассой и боялась дышать.

Блузка у нее была расстегнута, грудь обнажена, чашечки бюстгалтера, разъединенные, разрезанные, болтались свободно, рыхлый живот краснел свежими царапинами. От подола юбки шел вверх кривой разрез, в нем белело бедро, чулок с ноги был стянут наполовину.

На правой щеке у девчонки наливался синяк. Губы ходили ходуном. В глазах оловянно блестел страх.

Сбоку от нее, словно ужавшись в размерах, сидел на корточках кавказец номер два, улыбался, показывая желтые натуральные зубы и один стальной, смотрел на меня как на досадливую, вдруг выползшую букашку. Как на зазудевшего комара.

– Зарэжу! – повторил он и завел нож девушке под подбородок.

Нож у него был чуть изогнутый, опасный, острый.

Только тогда я сообразил, что стою против холодного оружия с голыми руками. Дурак!

Наручники и баллончик со слезоточивым газом не в счет.

Сзади шоркнуло, скрипнуло, я ощутил движение воздуха и подумал, что лучше бы это оказался Леша.

Кавказец смотрел мне в глаза, улыбка его становилась все шире.

От него сквозило безумием. Любовно отмеренным, разведенным, подогретым в ложечке на огненном язычке зажигалки безумием.

А ведь он убьет ее, понял я. Еще чуть-чуть – и убьет. Я не знал правильных слов, которые могли бы его остановить. Да и были ли они, эти слова? Мне казалось, их нет.

– Сколько? – спросил я.

– Чиво? – прищурился он.

От темного глаза проступила к виску кривая, уродливая морщинка.

– Сколько людей умрет?

– Э! Один, да? – кавказец кивнул на девушку.

– Больше, – сказал я.

– Два, да? – кавказец сверкнул коронкой. – Она и ты, да? Нож в его руке дрогнул.

– Больше. Сорок три.

– Ка-ак?

Он подался вперед. Ненамного, но подался. На десять, может, на пятнадцать сантиметров.

Мне хватило. В движение коленом я вложил всю свою силу.

– Н-на!

Сначала был звук «клац». Потом был звук «тум».

Кавказец затылком вонзился в полку, из прокущенного языка брызнула кровь. Нож затанцевал по керамике – звук был «дын-дын-дын». Как в автомате при выигрыше.

– Мамочка...

Девчонка на четвереньках торопливо перебралась через опрокинувшееся тело. Полное, веснушчатое лицо – в потеках туши.

Я помог ей встать.

– Мамочка... – повисла на мне она.

Ее колотило крупной дрожью. И меня колотило. До полной неразборчивости окружающего пространства. Попал как-то, надо же. Попал, думал я. Клац и тум!

Это потом уже, спустя вечность, в поле зрения возникли ребята, Леша, кто-то хлопнул меня по плечу, девчонка пропала, оставив мокроту на щеке, на шее, кавказцев выволокли. Я обнаружил себя сидящим у выбитой двери, рядом сидел спустившийся, бросивший свой «Фронтир» Жора, пальцы обжигал стаканчик с чаем.

– Ты – монстр, – говорил Жора, качая головой. – Что ты ему там сказал? Чего сколько?

– Да так, – я глотнул чая, – внимание отвлекал. Говорить об угаданном числе почему-то не хотелось. Да и ни к чему.

Остаток ночи смешался в моей голове.

Я давал показания запаренному милиционеру. Затем снова давал показания. Объяснял. Расписывался. Повторял в сотый раз.

Нет, сразу было видно. Что видно? Что что-то с ними, с кавказцами, не то. Это вырабатывается. Особенно если человек склонен к внутреннему анализу. И память зрительная хорошая. Игоря вон спросите, мы его меняли. Спросите, спросите.

Дверь, да, сломал. Не могу четко сказать, понял как-то и все. На уровне интуиции. Ну, представь, лейтенант, мелочи сложились и дали общую картину. Хочешь, называй озарением. Озарило меня, что оба они в кассе. Где подпись ставить? Внизу?

Затем я жевал в комнатке отдыха притаранные ребятами бутерброды и пил какую-то коричневую бурду из кофейного автомата.

Леша с полчаса крутился около меня с покаянным видом, наконец, набравшись храбрости, выдавил, что он не виноват, что он бы тоже, вместе со мной, но урна.

Он закатал штанину, показывая плюху гематомы на голени. Здоровую плюху. Он, наверное, и урну бы приволок в свидетели: вот здесь, вот об этот вот гадский угол...

Я махнул рукой.

Чем бы он мне там помог?

Затем медики, приехавшие заодно с милицией, заклеили мне порез над бровью. Я стал бравый и раненый. Только никак не мог вспомнить, как так меня угораздило. Щепкой, видимо, дверной задело. Осколком.

Снаружи шелестел дождь. Асфальт пузырился, множился лужами. Ночной фонарный свет висел над землей слепыми желтыми пятнами.

В третий или в четвертый раз спустился Жорик.

– Ну как там, хрустит? – спросил я.

– Когда хрустит, когда нет, – Жора вздохнул. – Слушай, может, это шейные позвонки?

– Так звук-то откуда идет?

– Да я и не знаю уже...

Кофейный автомат от Жориного пальца дрогнул, мигнул и дунул кипятком в подставленный стакан. Акупунктура, блин.

– Ну, я пойду, – Жора посмотрел на меня. Хмыкнул. – Рожа у тебя, Шарапов...

Я тронул пластырь над глазом.

– Что, боевая?

– Рэмбовидная.

И Жора, овеваемый кофейным парком, поплыл из комнаты. Я запоздало бросил вслед ему пачку желтых стикеров.

Делать было нечего. До конца смены меня обязали никуда из комнаты не уходить. То ли хотели в очередной раз снять показания. То ли чуть ли не опознание надумали провести.

В маленьком зеркале на стене заклеенный лоб мой действительно выглядел мужественно. То есть, вкупе с рожей.

Я посмотрел отражению в нездорово поблескивающие глаза.

А Ирке, спросил его-себя, как мы лоб объясним? Соврем? Или честно расскажем?

Я вдруг клацнул зубами.

Ох! Припозднившаяся озnobная волна прошлась по мне от макушки до пяток.

На волосок, подумалось, на волосок был от смерти. Повернись все немного по-другому, и лежал бы. Мертвый...

Кавказец в памяти улыбнулся и повел ножом: «Зар-рэжу». Беззащитный белый живот внизу. Глаза, остановившиеся, неподвижные, как у слепого...

Бр-р-р! Лучше не вспоминать.

Я щелкнул по отражению ногтем. Ну-ка, улыбочку. Спросил: «Сколько?» Спросил. Сказал: «Сорок три»? Сказал. И лоб.

В общем, Лёня, ты становишься похожим на сумасшедшего старика.

«Отя!» – как говорит Вовка. То есть, вот.

Желто-коричневый, под избушку раскрашенный киоск уже работал. Запах блинов сводил с ума. Улыбчивая толстушка за стеклом смотрела доброжелательно и весело.

– Вам чего? Говорите.

– Сейчас.

Я поднял глаза к длинному списку меню. Ну, Вовке-сладкоежке, блин, разумеется, со сгущенкой. Мне – традиционный блин с сыром и ветчиной. Два. А Ирке, пожалуй, с лососем. Ирка вообще к красной рыбе неравнодушна.

С пластиковой крыши капало. Я чуть подвинулся.

– Мне четыре, с собой.

Я перечислил блины. Сунул три сотенные бумажки.

– Ой, а у меня сдачи нет! – жизнерадостно сообщила толстушка. – Возьмете еще лимонад?

– Да, пожалуйста.

Лилось тесто, растекалось по гигантским плоским конфоркам-сковородам. Потрескивало. Пощелкивало. Превращалось. Мастерица доставала из холодильника контейнеры с начинкой, тут же переворачивала блины, смазывала маслом, тут же готовила бумажные конверты.

Сколько рук? Три? Шесть?

– Ах, блиночки! Ах, вкусненькие! Золотистые!

Вовкин блин впитывал сгущеное молоко. Мой первый, заряженный пластинками ветчины и стружками сыра, лежал готовым боеприпасом.

Толстушка перевернула их лопаточкой. Шшух! Шшух! – и оба они уже в конвертах. А конверты – в пакете из фольги.

– Вам обязательно понравится! И вы приедете еще. Ах, блиночки!

Опять зашипело тесто.

Серели через улицу дома. Мой многоквартирник выглядывал из-за унылой пятиэтажки. Вроде как скоро ее снесут.

Люди сонной стайкой тянулись к трамвайной остановке. Небо светлело.

– Я вам все в пакетик. Пожалуйста, – толстушка высунула в окошко руку.

– Спасибо.

Я забрал покупку. Блины кусались жаром через фольгу.

Полотно асфальтовой дорожки пятнали частые лужи. Приходилось обходить их, балансируя пакетом на подсохших островках.

– Осторожно! Не задавите Мусечку!

Я застыл, пропуская дрожащую лупоглазую собачонку.

– Спасибо.

За собачкой на поводке спешила, переваливаясь перекормленной уточкой, ее хозяйка. Кое-как на островке разошлись. Лавировали, лавировали да вылавировали...

Блины пахли.

Я прошел еще метров двадцать и встал. Подумал малодушно, не повернуть ли в обход. С торца. Там и посуще должно быть.

Впереди, на ступеньках перед аптекой, сидел старик.

Редкие волосы его слиплись и едва прикрывали макушку. В щетине гнездились капли. Он был мокрый весь, напрочь. Брюки облепили худые ноги. Темный от влаги пиджак, казалось, ужался в плечах и рукавах и висел тесной тяжестью.

Старика было мелкой дрожью замерзающего человека. Опустив руки на колени, он смотрел пустым взглядом куда-то вдогон уползающему на север дождю и трясясь.

И что он мне скажет? – подумал я, храбрясь. Ничего умного. Умрет, умрет...

И, мотнув головой, пошел прямо. Только взял чуть правее. Чтобы даже на мгновение не оказаться к сумасшедшему совсем близко.

Шесть, пять, четыре шага до старика. Один. Молчи, старик, молчи. Один, два, три шага – от.

– Сколько?

Я вздрогнул, но не остановился.

– С-сколько? С-сорок т-т-три, – сказал старик, как «морзянку» выступивая слова зубами. – Помню. С-сорок т-три. Умрет-т-т. Д-да. С-сорок.

Я сделал еще шаг.

– С-сколько ч-человек? С-сорок т-три. Д-да.

Не знаю, почему я обернулся. Просто не знаю. Шел бы и шел.

– Когда? – спросил я.

– Д-дурак, – беззлобно ответил сумасшедший. И задрожал еще сильнее.

Я посмотрел на его прыгающие серые губы, на бледный, весь в каплях, лоб, на скрюченные пальцы, на бесполезно вздернутый ворот пиджака.

Сдохнет ведь, подумал. Простудится.

И рука моя сама нырнула в пакет.

– Вот, – я протянул старику обжигающе-горячий блин. – Бери.

Сумасшедший всем телом отклонился назад. Во взгляде его проклонулся испуг.

– С-сорок т-три...

– Бери-бери, – я плюхнул блин в худые ладони. – Мне и одного хватит.

– С-сорок...

Старик повел носом.

– ...т-три, – неуверенно произнес он.

И вдруг споро затолкал блин в рот. Весь. Вместе с бумагой. Словно меха заходили, раздуваясь и опадая, щеки. В глазах появился масляный, экстатический огонек.

– Фы-фы.

– Да знаю я. Сорок три, – сказал я, отворачиваясь. Никакого желания смотреть на торчащую изо рта бумагу у меня не было.

В арке урчала, собираясь выехать, грузовая фура. Я пробежался на другую сторону тротуара. Облегченный пакет шлепнул по бедру.

Блина почему-то стало жалко.

– Фы-фы.

Старик поднялся и делал мне какие-то знаки. Я отмахнулся. Фура потихоньку покатилась к съезду. Между мной и сумасшедшим вклинился грязно-рыжий капот.

– Три... фя... – крикнул старик сквозь рокот дизеля.

– Чего?

– Триск...

– Чего?

– Вот придуруки вы! – водитель фуры, мордатый, с толстыми губами, высунулся ко мне из кабины. – Он говорит: «Тридцать пять».

– Как тридцать пять? Что тридцать пять? – не понял я.

– А я знаю? – возмутился водитель.

Фура взревела, мимо меня прочертил параболу окурок. Медленно, вздрагивая, шелестя шинами, потянулся полуприцеп.

– Тридцать пять умрет? – крикнул я. Ответа не последовало.

Когда фура выползла на дорогу, отметившись на сетчатке моих глаз красными габаритными огнями, на бетонном крыльце перед аптекой уже никого не было.

– Это что, за блин? – тихо спросил я тающую утреннюю дымку.

Ошеломление накатило и схлынуло.

Тридцать пять. Нет, не может быть. Странно. С чего бы?

Это получается, подумалось, я одним блином только что семерых спас? Нет, даже восьмерых. Пусть гипотетически, пусть. Но было сорок три, а сейчас тридцать пять.

Ведь не просто так, а?

Тридцать пять!

В горле стало колю.

Вовка собирался в воскресный детский сад. Машины сложил в кучу, выклещенный шоколад съел и сейчас скоблил по своей светлой головенке расческой.

Вид у него был серьезный донельзя.

Я даже удивился, в кого у нас такой основательный карапуз растет. В маму, видимо. У папы волос жесткий, он расческой калечится.

Ага, и часы опять слямзены!

– Так, – я присел, напуская на себя строгость, – а тик-таки где?

– Тикка?

В глазах у Вовки было: папа, ты что, подозреваешь меня в чем-то?

Я фыркнул.

– Тикка, тикка... Раньше вот здесь лежали. Я указал на полку.

Вовкин взгляд проследовал за моим пальцем. Личико приобрело задумчивое выражение. Вовка очень по-взрослому вздохнул.

– Тикка пыг, – сказал он. – И пала.

И развел руками.

Понимать надо было так: часам на полке не понравилось, часы спрыгнули (пыг) и пропали (пала). А он, Вовка, здесь совсем ни при чем.

– Слушай врушу больше, – выглянула, приоткрыв дверь ванной, улыбающаяся Ирка. – Под подушку, наверное, спрятал.

– Под подушку? – повысил я голос. Измазанный в шоколаде Вовкин рот приоткрылся.

– А вот мы сейчас проверим!

Мое движение, оно, конечно, и не движение было вовсе. Я лишь чуть туловище наклонил, но Вовке и этого хватило. Он взвизгнул и, белея памперсом, умчался в свою комнату.

– Теперь перепрячет, – сказала Ирка.

Она выплыла из ванной, душистая, веселая, в волне горячего воздуха.

– Что со лбом? – спросила.

– Ночная ж смена, – скривился я, трогая пластырь. – Без эксцессов никак.

Ирка внимательно посмотрела мне в глаза.

– Ну, главное – живой. – сказала.

И прижалась ко мне, жаркая, соблазнительная. Под тонким халатиком – ничего. То есть вообще ничего. Ну какие тут блины?

Впрочем, едва мы губами разлепились, я вздернул пакет вверх.

– Вы это... как его... завтракали?

На меня в возбужденном состоянии косноязычие нападает. Не тем, наверное, думаю.

– Ум-hm, – сказала Ирка. – Нет.

– А я блинов это... купил.

– Ну, – Ирка легонько, на неуловимое мгновение распахнула полу халатика, – я тоже кое-что подготовила.

И пока я стоял столбом, а во мне все двигалось, жило, росло, усиленно гнало кровь, выхватила пакет из пальцев.

– Мой с рыбой?

– Со сгущенкой! – крикнул я. Удаляющаяся на кухню Ирка показала мне фигу.

– Все сладкое – детям!

Детский сад у нас находится в соседнем подъезде. Двухкомнатная квартира, молодящаяся, подкрашивающая синькой волосы пенсионерка Вероника Ильинична, семь-девять детей по расписанию – такой вот, за неимением лучшего, сад. Вернее – хоть такой. В свое время мы с Иркой по садам да по инстанциям побегали – везде очереди на год, а то и на два.

Какой-то взрыв, блин, демографический. И его последствия.

В коридоре от Вовки осталась лежать подушка с выкрученным «ухом» (он демонстрировал мне отсутствие под ней часов – «Нетью») и не влезшая в кармашки комбинезона машинка.

И то и другое я отнес к нему в комнату.

Потом в странной, непривычной тишине допил на кухне чай.

Думалось как-то о многом и ни о чем. Например, что квартплата растет совсем уж бешеными темпами, за два месяца горячая вода подорожала на сто рублей, а холодная – на пятьдесят. Не хотелось бы работать на одну квартплату. Ноги протянем. Вовка вообще проглот. К тому же растет – одежды не напасешься. С расческой тоже – номер. Девочка, что ли, понравилась в садике какая-то? Это в два-то с половиной? Не успеешь оглянуться – «Папа, дай на кино», «Папа, дай на цветы». По себе знаю. Кстати, надо будет свои две пятьсот с Асафа стрясти. Неделю в цветочной его будочек грозную охрану по вечерам изображал, отпугивал каких-то приурков, что обещали ему стекла высадить. Так что вполне заработал. А уж приурков-то у нас.

Я качнул головой. Мне вспомнился старик.

Интересно, подумал я, если за каждый блин по восемь человек. Четыре блина – и умрет всего трое? А потом что?

Хлопнула, прерывая мои размышления, входная дверь.

Звякнув ключами, клацнув замками, влетела Ирка.

– Все, Лёнчик! До четырех ты – мой!

Блескучим листом спланировал на пол шейный платок.

– Тарам-тарам-парам! – запела Ирка. Сверкнула много чего обещающими глазами.

– Так мы что... это... без прелюдии? – спросил я, медленно выпуская из брюк рубашку.

Ирка расхохоталась.

– Без!

Брызнул желтыми огнями браслет часиков. Вспорхнула к потолку блузка. Вжикнув молнией, упала юбка.

– Тарам-тарам-парам-там-там! – в одних трусиках закружилась по кухне Ирка.

– Тара-ра-ри… – фальшиво подпел я, в свою очередь пытаясь освободиться от одежды. Но успел лишь отколупнуть пуговицы на манжетах.

Меня накрыло Иркой как волной, и пришлось усмирять ее, целовать, брать в охапку и нести в спальню, по пути уже теряя все, что можно.

Брюки, рубашку, носки, тапки.

Трусы сдались последними.

– Ура! – крикнула Ирка.

В то утро я был на недосягаемой высоте.

А Ирка если не на седьмом небе, то где-то рядом.

Потом мы лежали. Спать не хотелось. А вот нежиться голышом, обнявшись, сбив повлажневшую простыню в край, было удивительно хорошо.

Задернутые шторы желтил день. Внешний мир неслышно звенел где-то за окном. Ирка задумчиво водила пальчиком по моей груди. Какие-то цветы невидимые рисовала, домики, человечков. Как маленькая.

Было щекотно.

– Так покойно, – сказала тихо Ирка. – Будто ничего и не надо больше.

Я улыбнулся потолку.

– Ну, есть еще силы в пороховницах.

– Лёнчик, по-моему, это и так рекорд.

Избегая шевелиться, я поцеловал Ирку в волосы. В общем, куда смог дотянуться.

– Люблю тебя.

– А я тебя.

Какое-то время мы лежали молча.

День то темнел под набегающими облаками, то вновь высветлял комнату.

– Знаешь, – сказала Ирка, – когда человек находится на грани, когда он чувствует, что вот прямо сейчас может умереть, а потом грань вдруг отодвигается, то человек этот как бы заново рождается, на жизнь заново смотрит… – Ирка вздохнула. – Рекорды ставит…

Я приподнялся на локте.

– Ир, – сказал мягко, – ну что ты… Не было никакой грани. Девчонку вот надо было спасти, а о смерти и думать было некогда. Потом, когда отходняк, когда адреналин еще не выветрился, тогда кажется – ух, еле разминулся, простил бог…

Иркины глаза дрогнули, словно на миг ей стало больно.

– Простил бог? – спросила она задушенным голосом.

– Ир, ну там искаженно все воспринимается… А на самом деле – ничего выдающееся… Лишь бы спасти, думаешь, и все.

– А обо мне? О Вовке?

– Думал. Все время. Только это не первым слоем идет. И не вторым даже. Глубинным.

Просто казалось, что я и вас тоже спасаю. И тебя, и Вовку. Словно вы там… рядом…

– Серьезно?

– Серьезно.

Ирка осторожно тронула мой лоб. Там, где пластырь.

– Спасибо.

А я подумал, что теперь уже обязательно доведу счет сумашедшего старика до нуля. Не сорок три будет. Не тридцать пять. Ноль.

Пусть это бред, пусть это пустое пророчество, я постараюсь, чтобы никто не умер. В комнате опять потемнело.

Последующие два дня судьба сводила меня со стариком четырежды.

Мы словно притягивали друг друга. Может быть, оба желали одного и того же.

Сумасшедший сменил пиджак на драный свитер красно-бурого цвета. Щеки совсем запали. Глаза лихорадочно блестели. Из носа текло. Кисть правой руки была перемотана какой-то грязной тряпкой, заскорузлой от подсохшей крови.

Пах он жутко. Тяжелый запах немытого тела мешался с кислым душком, которым в жаркий день так и тянет из мусорного контейнера.

И блины, и бутерброды, и пиво, купленные мной, принимались им безразлично.

Лениво, чуть ли не механически старик набивал рот едой. По заросшему подбородку тек жир и слюни.

– Сколько? Сколько людей? – спрашивал уже я.

– Тридцать пять, – отвечал он. – Дурак! Тридцать пять! Или не отвечал вовсе.

Я купил ему бейсболку, целофановый дождевик, носки и зонт.

– Тридцать пять! – перхал сумасшедший, разбрасывая подарки. – Тридцать пять!

Я не понимал.

С каждой неудачной попыткой мне становилось все страшнее. Казалось, число вот-вот обретет жуткую наполненность. Овеществленность. Очеловеченность.

Вот-вот случится.

Я улыбался, гулял с Вовкой, любил Ирку. Я не показывал виду, что меня что-то терзает. Почему, думал я, почему тридцать пять? Почему не меньше?

Наконец, в отчаянии я решил, что во чтобы то ни стало добьюсь от сумасшедшего объяснений.

Нет, я не был наивен. Я был не в себе.

А случай... Случай, конечно же, представился.

Мы столкнулись в небольшом скверике у «Маркет-Хауза».

Я срезал путь по натоптанной тропке между домами, выводящей прямиком к паркингу и служебному входу. Старик ковылял навстречу. Оглядывался. Тяжело дышал. Пучил глаза.

– Дураки! Дураки! – клокотало у него в горле.

Он бы прошел, проскочил мимо, но я сгреб в кулак свитер на его груди.

У него исказилось, изломалось лицо, застыло жалкой, недоумевающей гримасой.

Пустой взгляд стал тревожным.

Обиженно хныкнув, сумасшедший попытался освободиться.

– Дурак...

Впереди от нас, метрах в двадцати, дрогнули кусты сирени.

Догонявшие старика легко проломились сквозь них и, заметив меня, перешли с бега на неспешный уверенный шаг. Я узнал в правом Лешу. Левый, судя по светлой куртке с полосками отражателей, был парковщиком.

Сумасшедший запереминался, беспокойно закрутил головой.

– Дурак... – повторил он. – Дураки...

И вцепился в мою руку холодными пальцами:

– Позялуйся...

– Встань за спину! – прошипел я ему.

Он моргнул светлыми глазами. Раз моргнул, другой. Словно ослышался или не понял. Потом все-таки шагнул за меня. Я чуть ослабил хватку, но свитера не выпустил.

– Тридцать пять, да... тридцать пять, – зашептал в ухо старик.

– Умолкни!

Леша с парковщиком остановились.

– Ну что, – сказал Леша, ослабясь, – надо ментов вызывать.

Шелестели липы. Покачивались у ног узорчатые тени. Где-то в стороне надрывно гудел клаксон.

– Ребята, давайте сегодня без ментовки? – предложил я.

– Да задолбал он уже! – кивнул парковщик на старика. Лицо у него покраснело от злости. – Сколько-сколько? – закривлялся он, передразнивая. – А потом – дурак-дурак!

– Сколько? – дохнул из-за моего плеча сумасшедший.

– Во, любуйся! – отрывистым, резким жестом показал парковщик. – Он же людей пугает!

– Я с ним поговорю, – сказал я.

– Морду бы ему начистить и ментам сдать, – Леша с сожалением вздохнул. – А там бы его в психушку какую-нибудь пристроили.

– Я поговорю с ним…

– Давай-давай, – Леша сощурился. Скривился. Я, наверное, сильно упал в его глазах.

Развернувшись, буркнув что-то неразборчиво, он вперевалку пошел по тропе обратно. За ним, сплюнув, поспешил парковщик. Полоски отражателя блеснули под солнцем.

– Дураки, – шепнул сумасшедший.

– А ты?!

Не дав опомниться, я потащил его за собой. У стены дома в обрамлении обломанной, оборванной сирени стояла самодельная скамейка. На нее я старика и опрокинул.

– Дурак!

Он закрылся руками, растопырив пальцы.

Я навис над ним. Злость и страх мои требовали чужого страха. Чужой боли. Чужой крови. Словно жертвы, чтобы утихомириться самим.

Глупо.

Я разжал кулак и опустился на плохо сколоченные, с прощелями, доски.

– Что тебе нужно? – спросил я.

– Дурак…

– Я знаю.

Сумасшедший зашевелился. Стукнув меня коленями, сел.

– Телефон, – сказал он.

– Что?

Старик молча указал на чехол на моем пояске.

Посмотрев в пустые глаза, на протянутую, лодочкой выставленную ладонь, я только хмыннул. Что ж, к чему-то подобному я был внутренне готов.

Телефон? Пусть будет телефон.

Я отщелкнул кнопку и достал из чехла продукт усилий двух концернов – «Сони» и «Эрикссон». Приятная, неновая модель.

– Я только симку выну, – сказал я.

Отколупал крышечку, выдернул аккумулятор, зацепил ногтем прямоугольник сим-карты. Ну вот.

Знакомая ящерка пробралась к затылку. Лизнула холодным язычком.

– Держи! – убрав симку в карман, я подал вновь собранный телефон старику.

Сумасшедший взял мобильник с осторожным благоговением.

– Сколько? Сколько умрет? Людей-человек сколько? – заговорил он, тыкая пальцем в кнопки. – Сколько?

– Не знаю, – подавив дрожь, сказал я.

Старик повернул ко мне лицо и улыбнулся. Широко. Радостно.

– Девятнадцать! – сообщил он. – Да! Девятнадцать! Сколько умрет? Девятнадцать!

Я встал. Нет, я взлетел!

Я показался себе легким, воздушным, наполненным гелием. Девятнадцать! Что ж, за телефон можно. Новый куплю наконец. Можно! Девятнадцать!

Солнце плеснуло, выстрелило сквозь ветви ослепительным зайчиком.

Девятнадцать!

Я уже вырвали обратно на тропу, когда очень простая мысль заставила меня вернуться. Очень простая мысль.

Сумасшедший, слава богу, сидел все там же, пляясь в пустой экран и роняя слюни.

– Извини, – сказал я.

– Дурак! – каркнул он, пряча от меня, накрывая собой телефон. – Дурак!

Я не дал ему подняться.

– Скажи, – я взял его за плечо, худое, с остро выпирающей косточкой ключицы, – а что нужно, чтобы никто не умер? Никто, понимаешь?

– Никто... – эхом отозвался старик.

– Да, никто. Чтобы ник...

Я запнулся.

Вместо светлых и пустых глаз внутрь меня, в душу мне смотрели две дыры. Черные. Беспробивные. Безжизненные.

Я почувствовал на миг, что растворяюсь, проваливаюсь в них. Падаю.

Боль разрывала грудь, невыносимым грузом давило отчаяние, что ничего, ничего невозможно изменить, помешательство оплетало сетью, обездвиживало, высасывало последние крохи разума. Кто я есть?

Дурак! Дурак!

– Палец.

Я покачнулся.

– Что?

– Мне нужен палец, – внятно сказал старик. Глаза его очистились, но сверкали безжалостно.

– Палец?

– Твой палец.

Я мотнул головой.

– Как это?

– Палец!

Сумасшедший цапнул меня за руку, вывернул кисть, ухватился за указательный. Сжал.

– Ах ты!

Я рванулся. Придурак! Палец ему!

Боролись мы недолго. Я все-таки был сильнее. Я победил. Старик тут же сник.

– Сколько? – забормотал он. – Сколько умрет?

– Девятнадцать, – сказал я. – Псих!

Освобожденный палец болел. Я потряс им, потом, коря себя за неосмотрительность, пошел от скамейки прочь. В спину мне прилетело слово. Нет, не дурак. Слово было «трус». Я побежал.

В перерыв меня нашел Жорик.

Мы спустились в пельменную на первом, сели за столик в нише, сделали заказ.

– Впервые тебя таким мрачным вижу, – сказал Жора. Я отмахнулся.

– Забудь.

– Хорошо-хорошо, не лезу.

Принесли пельмени. Ароматные горки дышали паром, на вершинах их золотом плавилось масло, склоны зеленели петрушкой. Я взял вилку, повертел ее. И отложил.

– Аппетита, – сказал, – что-то нет.

– И напрасно.

Жора посмотрел на меня с укоризной, потом уткнулся в тарелку.

Я наблюдал, как он споро ест. Накалывает пельмени по две, по три штуки, обмакивает в масло, отправляет в рот. На лбу у него выступила испарина.

Человек, подумал я про него, который ответил: «Восемьсот». Ответил. Не угадал. Жрет пельмени. Дурак, но, наверное, не трус. Трус я.

– Ты хруст все еще слышишь?

– Не-а...

Жорик отвлекся на мгновение от еды, дернул за гибкий черный шнур, торчащий из кармана куртки. В руке у него заболтались маленькие наушники.

– Вот, – сказал он. – Втыкаю – и никаких хрустов тебе. Лозы накачал, Никольского. Ну, это. Мой друг художник и поэт.

Я кивнул, снова взялся за вилку.

– Жор, можно у тебя спросить кое-что? Жора пожал плечами.

– Если что-то несложное...

– Допустим, – начал я, – кто-то говорит тебе, что определенное число людей скоро умрет, и только от тебя зависит, чтобы они остались живы. Причем, ты не знаешь этих людей. Ни где они находятся не знаешь, ни что им грозит. Ни есть ли, скажем, они вообще.

– Разводило, – сказал Жорик, жуя. – Как Апокалипсис матушкин.

– Погоди.

– Разводило – сто процентов.

– Ты дослушай... – я положил вилку, отодвинул тарелку. – И тебе говорят, что никто не умрет, если ты отдашь палец.

– Хренась... – Жорик почесал висок. – Палец-то нахрена?

– Не знаю. Но тебе кажется, что про людей – это все правда.

– Ага! – Жорик подчистил куском хлеба свою тарелку. – С чего кажется-то?

– Ну...

– Леня, – Жорик пошевелил белесыми бровями, – у тебя иногда такие задвиги. Ты вообще пельмени есть будешь?

– Нет, – сказал я.

– Что ж, – Жорик подтянул к себе мою тарелку, – я, конечно, не рассчитывал.

Он нацелился вилкой.

– Тут самое интересное, – сказал я, – что отдашь ты палец и, может быть, никогда и не узнаешь, спас ты людей или нет. Помогло ли.

– Как? – удивился Жорик. Пельмень повис на зубьях.

– Так. Все люди, понимаешь, останутся живы. Но они, может быть, будут живы и сами по себе. Без пальца. Ты же не знаешь.

– Муть какая-то. Я встал.

– Может, и муть...

– И тогда колобок сказал: «Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел...»

Иркин голос казался усталым.

Вовка, похоже, сегодня капризничал и ни в какую не хотел засыпать.

Я на цыпочках пробрался на кухню. Включил свет. Блики заплясали на кастрюлях, на пузатых бокалах, шеренгой выстроившихся на подвесном кухонном шкафчике. На ножах.

Я покрутился на месте, сел на стул, глотнул сока из графинчика, скривился – кислый. Встал, прошелся от мойки до холодильника и обратно.

Ножи...

Не задумываясь над тем, что делаю, я взял разделочную доску, вынул нож потяжелее из специального держателя, взвесил, затем наклонил его к доске и вложил под лезвие мизинец.

Наверное, подумал я, это должно быть не слишком больно... Всего-то – опустить нож вниз.

– Лёнчик!

Я обернулся. Ирка стояла в дверях и лицо у нее было белое.

– Лёнчик! Что ты хочешь сделать?

Я посмотрел на нее, на мизинец, на нож.

Будто жаром обожгло щеки. Господи, стыд какой!

– Ир, это ничего... – я поспешил убрал мизинец. – Это, помнишь, в кино про японцев, там они себе в знак верности семье пальцы отрубали.

– И ты решил в знак верности нашей семьи...

Она все также стояла, не двигаясь, привидением в ночнушке.

– Нет, ты что! – я отбросил нож. – Просто подумал, каково это...

Ирка кивнула, словно ничего другого и не ждала.

– Между прочим, – сказала, – они там, в Японии, мизинцы не в знак верности резали, а за провинность...

И вышла.

Так и осталось у меня перед Иркой острое чувство несуществующей вины.

Утром, отказавшись от моей помощи, она, взяв Вовку, отправилась по магазинам.

– Не порежься тут без нас, – бросила напоследок.

– Хорошо, – сказал я.

А потом я ждал, ждал, ждал, ждал.

Час. Два. Три. Пока, включив телевизор, не увидел «Маркет-Хауз» с провалившейся внутрь крышей.

В отчете комиссии по расследованию будет указано, что перекрытия были переутяжелены, в опорных колоннах имелись микротрешины, нагрузка на них распределялась неравномерно, а качество бетона оставляло желать лучшего.

Жертв насчитывают девятнадцать. Слышите? Девятнадцать!

Ирка и Вовка будут среди них.

Вот так.

Мне часто снится с тех пор: самодельная щелястая скамейка, сумасшедший старик, пробующий пальцем кнопки телефона, и я – стою перед ним, осененный только что пришедшей на ум мыслью.

– Что нужно, – спрашиваю, – чтобы никто не умер? Качается дохленькая, оборванная сирень. Шелестит ветер. Старик смотрит на меня черными дырами глаз.

– Палец. Мне нужен твой палец.

И тогда я протягиваю ему руки. Протягиваю, протягиваю.

– Вот, – говорю, – бери все. Бери все.

Александр Мазин

Пятый ангел

Рассказ

Это неправда, что конец света приходит ко всем одновременно. К Иринке Максимовой он пришел на три часа раньше, чем к Павлу Небрашу. Павел еще выходил из лифта, напевая: «...show must go on...» и бодренько раскручивая на пальце ключи от «Пассата», а для Иринки уже всё, всё закончилось. Она угрюмо посторонилась, пропуская самодовольного дядьку в элегантном костюме при галстуке.

– Привет! Что такая кислая? – открывая дверь, крикнул дядька.

Он поселился на их площадке год назад, и они частенько пересекались. Но не здоровались.

Иринка слыхала от мамы, что дядьку звали Павлом.

С дядькой Иринка не здоровалась. Он – тоже. Может, считал, что Иринка должна поздороваться первой? Не дождется!

Сегодня у Павла было отменное настроение. С отпуском всё получалось, по итогам месяца набежал приличный бонус, да и день обещал быть замечательным.

…Хотя Павлу, в его тридцать три, пора бы уж знать, что обещания сбываются далеко не всегда.

– …Чего такая кислая?

– Пошел ты… – пробормотала Иринка.

Она не думала, что дядька услышит. Да честно сказать, ей было поровну…

Дядька услышал. И обернулся. Иринка очень хорошо запомнила его лицо с глуповато приоткрытым ртом. Как же – его, такого хорошего, такого успешного, может кто-то послать.

Сказать он ничего не успел. И Иринка, собиравшаяся шагнуть в лифт, шагнуть не успела.

Пол под ногами выгнулся, словно плавучий причал под набегающей волной. За дверью вспыхнуло внезапно и ярко, будто солнечный зайчик в глаз пустили, затем взревело не так, чтобы очень громко… Страшно!

Воздух вмиг загустел – не вздохнуть – ударили Иринку в грудь и в лицо и зашвырнули в лифт.

Сюда же, в лифт, мгновением позже, с хрустом и трескомбросило дядьку. Страшный рев накатил, будто прямо на дом спикировал самолет, всё затряслось, накренилось, загромыхало. Иринка увидела, как пол на площадке расходится здоровенной трещиной и в эту трещину летит сначала кусок стены с почтовыми ящиками, а потом, медленно клонясь, валится лифт.

Тут хлопнула лампочка, тьма залепила глаза. Пол ушел из-под ног. Иринка закричала и полетела куда-то, но недалеко. Сразу плюхнулась на мягкое. Наверху гремело, скрежетало и скрипело. Снизу тихонько ворчало, возилось и охало.

«Террористы, – подумала Иринка. – Подъезд взорвали. Или самолет врезался. Как там, в Америке. Теперь я умру. И пусть!»

Однако она не умерла. Спустя некоторое время греметь и грохотать перестало. А звуки снизу обрели смысл и оказались адресованы к ней.

– Слезь с меня! Слезь, тебе говорят!

Оказывается, все это время Иринка лежала на том дядьке в костюме.

Ой как неудобно получилось!

Иринка встала на четвереньки, попыталась отползти подальше, но тут же уткнулась во что-то. Похоже, в стенку лифта. Но с дядьки она слезла.

Дядька копошился рядом. Твердая туфля толкнула Иринку в бедро.

– Аккуратней, – сердито сказала она.

– Извини.

Дядька перестал возиться, зашуршал. Карманами, наверное. От дядьки пахло дорогим лосьоном и, куда сильнее, мокрой шерстью.

«Если дом рухнул, то дедушка наконец-то отмучился», – подумала Иринка.

Ее мир рухнул и развалился три часа назад, оставив в груди ноющую боль и бессмысличную пустоту. Но Иринка все равно порадовалась, что родители сейчас на работе.

Интересно, их откопают или нет? Как-то невесело будет помирать рядом с чужим недовольным дядькой.

– Черт! – ругнулся дядька. – Где же он? А вот! Вспыхнул синий огонек. Яркий такой. У дядьки оказался брелок с фонариком. Иринка поняла, что сидит на боковушке лифта, а в сантиметрах от ее руки чернеет провал в бездну. Хорошо хоть наклон в другую сторону. А то бы съехала вниз...

Иринка отодвинулась поближе к стенке. То есть это теперь была стенка, а раньше – потолок.

Она посмотрела на элегантного дядьку. Да, элегантным его сейчас уже не назовешь. Стильный костюмчик прорвался и перепачкался. И лицо у дядьки ободрано.

– У вас кровь.

Дядька схватился за щеку, зашипел: больно. Но тут же стиснул губы в ниточку и сделал мужественное лицо. Иринке стало смешно. Перед кем он представляется?

– Это когда меня о стенку треснуло, ободрал! – бодрым голосом сообщил дядька. Словно о победе сообщил. – Меня Павлом зовут.

– Ира, – сказала Иринка. – Как вы думаете, что это с нами случилось?

– Похоже на землетрясение, – сказал дядька по имени Павел.

– А я думала – террористы. Или самолет упал.

– Может, и террористы, – не стал возражать дядька. – У нас же платформа. Какое, на хрен, землетрясение. Да еще такое...

Иринка ничего не поняла. То есть про платформу. Подумала, может, стоит сделать замечание, чтоб не ругался. Решила: не стоит.

– У меня айфон пропал, – пожаловался дядька. – Видно, выпал. У тебя мобильник есть?

Иринка равнодушно протянула дядьке телефон. Тот повертел его и вернул его Иринке.

– Не ловит, – сказал он. – Наверное, лифт экранирует. Хотя в принципе не должен.

– А вы вспышку видели? – спросила Иринка.

– Вспышку? – Дядька осторожно потрогал ссадину. – А я думал – это меня так треснуло.

– Вы не трогайте, – сказала Иринка. – Еще инфекцию занесете.

– Да, ты права. Надо бы обработать чем-нибудь? У тебя случайно нет?

– Есть, – сказала Иринка. – Салфетки бактерицидные в сумочке.

Только вот где она? В лифте ее не было.

– А она, наверное там, – она показала на дыру. Дядька встал на четвереньки, подполз к краю (осторожно, с опаской) посветил вниз...

Сказал с явным облегчением:

– Сумочки не вижу.

Верно, сумочки не было. Зато «бездна» оказалась неглубокой: метра полтора. Внизу – потрескавшийся бетонный пол.

– В подвал провалились, – сказал дядька. – Повезло. Могло прихлопнуть, как жучков.
Дом-то, похоже, тю-тю!

Дядька засмеялся.

– Что смешного? – удивилась Иринка.

– Да, понимаешь, я как раз квартиру застраховал. Хотел только машину, но агент уговорил. Мол, оптом, скидка большая. Ну я и застраховал оптом: машину, квартиру и дачу родительскую.

– А родители ваши, они где живут? – спросила Иринка.

– Не здесь, слава богу. Ой, йо-мое! Это ж сколько народу погибло, если дом развалился!

Судя по голосу, дядьке было на погибших начхать. Иринку это царапнуло.

– Ладно, будем вылезать, – сказал дядька и довольно ловко соскочил в дырку.

– Прыгай, я поймаю!

– Я сама, – сказала Иринка, но он всё равно ее подхватил и аккуратно поставил на ноги.
Сильный, оказывается. Руки, как железные. Спортсмен, небось...

– Ага, вот твоя торба!

Дядька сунул Иринке сумочку, подсветил – его крошечный фонарик горел удивительно ярко.

Иринка первым делом достала зеркальце: фу, чумазая! Она протерла лицо салфеткой из пакетика, вторую такую же дала дядьке. Подержала зеркальце.

Дядька кое-как протер ссадины, бросил салфетку и принялся изучать место, где они оказались. Дядьке было интересно, а Иринка вот думала, упал ли весь дом или только их подъезд. И что это было...

– Что же это всё-таки было? – пробормотал дядька. – Может, газ взорвался? Ревело, как гейзер.

– Гейзер? – удивилась Иринка. – Как он может реветь? Это же фильтр для воды.

Дядька хмыкнул презрительно. Вскоре исследование закончилось.

– Плохи наши дела, – подвел итог дядька.

Так и было. Все проходы-выходы были завалены обломками или перекрыты вставшими на дыбы бетонными плитами.

– Зато мы живы, а значит всё те так уж плохо! – тут же добавил он бодренько.

«Мне-то всё равно, – напомнила себе Иринка. – Моя жизнь теперь бес-смыс-слен-на!»
Ей стало грустно-грустно.

– Телефон не заработал? Иринка глянула… Сети не было.

Дядька не унывал. Обшарил всё, потрогал трубы, сказал:

– Холодная вода, Если что – от жажды не умрем. Рвануть как следует – и стык разойдется.

– Ну рваните, – равнодушно буркнула Иринка.

– Не сейчас, – покачал дядька головой. – Это на крайний случай, а то еще зальет к чертовой матери.

Нашел кусок ржавой трубы и принялся шуровать в одном из завалов. Синий свет фонарика, поцарапанное лицо и рваный костюм делали его похожим на зомби из кинофильма.

И всё равно даже в таком виде дядька был до отвращения приличный. Респектабельный.

Иринка тихонько присела в стороне и печально думала о своем.

Вскоре дядька бросил трубу и плюхнулся на пол рядом с Иринкой.

– Дай еще салфетку! Иринка сунула ему всю пачку.

– Ничего, – сказал дядька, утираясь. – Я отверстие расширил, воздух свежий к нам идет, вода есть, суток за двое нас точно откопают. Тебе сколько лет?

– Шестнадцать, – честно ответила Иринка.

– Шестнадцать... Я в шестнадцать любому приключению радовался. А ты такая мрачная.

– Поищите другую, веселую, – буркнула Иринка и встала.

– Да я уже нашел, – сказал дядька и засмеялся. – Кстати, ее тоже Ирой зовут. Она в банке завотделом работает.

Иринка представила себе такую... в очках и деловом костюме.

– Мы с ней две недели назад из Испании вернулись, – сообщил дядька. – Отлично отдохнули. Взяли в рент катер.

Дядьке явно хотелось поговорить. То, что Иринка его не слушала, дядьку не смущало.

Иринка подошла к завалу, в котором ковырялся дядька. Подсветила телефоном. Дырка была размером с суповую тарелку. Оттуда ощутимо подувало. Не сказать, чтоб особо свежим воздухом. По ту сторону было темно. И там кто-то был.

– ... дайвинг роскошный. загорели, как негры... – продолжал делиться впечатлениями дядька.

Иринка представила: море, яхта, пальмы всякие. Она никогда не была на настоящем курорте. Только – в Сочи раза три. Иринка попробовала представить себя в таком роскошном месте. Вот она бежит по белому, белому коралловому песку. Вместе с парнем, красивым, как Киану Ривз.

Ничего не получилось. Зато она отлично могла представить, на этом песке дядьку с его банкиршей. Загорелых, красивых, самодовольных...

Из глаз ее сами собой побежали слезы. Вовсе не потому, что она завидовала. Из-за несправедливости мироздания.

«Не любит он ее, – подумала Иринка. – Все они такие. Вместо любви один секс и руки потные...»

За спиной дядька бубнил и бубнил о том, как у него всё замечательно...

А может так и надо? Любовь, не любовь... Какая разница!

– ... отличное вино, и по таким ценам, что просто смешно. А какие там шоу по ночам устраивают.

Нет, разница есть. Пусть весь мир пытается убедить ее в обратном, Иринка все равно знает, что любовь есть...

Была...

Снежная королева тронула сердце ледяными пальцами. Иринка всхлипнула.

Почудилось или нет?

– А вот три года назад, в Каире, вот это было шоу! Ты представляешь: ночью, на фоне пирамид...

Очень мешал дядькин бубнеж.

– Помолчите, пожалуйста, – попросила она. Дядька сразу умолк.

Иринка прислушалась... Точно. По ту сторону кто-то тихонько поскуливал. Щенок? Нет, не щенок... Щенки не всхлипывают.

– Эй, там! – крикнула Иринка. – Иди сюда!

Тот, за завалом, примолк. А потом громко захныкал. Точно, ребенок.

Дядька тоже услышал. Подошел, заглянул в дыру, посветил своим брелком. Плач стих.

– Там ребенок, – сказала Иринка дядьке.

– С чего ты взяла?

– А то вы сами не слышите? – сердито сказала Иринка.

– Вроде скулил кто-то. – не очень уверенно произнес дядька.

– Плакал! Ребенок там!

– С чего ты взяла, что ребенок? Откуда там ребенок взялся?

— А мы — откуда? Да сделайте же что-нибудь! — крикнула Иринка, сама чуть не плача. — Павел! Вы же мужчина!

— Ладно, ладно, только не реви! — бодро произнес дядька. — Сейчас что-нибудь придумаем.

Он заглянул в дырку:

— Эй! — крикнул. — Иди сюда!

Ребенок опять заплакал. Громче и жалобней.

— Позови ты, — предложил дядька. — Вдруг он меня боится.

Иринка позвала. В ответ — только плач.

— А если его придавило? — предположила Иринка. — Надо туда пролезть!

— Как ты туда пролезешь? — буркнул дядька. — Вот одна плита, вон вторая. В каждой — тонн по пять. И сверху еще давит...

Однако под взглядом Иринки он смешался и пошел за своей трубой. Поискал, он нашел еще какую-то железяку, поменьше и принялся вколачивать ее в плиту.

Пока дядька долбил (какой он, все-таки, здоровенный, точно спортсмен) и отковыривал кусочки, Иринка сидела поодаль и ждала. Плач по ту сторону завала прекратился. Это тревожило...

Дядьке наконец удалось отломить кусок плиты.

— Всё! — выдохнул он, плюхнувшись на пол и пыхтя, как пароварка. — Больше не могу!

Дырка стала побольше. Пожалуй, Иринка смогла бы протиснуться.

Получилось. Хорошо, что она такая худенькая. Встала на ноги, подсветила телефоном.

По ту сторону завала оказался точно такой же подвал.

– Ну как? – крикнул дядька. – Выход есть?

Но Иринка выход не искала. Она искала ребенка. И нашла.

Мальчишку лет двух – может, чуток постарше. К счастью, его не придавило. Ему вообще страшно повезло, потому что сидел внутри почти целой детской кроватки, которую

сверху накрыло здоровенным шкафом. И уже над шкафом громоздился всякий мусор: битые кирпичи, какие-то железки, обломки мебели.

Вылезти сам малыш, ясное дело, не мог. Свернулся клубочком и скулил тихонько. Но кажется, целый.

У Иринки сердце защемило: как похож мальчишка на ее братика, каким тот был был года три назад. Такой же беленький, глазастый, похожий на маленькую Иринку.

Иринка сунула малышу мобильник. Тот сразу перестал скулить. Заинтересовался.

Поднатужившись, Иринка выломала пару треснувших прутьев из кроватной стенки. На втором пруте шкаф опасно качнулся... У Иринки сердце упало... Но ничего, не поехал.

– Вылезай, мой хороший!

Оказавшись у нее на руках, мальчишка, сначала напряженный такой, быстро расслабился, прижался тепленьким тельцем... Но мобильник не отдал.

– Ну что там? – Дядька у дыры весь извелся.

– Ничего! Держите! – Иринка отдала ему мальчика. Тот к дядьке не хотел: цеплялся за Иринкину футболку. Оказавшись у дядьки на руках, сразу заревел.

Иринка полезла в дырку и застряла. Зацепилась кармашком. Дядька перехватил малыша подмышку, ухватил Иринку за руку и рванул так, что джинса жалобно затрещала, а Иринка, выскочила из дыры, как пробка из бутылки шампанского.

Иринка выругалась сквозь зубы. Ну кто его просил дергать, бугая такого? И бок поцарапала и на руке теперь синячищи останутся...

Молча забрала у дядьки мальчика.

– Писать хочешь?

Тот помотал головенкой.

– Пить хочу!

Дядька болтался поблизости. Явно не знал, куда себя деть.

– Он пить хочет! – требовательно заявила Иринка. – Что вы там насчет трубы говорили?

Дядька молча двинулся к трубе, дернул – и из стыка с шипением ударила струйка.

– Удачно получилось, – похвалил себя дядька и первым делом напился сам. – Нормальная вода, не отравимся.

Иринка порылась в сумочке, нашла колпачок от дезодоранта, кое-как напоила малыша. Потом скормила ему кусочек шоколадки.

Она покупала шоколадки в киоске и каждый раз говорила продавщице: это для братика.

И всегда сначала съедала только половинку. Вторая – как бы для братика.

«Если я умру, о нем больше никто не вспомнит», – подумала Иринка.

Она точно знала: если бы братик был жив, то ни за что не вырос бы таким уродом, как этот гад.

Усилием воли Иринка заставила себя не думать о плохом. Всё равно всё в прошлом. Ничего не исправить. Ничего!

– Хотите шоколаду? – сказала она, только чтоб не молчать.

– Ага, давай.

Иринка отломила половинку.

– Для братика купила, – сказала она просто по привычке.

– Братика? – Дядька удивился. – У тебя разве есть брат? Иринка прикусила язык, но было поздно.

– Он что – не с вами живет? Ни разу его не видел. А сколько ему лет?

Дядьке хотелось поговорить.

– Четыре... – неохотно пробормотала Иринка, добавив мысленно: «...было бы».

– Вот как... Наверное, вам тесновато в шестером – в двушке, да еще с инвалидом...

Иринка мрачно молчала.

— Слушай, — сказал вдруг дядька, — а ведь ты меня дуришь! — Он погрозил Иринке пальцем. — Я же список жильцов смотрел. Нет у тебя никакого братика! Нехорошо обманывать, девочка!

— А аборт делать — хорошо? — злобно бросила Иринка. — Да, я наврала! А его — убили! Из-за таких, как вы! — Иринку уже несло, не остановиться. — Вам, мужикам, только бы в трусы залезть! Никаких чувств, как животные!

Малыш испугался ее крика и заплакал. Иринка опомнилась и запоздало сообразила, что наговорила.

Дядька с полминуты глядел на нее изумленно, потом вдруг расхохотался. И долго не мог успокоиться.

Малыш перестал реветь и тоже захихикал. Иринка сидела, как дура...

— Не знаю, как твои *мужики*, — отсмеявшись, сказал дядька, — но на мой счет можешь не беспокоиться. Я не маньяк-педофиил. — Он скорчил малышу рожу и сказал: — Бу-у-у!

Но малыш отвернулся от него и погладил Иринку по щеке. Успокаивал.

— Ты мой хороший, — прошептала Иринка и прижала его к себе.

— О родных не думай плохо, — сказал дядька примирительно. — Разные бывают обстоятельства. Может, еще родят тебе кого-нибудь.

«Кого-нибудь... — с подумала Иринка. — А братика-то всё равно убили...»

Но злость ушла. Теплое тельце на руках действовало на нее умиротворяющее.

Дядька погасил фонарик, напевал что-то по-английски. С разговорами больше не лез. Малыш пригрелся на руках и заснул. Один раз проснулся, вскинулся, позвал маму... Иринка его укачала.

Так они сидели в темноте. Шипела бьющая из сломанной трубы вода. Наверху что-то шуршало и поскрипывало. Иринка и сама задремала. Проснулась от треска и скрежета.

Зябко поежилась: пол бетонный, холодный и стена тоже. Только от малыша тепло.

Дядька тут же зажег свой фонарик.

— Копают! — обрадовано сообщил он. — Быстро же они!

— Не кричите, — шепотом попросила Иринка. — Маленький же спит.

— Да ладно, — мотнул головой дядька. — Сейчас же нас откопают. Давай-ка сюда, в угол, а то еще придавит ненароком.

Иринка осторожно перебралась в угол. Дядька устроился рядом, большой и приятно теплый.

Сверху тем временем шла работа. Хрустело, скрежетало, сыпался какой-то мусор...

А потом между свалившихся балок забрезжил свет: почему-то синий, такой же, как у дядькиного фонарика и в щель всунулась плоская штуковина, похожая на лапу с четырьмя металлическими когтями.

Иринка испуганно вздрогнула, но дядька уверенно сказал:

— Не бойся, дурочка! Это же экскаватор! Откапывает нас.

— Эгей! — закричал он, вскакивая. — Поаккуратней там! Здесь живые люди!

Лапа на мгновение остановилась... (Малыш проснулся, открыл сонные глазенки, огляделся непонимающе)... И снова пришла в движение, ловко поддев и сдвинув целую бетонную плиту. В подвал хлынул свет. Сразу много света, очень странного, фиолетово-синего...

Нет, это был не экскаватор. Совсем не экскаватор. Ничего общего...

Дядька попятился, едва не свалился на Иринку с маленьким, нашарил свою ржавую трубу и встал в стойку. Драться собрался. Только ничего у него не получилось. Он только раз махнуть трубой и успел, потом *это* ухватило дядьку поперек туловища и вздернуло вверх, будто это был не здоровенный мужик, а какой-нибудь щенок...

Но взвизгнул дядька точно как щенок. Потом, уже наверху, заверещал коротко... И примолк.

А *это* метнулось к Иринке. Та успела только отпихнуть подальше малыша (вдруг не заметит) и зажмуриться...

Ничего не происходило. Иринка осторожно открыла глаза. *Это* раскачивалось в полу-метре от ее лица. Иринке стало еще страшнее, но она помнила о малыше и шагнула навстречу:

– На! Забирай меня! – звонко крикнула она. Вернее, тонко пискнула.

Это чуть отодвинулось. Иринке показалось, что *это* принюхивается. Хотя ничего похожего на нос, у *этого* не было. А потом – раз! – и *это* пропало.

Иринка отдохнула немного, пришла в себя, взяла малыша и решительно полезла наверх, цепляясь свободной рукой за прутья арматуры.

Наверху было еще хуже, чем внизу. Знакомого двора, домов... ничего не было. Были развалины, из которых поднимался сизый туман. В тумане мелькали какие-то чудовищные... Существа, машины?..

«Может, это инопланетяне напали?» – подумала Иринка.

И тут снова раздался тот страшный звук: рёв, который Иринка уже слышала, когда всё началось. Обдал ужасом и смолк.

На куче битого кирпича огромным сломанным манекеном лежал дядька. *Это* не стало его жрать. Убило и бросило.

Иринка застыла с малышом на руках, не зная, что теперь делать, куда идти...

И тут дядька зашевелился. Встал сначала на четвереньки, потом встремился, как собака, и выпрямился во весь рост. Иринка в первый момент обрадовалась, что он – живой, а потом испугалась еще сильнее, потому что дядькино лицо всё время менялось, будто в жутком мультике. То – нормальное, человеческое, то вдруг обрастало какими-то шишками. То глаза внезапно загорались красным, как у собаки в свете фар.

Иринка попятилась. Или у нее галлюцинации, или это уже не дядька. Вернее не тот, как его, Павел, с которым они сидели в подвале...

– Ага, – сказал этот, другой. – Привет, детка! – Он ослабился, и стало видно, что во рту у него всё красное. Еще Иринке показалось, что язык у него – раздвоенный. А может это свет так падал.

Малыш на руках обхватил Иринку за шею, спрятал лицо у нее в волосах.

Иринка не пыталась бежать. Понимала, что с малышом ей точно не убежать, а бросить его она не сможет.

– Не бойся, глупышка! Иди ко мне! – Голос, липкий такой, склизкий. После такого голоса хочется вымыться с мылом.

Рука потянулась к Иринке. На запястье – круглые часы без цифр, только с палочками. На циферблате – крестик, а под крестиком надпись по-английски: Vacheron Constantin...

Чудовищный рев накатился сверху, ударил, как снеговой заряд: Иринку обдало холодом... Зато *этот* испугался, отпрянул.

Зато малыш встрепенулся, поглядел наверх. Заинтересовался.

Этот усмехнулся криво, облизнул губы. Язык уже не раздвоенный, самый обычный. И лицо опять нормальное, человеческое. Очень даже красивое лицо. И мужественное. Почти как у Киану Ривса. Иринка всегда мечтала о таком. друге.

Нет, не так. Не о лице она мечтала. О любви.

Иринка прижала покрепче маленького. Вот он был живой, настоящий...

– Не бойся, глупышка! – «Киану Ривс» вновь протягивал руку. – Идем со мной! Со мной, туда. – Взмах в сторону дымящихся развалин...

Нет, никаких развалин. Синь и белизна морского побережья, утопающие в зелени виллы...

– Врешь ты всё!

Иринка вздрогнула от неожиданности.

Это сказал малыш у нее на руках. Взрослые интонации в детском голоске показались фальшивыми. Будто он подражал кому-то.

– Пусти меня! – потребовал малыш. – Я его прогоню, он – гад!

– Не говори глупостей! – раздраженно бросила Иринка, но тут же опомнилась и добавила ласково: – Ты же босичком. Ножки поранишь, больно будет.

– Не будет, – серьезно-серьезно проговорил малыш. – А вот ему – будет! – маленький пальчик указал на *этого*...

Ой! «Киану Ривс» снова стал прежним знакомым дядькой. Только каким-то... пришибленным.

– Иди отсюда! – тонким сердитым голосом крикнул малыш, вытягивая ручонки. – Именем пославшего меня! Прочь!

И здоровенный дядька попятился, споткнулся, чуть не упал. Какая-то тень мелькнула у него за спиной. Или это была поднятая ветром пыль?

Иринка мигнула – и дивный мираж пропал. Его закрыло мутное рыжее марево.

Дядька быстро оглянулся... И тут же испуганно шарахнулся.

– Страшно тебе? – спросил малыш.

– Нет! – Лицо у дядьки стало злое, напряженное.

На самом-то деле ему страшно. Только признаться не хочет. Еще он всё время смаргивал и глаза щурил. Будто на солнце глядел.

– Зачем это тебе? – Крохотный пальчик указал на дядькины часы.

– А? – Дядька уставился на часы. «Красивые часики», – подумала Иринка.

– Остерегайтесь подделок! – тоненьким голоском произнес мальчик.

– Да я... Это подарок... – Дядька будто оправдывался.

– Бойтесь данайцев... – назидательно произнес малыш. «Интересно, кто его родители?» – отстраненно подумала Иринка. Учат ребенка всякой... ерунде.

Но дядьке сказанное не показались ерундой. Он поспешил сорвал с запястья часы и шваркнул оземь.

– Так лучше?

– Молодец, – ободрил малыш.

Иринка ровным счетом ничего не понимала, машинально гладила малыша по голове. Волосики у него были мягкие, пушистые, словно только что вымытые. Как будто грязь к ним совсем не приставала.

– Я взял бы тебя с собой, – «взрослым» голосом произнес малыш. – Но мне нужно целое, а ты – половинка.

– И что делать?

«Чего он боится? – подумала Иринка. – Мне вот совсем не страшно?»

И покрепче прижала к себе малыша.

Тот потерся головенкой об Иринкину щеку.

– Хорошая... – прокурлыкал он.

– Она?! – Дядька уставился на Иринку, как будто привидение увидел.

«Мелкая, тощая, невоспитанная... Гейзер – фильтр для воды...»

– У меня есть выбор? – спросил дядька.

– Есть, – сказал малыш. – Но он тебе не понравится.

Дядька еще раз оглядел Иринку. Большой такой дядька. Высокий, плечистый, важный... А лицо такое... Обиженное. Как у ребенка, которому вместо мороженого перловку подсунули. Так смешно!

Иринка не выдержала и засмеялась. И малыш засмеялся вместе с ней... Нехорошо, наверное, было смеяться, ведь что-то страшное случилось с миром, со всеми людьми... Но

Иринка продолжала хихикать и никак не могла остановиться... А малыш заливался вместе с ней... И спрятанная под сердцем Иринки боль таяла, таяла... И наконец пропала совсем. И то, что случилось сегодня – будто не с ней. И не ее Мишка пытался... И не она дала ему по морде... И правильно дала! А нечего! Тоже еще любовь... С потными ручонками!

Иринке стало еще смешнее, она хотела, как ненормальная... И дядька не выдержал, улыбнулся... Робко так, неуверенно... что Иринке вдруг захотелось и его погладить по голове, как маленького... И смех ее сам собой оборвался.

И тут наверху опять взревело жутко и грозно. Дохнуло холодом и грозой.

– Труба зовет, да? – спросил Павел. И улыбнулся ей уже по другому, словно подбодрить хотел.

Иринка по голосу опять почувствовала: ему страшно.

А ей, по-прежнему, нет. И еще она подумала, что когда Павел так улыбается, он такой даже симпатичный. Хотя совсем не похож на Киану Ривса...

– Вот так, значит, всё и закончится, – произнес Павел, глядя на равнину, над которой поднимался подсвеченный багровым дым. – Врата бездны уже открыты, да?

– Тебе-то что? – фыркнул малыш. – Ты, главное, свою жемчужину не потеряй.

Иринка прижала его к себе и поцеловала в макушку. Для нее он по-прежнему оставался маленьким. Какие бы взрослые слова он ни говорил.

– А знаете что... – задумчиво проговорил Павел, – Вы идите, а я, пожалуй, останусь. Всё-таки величайшее шоу человечества. Жалко будет пропустить...

Тим Скоренко

Удивительная история Эллы Харпер

Рассказ

История, которую я хочу вам рассказать, почти правдива. Я утаю лишь некоторые обстоятельства своего знакомства с Великим Бассини, да ещё изменю ряд географических названий, чтобы вы не смогли каким-либо образом найти меня. Впрочем, сегодня я не представляю для вас ничего интересного – просто пожилая женщина, одиноко живущая в аккуратном домике на окраине маленького городка. Подобных мне – тысячи.

Иногда я пишу не очень грамотно. Простите меня: я никогда не училась ни в школе, ни в высшем учебном заведении. Я узнавала окружающий меня мир по книгам. И ещё меня учил Бассини. Он занимался со мной каждый день и передал мне все знания, которые имел сам. Но школу ничто не заменит, как мне кажется.

Что ж, перейду к обещанной истории.

Сейчас моё имя звучит совсем иначе, но в те далёкие времена меня звали Элла Харпер. Я родилась в 1873 году в городе Хендersonвиль, штат Теннесси. Я была третьей из шести детей. Мой отец мечтал о мальчике – и получил его шестым, спустя 7 лет после моего рождения. Ни я, ни две мои младшие сестры не были желанным детёнышем: отец устал от девочек.

В отличие от отца, мать любила меня больше остальных детей, я бы даже сказала – чрезмерно. Связано это было в первую очередь с моей болезнью. Тогда у неё не было названия: учёные не знали, что такое генетика, хирургия находилась в зачаточном состоянии, а кровопускание в качестве основного медицинского средства ещё не вышло из моды. Недавно я провела несколько часов в библиотеке нашего города и всё-таки выяснила, как называлось мое заболевание. На латыни это звучит как *congenital genu recurvatum*, или «синдром обратного изгиба коленного сустава». Если говорить проще, мои колени изгибались не как у нормальных людей, а в противоположную сторону – вперёд.

Из-за этого я не могла нормально ходить. Я могла выпрямить ноги, но силы мышц не хватало на то, чтобы держать их в таком состоянии, когда на них приходился вес тела. Я не была пышкой, но и моего скромного веса было достаточно, чтобы колени подгибались.

Зато я прекрасно передвигалась на четвереньках. Малыш Комптон выточил мне деревянные подставки с рукоятками. По форме они напоминали два утюга, и с их помощью я опиралась на землю, не травмируя ладони. На четвереньках я могла обогнать практических угодно. Впрочем, в нашем цирке мало кто мог передвигаться с обычной человеческой скоростью. Стоп, я забегаю вперёд.

В 1879 году отец начал настаивать на том, чтобы меня сдали в приют. «Она не сможет даже в школу пойти! – кричал он матери. – Она монстр! Ярмарочный ублюдок!» Со временем он ненавидел меня всё пуще и в 1881 году, вскоре после рождения моего брата, всё-таки осуществил своё намерение – избавился от неугодной дочери. Меня отдали в приют Сент-Клер, к монахиням.

Мне было 8 лет, я не умела читать и писать, но отличалась бойким характером и живым умом; знания я впитывала, как губка. Проживи я в приюте чуть дольше, меня бы обучили многому, но всего через четыре месяца я не выдержала и сбежала. Да, представьте себе. Восьмилетняя девочка, способная передвигаться только на четвереньках.

Самое смешное, что я точно знала, куда иду. Через город проезжал передвижной цирк некоего Уильяма Харриса, и я направилась именно туда, благо от приюта было всего два квартала.

При жизни с родителями я никогда не выходила на улицу сама. Мать накрывала мои ноги пледом и вывозила меня в самодельной коляске. Я не могла согнуть ноги, и они торчали вперёд: иногда я задевала прохожих.

Жизнь в приюте была ещё скучнее: я вообще не выходила за его стены. Мне удалось уйти лишь потому, что никто не охранял выход. Могли ли монахини подумать, что кто-либо из их подопечных решится на побег? Большинству бежать было просто некуда.

В те годы в Америке и Европе уже вовсю гремела слава цирка Барнума и Бейли. Каждый дистрофик, человек-волк или лилипут мечтал работать там. Барнум драл со своих работников по три шкуры, но прилично платил и позволял, так сказать, «набрать вес»: после работы у Барнума было проще найти себе место в другом цирке. Конечно, всё это стало мне понятно гораздо позже, но уже в 1881 году я представляла себе, что такое цирк Барнума. Отец не раз грозился матери сдать меня туда.

Цирк Харриса приехал в наш город по железной дороге. Раскрашенный во все цвета радуги старенький паровоз тянул за собой три вагона, похожих на клубничные пирожные. Harris Nickel Plate Shows – эту надпись я прочесть не могла, лишь впоследствии мне удалось узнать название своего нового места работы. Цирк разложился прямо у станции, на пустыре: большой балясан и ряд куполов поменьше.

До вечернего представления оставалось порядка трёх часов. Я подошла (не буду уточнять каждый раз, что передвигалась на четвереньках – читателю нетрудно это запомнить) к территории цирка со стороны парадного входа. Она была обнесена временным деревянным забором, у входа стоял комического вида стражник с бутафорской алебардой. Погода стояла пасмурная, вот-вот обещал пойти дождь, никого из горожан видно не было.

Я подошла к стражнику и поздоровалась с ним. Он посмотрел на меня сверху вниз и сказал: «Привет, девочка».

«Я хочу работать в цирке!» – звонко произнесла я.

Стражник присел и спросил: «А что ты умеешь?»

Он не обратил внимания на то, что я стою на четвереньках не ради пустой забавы.

Надо сказать, что мне приходилось носить штаны. Юбку на меня надевали всего несколько раз – когда фотографировали в честь какого-то праздника и когда вывозили на улице в коляске. В приюте и дома я носила короткие мальчишеские штанишки и чулки.

«Посмотрите на мои коленки, мистер стражник», – сказал я. Он недоуменно перевёл взгляд на мои ноги, присмотрелся и покачал головой:

«Да уж.... А родители-то у тебя есть?»

«Сирота, из приюта сбежала», – почти честно сказал я.

«Пойдём-ка к мистеру Харрису», – сказал стражник.

Мы шли довольно долго, почти через всю территорию цирка, и по дороге я видела людей, в сравнении с которыми я была совершенно нормальной. Мимо прошёл мужчина приятной наружности, у которого не было рук, потом проковылял мальчишка, всего на несколько лет меня старше: на каждой руке у него было всего по два огромных пальца, а ноги выворачивались носками назад. На небольшом столике сидел молодой чернокожий человек ростом не более двух футов. Наконец, у самой палатки мистера Харриса я увидела бородатую женщину. Почему-то мне показалось, что она – невероятной красоты под этим слоем густых чёрных волос.

Мы вошли в небольшой предбанник, и стражник жестом показал мне обождать чуть-чуть. Как только он исчез за занавесью, около меня незнамо откуда появился крошечный человечек с пухлыми щеками и детским голоском. Он был прилично одет и смотрел на меня с заметным интересом. Совершенно без стеснения он рассматривал мои ноги, а потом спросил:

«А сидеть тебе удобно?»

«Не очень, – ответила я. – Ноги не согнёшь». «Ха! – воскликнул он. – Я – Малыш Комптон» У меня создалось ощущение, будто он связывал факт неудобства сидячего положения со своим именем. «Элла», – представилась я.

«Очень приятно видеть тебя в нашем коллективе!»

Я не знала, что такое «коллектив», и уже собиралась спросить у него, когда появился стражник и показал жестом: «проходи».

Походный кабинет мистера Харриса был обставлен очень красиво. Всё те же красные и белые цвета парусиновых стен, дорогая резная мебель, красный диван.

Честно говоря, я уже не очень хорошо помню это помещение. Только помню, что оно мне очень понравилось. И пахло там лавандой.

Харрис мне показался стариком. На самом деле ему было около сорока, он был тучен и немного комичен.

«Девочка-верблюд!» – воскликнул он, увидев меня.

Верблюда я видела только на картинках и не находила в этом животном никакого сходства с собой.

«Милая моя, ты просто золото!» – воскликнул он, осматривая меня со всех сторон.

Я чувствовала, что он относится ко мне как к вещи, но не могла выразить это словами.

«Как тебя зовут, хорошая моя?» – спросил Харрис. «Элла», – ответила я.

«Прекрасно, Элла! Синклер мне сказал, что ты сирота, это так?»

Я кивнула.

«И хочешь работать у меня?»

В этом я уверена не была, но снова дала утвердительный ответ.

«Умничка!» – воскликнул Харрис.

Как оказалось впоследствии, он почти со всеми разговаривал на повышенных тонах – или восторженных, или озлобленных. Харрис совершенно не умел сдерживать своих эмоций. О каждом его свидании с Миледи Бэрд, бородатой женщиной, знал весь цирк, потому что подобные встречи сопровождались громогласными воплями восторга хозяина цирка.

«Сколько ты хочешь в неделю?» – спросил Харрис.

Вы можете мне не верить, но он был честен со своими работниками. Он знал, что если заставит меня работать бесплатно (теоретически ничто ему не мешало, да и я была не против, потому что смутно представляла себе, что такое деньги), то за меня вступится весь коллектив.

«Не знаю», – протянула я.

Харрис посмотрел на стражника Синклера.

«50 долларов, думаю, пока достаточно», – сказал он, и стражник кивнул.

* * *

Я совершенно не понимала, что такое 50 долларов и что можно на них купить. Гораздо позже я вспомнила, что мой отец получал 30 долларов в неделю за свою работу на фабрике и при этом содержал огромную семью. Но в то время слова «тридцать» и «пятьдесят» были для меня лишь сочетаниями звуков. Я умела считать только до десяти.

Так я попала в передвижной цирк Харриса. Меня хватились лишь через два дня, когда весёлый красно-белый поезд уже покидал Хендерсонвиль, оставляя за собой белые облака пара.

Я не думаю, что есть смысл описывать мои цирковые будни. Это непростая работа. У нас почти не было рабочих сцены, да и полноценных людей – раз, два и обчёлся. Помимо Синклера и Харриса двое – старик Гомес и Марчелло Кьянти, итальянец. На родине его за что-то разыскивали, и он бежал в США. Кьянти было около 50 лет; в основном, он занимался

монтажом декораций и куполов. Гомес работал поваром. До Харриса он вкалывал долгое время в какой-то забегаловке в Чикаго, откуда его выкинули из-за преклонного возраста. Нам был не важен возраст: главное, что Гомес мог приготовить неплохой обед даже при полном отсутствии продуктов.

Впрочем, цирк не бедствовал. Заработные платы фриков и рабочих позволяли им откладывать приличные деньги на старость. Правда, некоторые были привязаны к цирку навсегда. Например, безрукий фотограф Трипп. Ему на момент моего появления в цирке было 27 лет. Долгое время – с 1872 по 1881 год – он работал у Барнума, но повздорил с последним насчёт заработной платы и перешёл к Харрису. С помощью ног он умел одеваться, писать, рисовать и главное – фотографировать. Во время представлений и после них он бродил по территории цирка, предлагая зрителям сфотографироваться с уродами. Доход получался двойной – платили за фотографию и за возможность увидеть, как человек справляется с камерой при помощи одной только ноги.

Мальчика с изувеченными пальцами и искривлёнными ногами звали Фрэд Уилсон, ему было 16 лет. Он передвигался с трудом и демонстрировал публике в первую очередь не своё искусство выживания, а своё уродство. «Мальчик-лобстер!» – кричал Харрис, и Фрэд ковылял на сцену в обтягивающем комбинезоне, демонстрируя свои дистрофичные ляжки и страшные деформированные руки.

Некоторое время у Харриса работала знаменитая женщина-червь, Ида Кэмпбелл. Она родилась без рук и ног, и при этом научилась сама одеваться, зажигать сигареты, и в целом вела себя, как светская дама. Впоследствии её переманил к себе всё тот же Барнум. Он демонстрировал Иду в паре с человеком-червём Принцом Рэндианом, привезенным из Британской Гайаны в 1889 году.

Впрочем, я не буду утруждать вас дальнейшим перечислением работников цирка Харриса. Поверьте – все они были несчастны. Все свои деньги, всю свою славу и успех они бы с лёгкостью променяли на один-единственный час нормального существования. Например, Трипп имел успех у женщин, но говорил, что променяет всех женщин мира на ту, которую сможет обнять собственными руками.

Мой номер Харрис продумал до мелочей. Я выходила на сцену в восточной одежде, а рядом со мной на поводу вели настоящего верблюда (до моего появления его использовали лишь в одном номере, и то эпизодически). Я повторяла все движения верблюда и его походку – благо, это было нетрудно.

Номер быстро приобрёл популярность. Мои фотографии появлялись в газетах в каждом городе, где останавливался Харрис. Бородатых женщин и людей-скелетов было множество, а аналогов моему уродству не было. Газеты представляли меня как «самое удивительное порождение природы с начала времён» и справедливо утверждали, что «других таких просто не существует».

Моим лучшим другом был лилипут Малыш Комптон. Он рассказывал мне сказки и истории собственного сочинения, понемногу учил меня читать и писать. Больше всего он страдал от отсутствия подходящей пары: лилипутша Фрог, работавшая с ним в номере, казалась ему чудовищно некрасивой. Мне были удивительны рассуждения урода о том, что другой урод может быть красивым или некрасивым. Но иногда я смотрела на свои ноги и начинала понимать Комптона.

Когда мне исполнилось 12 лет, я поняла, что всё чаще заглядываюсь на мальчишек-зрителей. Я выходила на сцену и с любопытством рассматривала их лица и статные фигуры – в той мере, в какой меня не слепило освещение.

Харрис продавал открытки с портретами своих уродов, в том числе и с моим. Трипп сделал очень красивую фотографию, на которой я стою, как нормальный человек. Я похожа на настоящую женщину: уже формируется грудь, на мне изящная блузка, волосы собраны в

элегантную причёску. Когда Трипп снимал, я опиралась руками о накрытую пледом спинку стула. Зрители не задумывались, каких усилий мне это стоило. На другой карточке я стою в своей «классической» позе, на четвереньках, мои выющиеся чёрные волосы распущены, а взгляд – немного злой, исподлобья. Эта карточка расходилась гораздо лучше. Говорят, её часто покупали мужчины среднего возраста.

Что ж, хватит обо мне. Теперь я расскажу вам о Великом Бассини и о том, чем закончилось его появление во фрикшоу Харриса.

* * *

Бассини появился в самом начале 1886 года, когда цирк стоял в Ричмонде, штат Виргиния. Рано утром мы со стариком Гомесом носили воду для кухни. Гомесу было трудновато тащить два полных ведра, поэтому я везла их на спине, а он просто придерживал, чтобы вода не выплёскивалась. Такой способ доставки воды придумала я. Правда, условием было недалёкое расположение колодца. Чаще всего Харрис ставил цирк так, чтобы как минимум два колодца или колонки оказывались у самого забора.

Только я вышла из кухонного шатра, как меня окликнул незнакомец.

«Девочка, где тут шатёр Харриса?» – спросил он.

Я подумала: как он миновал Синклера? Впрочем, это было не моим делом, и я махнула рукой в верном направлении.

«Спасибо!» – он даже чуть поклонился мне. Я была польщена, не скрою.

Я хорошо запомнила то его появление. Он был черноволос, высок и величав, на вид ему можно было дать лет тридцать пять (на самом деле – сорок два), на нём был чёрный плащ с красной подкладкой, а в руке пришелец держал потёртый саквояж неопределенного цвета.

Он вошёл в шатёр Харриса, а уродцы уже подползали, чтобы ненароком подслушать разговор шефа с незнакомцем. Надо сказать, что многие панически боялись, что Харрис разорвёт с ними контракт или передаст права какому-либо проходимцу. Боялись даже легендарного Барнума: всё-таки Харрис был добр, привычен и довольно щедр. К слову, о щедрости: моя зарплата к этому времени выросла до 200\$ в неделю. Ввиду чрезвычайно малых трат у меня скопилась достаточная сумма даже для поступления в университет, не говоря уже о школе. Я подумывала об этом.

Бассини разговаривал с Харрисом порядка получаса. Реплик Бассини мы не слышали, но нам хватало харрисовской половины.

«Луну? – то и дело вскрикивал он. – Так нынче её и так нет! Ну и что? Ничего в этом! И как? Я должен. От меня нет секретов! Луна – невозможно! Да что вы! Я знаю, что такое затмение! Да всем плевать на это! 50 долларов! Нет, нет и нет! Сто долларов??? У меня нет тысячи! Вы что, с ума сошли? Какой Барнум?» – и так далее в том же духе.

Незнакомец вышел из шатра с довольным лицом. Он оглядел столпившихся уродцев, улыбнулся и произнёс:

«Бассини. Великий Бассини. Для вас – Жоржо».

А потом он сделал невероятную вещь. Он начал пожимать нам руки. Он поздоровался с Комптоном, пожал руку чернокожему дистрофику Додо, похлопал по плечу Триппа, вежливо поклонился Миледи Бэрд, пожал клешню Фреда Уилсона.

С нами никогда не обращались так. Нас всегда считали людьми второго сорта. Даже Синклер и итальянец Кьянти, хотя работали с нами бок о бок и всегда были дружелюбны и вежливы, смотрели на нас несколько свысока. Сначала мне показалось, что Бассини красивется. Лишь несколько месяцев спустя я поняла, что он в какой-то мере подобен нам и потому прекрасно понимает наши чувства и побуждения.

Оказалось, что Бассини предложил Харрису оригинальный номер. Жоржо (позвольте мне отныне называть его так) был бродячим иллюзионистом, подрабатывал время от времени в различных цирках, а затем придумал трюк, для осуществления которого нужен был цирк известный, широко рекламированный, популярный. Барнум отказал Бассини, и Жоржо отправился к Харрису.

Позже я спрашивала у Жоржо, почему он хотел ставить свой номер именно во фрикшоу, почему не предлагал свои услуги обычному цирку. «Потому что обычные цирки или жёстко привязаны к месту, или слишком мелки и бедны. Фрикшоу – это самые богатые из кочующих цирков», – отвечал он.

Почему-то теперь мне кажется, что им двигала вовсе не жажда наживы.

* * *

Бассини жил с нами, работал со всеми наравне и развлекал нас различными фокусами и трюками. Карточные фокусы мало кого интересовали (их умел показывать даже Трипп – при помощи ног), а вот голуби, вылетающие из рукава, казались нам прекрасными, как и многочисленные разноцветные ленты, которые Жоржо извлекал то из носа Додо, то из глубин бороды Миледи Бэрд.

Кстати, в начале повествования я упоминала, что Миледи Бэрд показалась мне очень красивой, несмотря на бороду. За несколько лет работы в цирке я убедилась в своей правоте. Однажды она полностью сбрила бороду: под слоем шерсти скрывалось безумной, сумасшедшей красоты испанское лицо, тонкое, изящное, с полными чувственными губами и точёной

лебединой шеей. Она не выступала в течение полугода, пока борода снова отрастала. Когда я спросила, зачем она это сделала, Миледи Бэрд ответила: «Уильям, это Уильям попросил.» Уильямом она называла мистера Харриса.

Вернусь к Бассини.

Номер, который Бассини предложил Харрису, заключался в полном исчезновении Луны. Как утверждал Жоржо, это ни в коей мере не было связано с каким-либо затмением или другим оптическим эффектом. Бассини обещал заставить Луну исчезнуть навсегда – пока не разрешит ей вернуться. Сделать он это планировал при максимально большом стечении народа, а рекламу разместить по всему городу – и, возможно, в соседних городах. Место было выбрано заранее – Атланта, штат Джорджия. Объяснить этот выбор экономической выгодой было невозможно. Скорее всего, географическое положение являлось одной из составляющих фокуса Бассини.

Номер был назначен на конец года, на сентябрь. А до этого времени Бассини принимал участие в представлениях, демонстрируя различные фокусы и трюки. Он разбавлял своей весёлостью и естественностью мрачную атмосферу, создаваемую уродами. Как бы искусен и красив ни был, например, Трипп, он вызывал у публики, помимо восторга, некоторую степень отвращения или сочувствия. Бассини же вызывал чистый восторг. Но на одного Бассини публика бы не пошла. А на сочетание чудовищного с прекрасным – с удовольствием.

В начале марта мне исполнились тринадцать лет. Я скрывала дату своего рождения. Большая часть циркачей полагала, что мне уже пятнадцать: я была уже не девочкой, но девушкой.

Вскоре после дня рождения я пошла на кухню, чтобы стащить у Гомеса что-нибудь вкусное и скушать в одиночку, в своей комнатке. Не рассчитав, я задела филенной частью подпорку шатра, и мягкая крыша стала медленно оседать. Ничего страшного не произошло: массивные стационарные опоры держались жёстко, но край тента опускался точно в открытую кастрюлю с чем-то дымящимся. Дело грозило руганью со стороны Гомеса и выговором от Харриса (в принципе, таскать с кухни еду запрещалось), но тут чья-то рука перехватила тент, а другая подставила под него сбитую мной опору. Это был Бассини. Он улыбнулся мне и заговорщицки произнёс:

«Я тоже иногда что-нибудь норовлю стащить».

С этими словами он подошёл к одному из кухонных столов Гомеса, открыл некий ящик и достал оттуда две шоколадных конфеты – мне и себе.

«Ты знаешь, где братъ», – улыбнулась я.

«На то я и маг!» – сказал Бассини тихо, но с гордостью, и исчез.

Я вышла следом и по дороге встретила спешащего на кухню Го-меса. Он посмотрел на меня подозрительно, но ничего не сказал.

Время текло, и по мере всё большего сближения Бассини с коллективом (да, я уже выучила это слово) мне он начинал нравиться не только как прекрасный фокусник и замечательный друг. Мальчики на первых рядах по-прежнему меня занимали, но Жоржо постепенно затмил их, далёких и незнакомых, своей лучезарной улыбкой и ловкостью рук.

Почти каждый уродец так или иначе пытался выведать у Бассини, как он собирается заставить Луну пропасть. Харрис лично проверял астрономические календари: никаких затмений и в самом деле не обещалось. Об этом он рассказал Синклеру, а Синклер разнёс весть по лагерю.

Малыш Комптон вёл с Бассини задушевные беседы, иногда ненавязчиво переводя разговор на астрономию. Трипп болтал с фокусником о фотографии, особенно его интересовала ночная съёмка и возможность снять трюк Жоржо. Миледи Бэрд советовалась со мной, не побриться ли ей снова, чтобы произвести на иллюзиониста положительное впечатление.

Меня не очень интересовал фокус с Луной, потому что я была влюблена в живого человека, а не в фокусника. Он был старше меня на 30 лет, он не был уродом, у него не было на руках мозолей от деревянных «утюжков», он был всеми любим, и его ждал успех. А я была монстром. Девочкой-верблюдом.

Так продолжалось до начала мая. В мае мы гастролировали в Джексонвилле, прибыль обещала быть немаленькой, мы давали представление за представлением в течение недели, а народу всё не убавлялось.

Одним из коронных трюков Бассини было испускание огня из ладоней. Он складывал руки, поднимал их, и под купол неслась струя пламени. Харрис всё время боялся, что фокусник подожжёт шатёр, но этого не происходило.

Я уже отыграла свой номер, мне бурно аплодировали, смеялись надо мной, показывали пальцем. Именно так и должна выглядеть реакция публики на фрикшоу. Я сидела на траве за балаганом и смотрела в небо. Я совершенно не разбиралась в созвездиях и могла опознать разве что Большую Медведицу – прямо надо мной, в самом центре небесной сферы.

Бассини проскочил мимо меня, как ошпаренный. Я не окликнула его, а бросилась за ним. Сложно объяснить, почему я это сделала. Скорее всего, из интереса. Он – такой спокойный и уверенный – неожиданно бежит куда-то сломя голову, значит, что-то произошло.

Бежал он к бочке с холодной водой. Он засунул туда руки и едва слышно захныкал, как маленький ребёнок. Я поняла, что он обжёгся во время трюка.

На арене нельзя показывать слабость. Наш человек-скелет, Маркус, однажды сломал во время выступления руку. Он даже не поморщился, завершил свой выход, и лишь за кулисами лишился чувств от боли. Правда, у скелетов обычно крайне хрупкие кости – об этом мне рассказывал Маркус. Он в своей жизни не ломал разве что шею.

Бассини вытерпел боль на арене, но за её пределами сорвался.

«Жоржо», – тихонько окликнула я.

Он обернулся. Слёзы стояли в его глазах – это было заметно даже при лунном свете.

«Не надо, Элла, не мешай».

«Давай, Жоржо. У меня есть мазь специальная, поможет.»

У меня и в самом деле была мазь. Медициной у нас заведовала Миледи Бэрд, но я часто крутилась вокруг неё и училась разным премудростям.

Я протянула Жоржо руку, и он дал мне свою. Чудовищные ожоги превратили её в кусок мяса. Никакая мазь такому бы не помогла. Он снова спрятал руку.

«Элла. Я же маг», – он слабо улыбнулся.

«Ты – фокусник!» – сказала я твёрдо. – «Пойдём лечиться».

«Нет, Элла», – он растопырил ладонь и снова показал мне.

Вы знаете, я никогда не верила в чудеса. Я твёрдо знала, что человек, зажигающий спичку при помощи ног, – это не чудо, а плод многолетних тренировок, следствие несокрушимой силы духа. Я знала, что уродство – это последствие болезни или травмы, а не ведьмовского проклятья. Я знала, что прекрасные принцы на дорогах не валяются, а по волосам принцессы нельзя забраться на башню, потому что скалы просто оторвутся.

Ладонь Жоржо была совершенно здоровая. Но меньше минуты назад я видела его боль – настоящую, несыгранную – и чудовищный ожог.

«Это не фокус, Жоржо», – твёрдо сказала я.

«Я маг, Элла. Маленький, но всё же маг».

И это было правдой.

* * *

Мы лежали рядом на траве и смотрели в небо.

«Большую Медведицу ты знаешь, – говорил Бассини. – А вон там, левее, Волопас. Самая яркая звезда – Арктур. А яркая звёздочка прямо над Луной – это планета Марс».

«А это что?» – спрашивала я и показывала пальцем.

Он приближал свою голову к моей, чтобы понять, куда я указываю, и отвечал:

«Это Волосы Вероники. Тусклое созвездие, всего три звёздочки, и те едва видны».

«Какое красивое название».

«Вероника была женой египетского царя Птолемея, – рассказывал мне Бассини. – Свои волосы она принесла в жертву богине Афродите, чтобы её муж одержал победу над врагом. И дар был принят».

«Я бы тоже пожертвовала свои волосы...» – произнесла я.

«У тебя очень красивые волосы, мне было бы их жалко».

В тот момент я всё поняла. Я поняла, что если сейчас поцелую его, он не отстранится. Тридцать лет – это не разница, мне так казалось. Впрочем, мне и сейчас так кажется.

«Жоржо, я люблю тебя», – сказала я тихо. Он услышал.

«Мне сорок два», – сказал он.

«Ты маг».

Он некоторое время молчал, а затем заговорил.

«Давным-давно я тоже был ребёнком. Обычным ребёнком, ничего особенного. Я не помышлял стать фокусником и не думал, как сложится моя жизнь. Но на десятилетие мне подарили настоящую ракету. Фейерверк, представляешь себе? Мой личный маленький салют. Отец строго-настрого запретил запускать ракету без него. Но он никак не мог найти для меня время. Никак не мог собраться, чтобы запустить фейерверк вместе. Тогда я украл огниво и убежал на пустырь. Собрал друзей, сказал: будем фейерверк запускать. Все обрадовались. Я установил ракету, поджёг фитиль – и всё. Ракета взорвалась прямо у меня в руках. Сразу, через секунду, наверное. Очнулся я уже дома. Думал, что остался без рук и лица, но всё было в порядке. Получил, конечно, нагоняй от отца и от матери. А потом мальчишки мне рассказали, как это выглядело со стороны. Ракета и в самом деле взорвалась в моих руках, и когда я упал на землю, рук у меня не было, только две кровоточащие обугленные культи. Лицо было покрыто пеплом, глаза выжжены, кожа содрана. Они испугались и разбежались. Кто-то позвал мою мать (отца не было дома). Мать нашла меня без сознания – но совершенно здорового, без единой царапинки. В тот день я избрал свою дорогу».

«Ты бессмертен?»

«Нет, я же старею. Меня можно убить. Но меня нельзя покалечить. Я могу себя излечить».

Я чувствовала, что он хочет сказать что-то ещё, но молчала, давая ему шанс.

«...и я могу исправить тебя», – сказал он.

«И других?»

«Нет, не других. Тебя. Потому что я люблю тебя».

Естественным порывом было бы сейчас навалиться на него и целовать, целовать его до исступления, моего Жоржо, человека, который сумел полюбить меня, с моими странными и страшными ногами, девочку тринадцати лет. Но я лежала и смотрела в небо, потому что не могла двигаться. У меня перехватило дыхание.

«Под Волосами Вероники – созвездие Девы», – сказал Бассини и легко поцеловал меня в губы. Я улыбнулась и ответила ему.

* * *

Сентябрь 1886 года выдался довольно тёплым. Цирк приехал в Атланту за неделю до выступления. Трюк Бассини был анонсирован ещё в июле, и мальчишки-расклейщики не знали покоя более чем в 50 городах Соединённых Штатов.

Бассини не открыл сути своего трюка даже мне. Но он сказал мне гораздо более важную вещь: после фокуса мы с ним уедем, и он меня исцелит. Честно говоря, тогда я не представляла, что смогу когда-либо передвигаться на собственных ногах.

Однажды он доказал возможность моего исцеления, когда я проткнула ступню валявшимся на земле гвоздём. Бассини взял мою ногу, прикрыл глаза – и через минуту отверстия не было. Я поверила ему. Но у меня ещё оставались сомнения. Однажды я спросила его серьёзно:

«Жоржо, скажи честно: ты сможешь это сделать? Ты действительно заставишь Луну исчезнуть?»

Он посмотрел на меня и ответил:

«Когда я пришёл к Харрису, я хотел обмануть его. Теперь понимаю, что не обману».

За эти четыре месяца Жоржо не отходил от меня ни на шаг. Он помогал мне во всём, он снял с меня львиную долю работы по хозяйству, приносил цветы и шоколад, рассказывал истории о своей жизни (в основном, выдуманные) и изобретал специально для меня новые фокусы. Харрис некоторое время возмущался нашими отношениями, но потом махнул рукой. «Девушка созрела!» – воскликнул он то ли сердито, то ли одобрительно, и больше мы от него не слышали ни слова.

Миледи Бэрд подмигивала мне со словами «Ух, какого кавалера-то отхватила верблюжонка-то наша». Комптон откровенно ревновал. Прекрасно понимая, что шансов у него нет (в первую очередь ввиду мужской несостоятельности), он, тем не менее, иногда демонстрировал мне различные знаки внимания. Я знала, что он в меня влюблён чуть ли не с первой нашей встречи, но с собой поделать ничего не могла. Многие уроды подшучивали, мол, когда свадьбу играть-то будем. Бассини отнекивался и усмехался.

Я не раз задавала ему вопрос, почему он не может исцелить всех.

«Они – мои друзья, но не более. Я могу исцелять только себя. А ты – часть моего сердца, ты для меня значишь даже больше, чем я значу для себя сам...»

Знаковый день приближался неумолимо. Представление в ночь с 18 на 19 сентября обещало быть грандиозным. Толпа собралась просто безумная. Было объявлено, что со специально отгороженной территории можно будет увидеть постепенное угасание Луны, связанное с пассами иллюзиониста, а с остальных зрительских мест зрелище будет несколько более скромным: Луна просто исчезнет в одну секунду. Конечно, внутри забора места были платными. Сборы превысили все ожидания, и Харрис жалел, что завысил цену лишь вдвое, а не втрое.

Дело было за Бассини.

Посреди ограждённого пространства стояло нечто вроде деревянного постамента, на который можно было взобраться по лестнице.

За день до представления Бассини поручил мне собрать все свои вещи и в любой момент быть готовой к отъезду. Он просил не прощаться ни с кем из группы лично и не разглашать нашей тайны. «Оставь им записку, напиши проникновенное письмо, оставь им какие-либо подарки, но ничего не говори. Они узнают о нашем исчезновении только после него», – говорил он.

Представление стартовало в полночь, и, конечно, была выбрана ночь полнолуния. Огромная круглая луна ярко освещала окрестности: её исчезновение заметили бы сразу.

Больше всего я боялась того, что Бассини – обманщик. Мне не хотелось в это верить. Мне хотелось, чтобы трюк и в самом деле удался, – если это был трюк. Но где-то в глубине души я допускала вероятность того, что Бассини просто хотел сбежать со мной, а весь этот балаган устроил для привлечения внимания. Впрочем, тогда было непонятно, почему он предложил его Харрису в самом начале, до знакомства со мной. В общем, я терялась в догадках и надеждах.

Бассини медленно поднимался на деревянный постамент. Его освещал луч прожектора, сконструированного умелыми ручками Комптона. Толпа что-то кричала. Смотрели, в основном, не на фокусника, а на Луну.

Бассини начал производить какие-то пассы руками. Я во все глаза смотрела наверх и очень, очень волновалась.

И тут Луна начала меркнуть.

По толпе пронёсся гул. Толпа всегда так реагирует: она приходит в цирк, чтобы увидеть что-либо необыкновенное, но когда видит, никак не может поверить.

И тут я поняла те слова, про «обману – не обману». Когда Бассини пришёл, он не мог сделать с Луной ничего. Он даже исцелять мог только себя. А теперь он верит, что ради меня сможет стать сильнее. Что сможет исцелить меня. Что сможет совершить чудо с Луной. Ради меня. Или ради нас.

Луна меркла неровно, какими-то рывками. Эти рывки точно совпадали по длительности с пассами фокусника. Наконец, он поднял руки вверх. Луны уже не было – единственный свет исходил от прожектора.

А потом прожектор погас.

Я тут же зажгла фонарь и хотела побежать к условленному месту – но не смогла. Что-то произошло с моими ногами. Я смотрела на них и видела нормальные девичьи коленки. Я стала обычной девушкой, я перестала быть фриком. С трудом, на коленях, я поползла к палатке Бассини: новые ноги не держали меня. Мне было довольно неудобно ползти на четвереньках и одновременно нести фонарь, но я более или менее приспособилась к такому передвижению за годы тренировок.

Бассини появился через полминуты. Фонаря у него не было, но он ориентировался в темноте, как кошка. Он вытащил из палатки заранее подготовленную сумку с моими вещами и свой саквояж, мы пробрались через дыру в заборе и пропали во всеобщей суматохе.

* * *

Он исцелил их всех. Всех фриков из цирка Харриса. Думаю, недоволен остался только Харрис – но он нашёл себе новых уродцев и продолжил свой бизнес.

Сумасшедшие сборы за трюк с исчезновением Луны стали прощальным подарком от Бассини.

Трипп стал довольно известным фотографом. Несмотря на наличие рук, он по-прежнему демонстрирует своё искусство обращаться с камерой ногами. Миледи Бэрд вышла за Харриса замуж. О Комптоне я больше ничего никогда не слышала: наверное, он пропал, как и я.

Спустя две недели после побега мы обосновались, наконец, на новом месте. И тогда – только тогда, а не раньше, как вы могли подумать – между нами впервые произошло то, о чём нельзя говорить вслух. Вы можете сказать, что я была тогда очень молода. Да, это так. Но это не помешало мне забеременеть и родить ему сына, здорового хорошего мальчика, который улыбался его улыбкой и смотрел на меня его глазами.

Жоржо умер в возрасте 61 года от рака желудка. Он не смог исцелить себя. Собственно, он больше никогда не исцелял ни себя, ни меня. Слишком сильное напряжение сил вызывала у него необходимость «исправить» меня, моих друзей и заодно заставить исчезнуть Луну.

Он рассказал мне, как он это сделал. Массовый гипноз, не более чем. Воздействие на других ради меня. Просто ушло очень много энергии, очень много.

«Зачем?» – спрашивала я.

«Я избавился от своей силы. Я не хочу быть уродом – пусть даже таким прекрасным, каким ты меня видишь. Я хочу жить обычной жизнью и не надеяться на чудеса».

Вы скажете, что это эгоизм – растратить впустую столько сил и энергии. Нет, скажу я вам. Это любовь.

Я немного интересовалась судьбой цирка, который принёс мне счастье. В 1904 году Уильям Харрис умер, его предприятие исчезло вместе с ним. Многие фрики (правда, уже незнакомые мне) перешли в другие фрикшоу. Некоторые появлялись на киноэкранах ещё в 1932 году, в нашумевшем фильме «Уродцы». Правда, в мелких ролях – все они уже были стариками, пришло время новых звёзд. Больше ничего про фрикшоу я сказать не могу: я отбросила своё прошлое и начала новую жизнь.

Нашего с Жоржо сына зовут Мартин. У него уже есть свои дети. Он ничего не знает о том, кем раньше была его мать.

Только однажды я поняла, что не всё ещё закончено, что не всё похоронено вместе с Жоржо. В тот день Мартин был у меня и готовил обед. Он резал хлеб и случайно прошёлся лезвием по пальцу. Пошла кровь. Я хотела перевязать его руку, но он отказался. «Просто царапина, ма», – сказал он.

И показал мне руку, на которой никакой царапины не было.

Дарья Беломоина

Цветы под водой

Рассказ

Ночью, когда мы поднялись на холм, город казался совсем тихим, заброшенным и неприветливым. Только фонари горят, а окна темны и пусты. С утра шел дождь, мы обе промокли не то что до нитки – до сердцевины каждой косточки, продрогли и устали.

Вешка весь день молчала, а тут сказала: «Мне здесь не нравится». Мне тоже не нравилось: что же это за город, где ни одного светлого окна,nochлега попросить негде. Сама не знаю, как я еще тогда не поняла, в чем дело.

В конце концов мы отыскали сухой чердак, там было полным-полно старой мебели, одежды и книг. Пока я разводила костер, Вешка куталась в чай-то выцветший плед и боязливо озиралась. У огня жалась ко мне, и меня окатывало жалостью и нежностью к ней. Обычно ведь – независимый ребенок, сидит напротив, вся такая большая и самостоятельная.

Книги горели плохо, а вот на станинных дивной резьбы стульях мы сварили суп. Всю ночь бормотал дождь, пели водостоки.

А наутро меня разбудила Веха. Очень бледная, волосы текут темными ручьями, с подбородка капает вода, одежду – хоть выжмай.

– Где ты была? – изумилась я.

– Пойдем, – сказала она тихо. – Сама сейчас увидишь. Я не знаю, что это.

Она подвела меня к лестнице. Пролетом ниже плескалась вода. Подобострастно лижет ступени, глубокая, голодная.

Я метнулась наверх, к чердачному окну. В первый миг мне показалось, что весь город – до краев – заполнен битым стеклом, и оно нестерпимо горит на солнце. Всюду – вода, сверкающая, ленивая, как огромный зверь, разлегшийся на улицах.

Я села, прислонившись спиной к стене, и строго посмотрела на Вешку.

– Почему мокрая?

– Я смотрела вокруг. Мам, там вообще никого нет. Все куда-то ушли. Даже кошек нет.

Даже птиц.

Глаза у нее черны, как земля. Я почувствовала, что у меня немеют губы. Знаю я, почему из некоторых городов уходят сначала кошки и крысы, а потом люди. А мы вот пришли, две дурочки – большая и маленькая.

– Мама, ты что-нибудь понимаешь?

– Завяжи еду и котелок. Остальное оставь. Попытаемся уйти, может, еще не поздно.

– Что не поздно?.. Не отвечаю.

Снаружи слепит солнце, просвечивает воду насквозь.

Но нет, не отпустил нас город. Куда мы ни плыли – всё возвращались к своему чердаку. Через полтора часа совсем выбились из сил, да и вода была очень холодная.

Я снова развела костер. Вешка тихо наблюдала. Ей одиннадцать, моей Вешке, у нее темные осторожные глаза, она плавает, как рыбка, она похожа на отца. Такая же молчаливая и упрямая.

Мне почему-то захотелось плакать. Хотя, может, это от дыма.

– Есть такие люди, – пробормотала я. – Но тебе, наверное, рассказала бабушка. Нет?

Молчит, смотрит непонимающе.

– А я виновата, что не догадалась вчера, – говорю я. – Но ты не бойся, все будет хорошо.

Есть такие люди, Вешка... их называют Мечтателями. Сами они обычно не знают, кто они.

Они мечтают... о каком-нибудь ужасно красивом месте, например. И так мечтают, что мир меняется. Где-то далеко все становится так, как в их мечте.

– Правда?

– Правда.

– А я так могу? – с любопытством спросила она. Я грустно улыбнулась.

– Вряд ли... хотя кто знает. Их очень мало, Вешка. И, видишь ли, они не выбирают места, которые можно менять. Вот кто-то сейчас мечтает о городе, полном воды, или чем-то таком-таком-таком, а мы тут и не знаем, что с нами произойдет. Это я, конечно, виновата. – Я закусила губу. – Звери всегда чувствуют перемены заранее и уходят, люди за ними, а мы были в Городе в ночь, когда он начал меняться. Мы теперь часть города, он нас не отпускает, ты же сама видела. Так что мы теперь, наверное, тоже изменимся с ним. Не бойся, ничего страшного. Может быть, мы просто станем еще красивее, они же о красивом мечтают. Накала ложку, помешивай суп, пока греется.

Молчит, думает. Я подошла к окну, открыла – в лицо дохнуло свежестью, прохладным запахом воды.

Как-то я не так объяснила. Я хотела сказать ей, что люди часто ненавидят Мечтателей, слишком велика, неуправляема и опасна их сила. Что мы каждый день жили и живем на пороховой бочке. Что есть такие края, где каждый держит в своем доме лодку и длинную-длинную веревочную лестницу, потому что никто не знает, не проснется ли он утром на вершине скалы или в хижине посреди озера. Но у нее стали такие глаза, когда она услышала про Мечтателей, что я промолчала. Я вдруг вспомнила, что их мечты не только опасны для тех, кто попадется под руку, но и прекрасны так, что люди забывают дышать от восхищения, – мне рассказывали.

Лишил бы все обошлось. Изменения происходят за сутки, значит, времени нам до расцвета, скорее всего.

Лишил бы все обошлось.

Вечером снова зарядил дождь.

Мы сидели около костра, один толстый плед на двоих, и листали книги. Сначала рассматривали картинки, чихая от пыли, потом Вешка читала мне вслух какую-то историю. Я то давно уже позабыла эти буквы, а она у меня умница, ее одну из всего поселка дед учил читать. Она одна и выжила из детей.

– Мам, а точно все обойдется? – вдруг спросила Веха, глядя над книгой в костер.

– Конечно, – отзвалась я беззаботно.

А у самой на душе кошки скребут, этот дождь косыми струйками по оконному стеклу, плеск воды под полом, невыносимо пахнет водой, водой, водой.

Вешка успокоенно уткнулась носом мне в плечо. Так и уснула. Измоталась за те полтора часа, когда мы пытались уйти из города вплавь. Я вынула из ее рук книгу и швырнула в потухающий костер: история была о несчастной любви и мне не нравилась.

Ночью мы проснулись от плеска. Вода перелилась за порог и окружила нас, любопытная, как зверек, темнее Вешкиных волос.

– Мам... – пробормотала Вешка изменившимся голосом. Я поймала ее за запястье в темноте.

– Пойдем наверх. Выше была только крыша.

– Ты же говорила, что все будет хорошо, – сказала дочка на лестнице.

– Родная, ну когда я тебя обманывала?..

– Я боюсь. Она как живая.

– Вода всегда как живая. Не надо бояться.

Я сама очень боялась, я так не испугалась даже тогда, когда узнала, что сосед умер от черной оспы. Но Вешке незачем это знать.

– Никогда больше не буду мечтать. Я не думала, что это может быть страшно.

– Не надо, Вешка. Это делает мир красивее.

– Ему там тепло и не страшно, и дождя нет, – угрюмо отозвалась она. Подошла к краю крыши. – Вода светится… – сказала растерянно, глянув вниз.

Глубоко, на дне улицы, горели фонари.

– Может быть, он в пустыне мечтает о дожде и глотке чистой воды, – возразила я. – И он никогда не увидит того, что создал.

Может быть, виновата темнота и необычное освещение изнутри, но мне почудились тонкие гибкие узоры в глубине. Как ленты или длинные стебли, которые выются в речном течении. А дома напротив стоят, как великаны – безъязыкие, с погасшими глазами, может быть, наблюдают из-под сомкнутых век.

– Интересно, о чём же он мечтает, – тихо произнесла дочка, помолчав. Кажется, она перестала так сердиться на него.

До рассвета остался час, подумала я. Может, полтора, не больше. На крыше пахнет мокрым небом, ветра нет. Я закрыла глаза.

Не для того мы уцелели одни из всего поселка, чтобы – вот здесь, вот так, в горле города, задохнувшись в воде. Я так хочу жить. Никто на целом свете не хочет жить так, как я и моя Вешка. Мы потеряли и оплакали всех, но мы выжили, мы оказались живучи и изворотливы, как помоечные собаки, не для того чтобы умереть здесь, в глубокой воде, светящейся изнутри, молча, задохнувшись. Я так хочу жить. Ветра нет, капли дождя холодны и нежны, как яблоневые лепестки. Я слышу, как она взбирается, взбирается по лестнице, ее плеск все ближе.

К рассвету вода добралась почти доверху. Вешка спала на спасенном одеяле, положив голову мне на колени; проснулась, когда прекратился дождь.

– Как красиво… – сказала она, посмотрев на небо. Губы у нее синие от холода. Села на краю крыши, свесив ноги. – Вода почти теплая.

– Это ты замерзла, – говорю я.

– Мама, она светится изнутри. Так красиво.

Молчу. Светает. С востока шагают облака – мягкие облака с плоскими розовыми ступнями. Пахнет водой, водой, водой.

– Интересно, о чём он мечтает, – говорит Веха. – Может быть, он вычитал это в какой-то волшебной сказке. Мама, посмотри, как красиво, подойди.

Не чувствую своих рук, как же я хочу жить, жить, жить, оставь нас. Я не хочу здесь…

– Неужели можно придумать такое самому. Мама, а ведь какой будет подарок здешним, когда вернутся. Такая чистая вода, я никогда такой не видела. Она уже у моих колен, а я все до дна вижу.

Первый солнечный луч похож на крик.

– Фонари превратились в цветы, выются по течению, как ленты в реке. Мама, как красиво он придумал. Подойди, посмотри.

Дыхание ветра пахнет холодной, зеленою водой. Небо наполняется золотом.

– Веха… – начинаю я. И молчу.

– А? Мам, ты простудилась, в нос говоришь. Я собралась с духом.

– Вешка, послушай. Я сказала, что мы изменимся. Но я не знаю, как. Я тебе только хочу сказать, чтобы ты не боялась. Это мы не умрем, мы просто изменимся.

– Как?

Хотела бы я верить сама в то, что сейчас скажу. Вода уже лижет нам ладони, как ручная ласка, она очень бледна и прохладна – она похожа сейчас на небо.

– Я еще не знаю. Но мы же часть Города теперь, верно? Мы можем стать солнечными бликами или теми цветами внизу. В этом нет ничего страшного. – Вешка молчит. – Ты не боишься?

Фыркает.

– Еще чего. И ты не бойся. Смотри, что стало с мостовой. А листья уже у крыши. Солнце топит Город в золоте.

2

Личности, Идеи, Мысли

Илья Кузьминов

Карманный справочник сельского туриста

Сельский туризм ежегодно привлекает сотни, а может быть, даже и тысячи людей. Они едут мародерствовать в заброшенных деревнях, от Карелии до Хабаровского края, путешествуют автостопом (и тракторостопом) по пустынным и заросшим, а также оживленным и пыльным сельским дорогам, устраивают откормочные лагеря на диких берегах рек и в конце отпуска возвращаются с огромными корзинами морошки, кадками соленых груздей и связками вяленой рыбы. Кое-кто совершает паломничества на места дурной славы, например, в деревню Болотниково Нижегородской области, где исчезло озеро, в Пензенскую глушь ради брошенных без присмотра складов химического оружия, на поиски двухголовых телят в селах по реке Теча Челябинской области, пострадавшие от ядерной катастрофы, в Тургоякскую глушь Красноярского края в надежде встретить легендарных свирепых медведей. Список можно продолжать до бесконечности.

Но помните! Сельский туризм – крайне опасное занятие. Ежегодно сотни, а может быть, даже и тысячи людей погибают и пропадают без вести, становясь жертвами гигантских жаб, бабок-колдуний, упырей и русалок, ядовитых грибов, диких зверей и беглых зэков. Понимая, какие опасности подстерегают на сельских просторах России, мы подготовили этот справочник, в память ушедшим и в назидание приходящим. Будьте бдительны, если:

– Ваш знакомый зазывает вас куда-то на Урал, в гости к его деду на пару неделек летом. На вопрос, где это, невинно называет поселок, вполне существующий на карте, а притащив вас туда, говорит, что вообще-то дед живет на хуторе в сорока километрах и идти туда надо пешком. **Рекомендация:** «потеряйтесь» в поселке, чтобы ваш друг не знал, где вы, и срочно берите такси до ближайшего города с вокзалом, но, главное, будьте начеку, чтобы черты таксиста не напоминали черты вашего друга.

– Родная бабушка перестала писать вам письма и звонить из своей деревни, а когда вы говорите об этом родственникам, они удивляются и спрашивают, о какой бабушке из деревни вы вообще говорите. **Рекомендация:** уничтожьте письма, если сможете их найти, забудьте о бабушке и никогда не вспоминайте.

– В пьяном разговоре у кого-то на дне рождения некий новый знакомый, случайно зашедший к хозяину после десяти лет разлуки, рассказывает вам про местечко вблизи одного неприметного городка, кишащее упырями. Говорит, что городок, возможно, уже захвачен ими, а потом, блекло улыбнувшись, сводит все к шутке и просит не обижаться на его рассказы. **Рекомендация:** не просто не ездите туда, но даже не разговаривайте ни с кем на эту тему, не ходите больше на день рождения к этому человеку, избегайте встреч с его странным другом, кладите под половик квартиры чеснок. Поезжайте в указанный городок только если все знакомые, побывавшие на том дне рождения, начинают странным образом пропадать без вести. А вдруг это был кодовый язык, и в том городке открыт портал в другое измерение, где много бесплатной дури и доступных женщин?

– В деревне, где вы отдыхаете летом, ходят байки, будто озеро в лесу неподалеку, зарастающее, воняющее болотом и обильное змеями, имеет двойное дно. Что находится под первым дном, никто не знает, и вообще, возможно, нет никакого второго дна, а озеро уже

заросло окончательно. **Рекомендация:** анонимно растрезвоньте об этом озере на форумах дайверов и начинайте мониторить хронику несчастных случаев района.

– Вы замечаете, что местный пастух каждый вечер идет к лесу, ведя на веревочке теленка, а утром как ни в чем не бывало пасет стадо на поле. **Рекомендация:** при свете дня подойдите к пастуху и скажите, что все знаете про его мерзкие делишки, назначьте выкуп (на почту до востребования) и уносите ноги из той деревни.

– Старый пасечник, у которого вы покупаете мед, просит вас, жалуясь на опухшие ноги, сгнать на велосипеде в дальнюю деревню, названия которой вы никогда раньше не слышали, к старику в таком-то доме и сказать: «Пасечник просил напомнить про ваш должок». **Рекомендация:** твердо откажитесь и удирайте, и ни в коем случае не надо разыгрывать пасечника, говоря ему: «Этот старик уже просил меня передать то же самое вам».

– Вы идете в лес по азимуту, разведывать новые грибные места, и в глубине чащи что-то начинает непреодолимо тянуть вас в сторону от намеченной линии. Вам хочется посмотреть, что там слева, да и лес справа кажется гуще и непролазнее. **Рекомендация:** доставайте компас и строго по компасу, не отрывая взгляда от стрелки, возвращайтесь домой, ни в коем случае не оглядываясь.

Не беспокойтесь, если:

– Вся деревня, особенно пьющие пиво подростки, на разные лады пересказывает байку о сгоревшем в сарае теленке, который стал обугленной воняющей тухлым мясом тварью со светящимися глазами, бродит вдоль лесных дорог ночью, подстерегает одиноких путников и пожирает их. **Рекомендация:** пригласите кого-нибудь прогуляться ночью через лес до другой деревни, начните по дороге запугивать историей о несчастном теленке, а потом подстаньте под предлогом малой нужды, спрячьтесь, мычите свирепо из кустов и светите во все стороны фонариком.

– Про живущего на хуторе в лесу старика или старуху рассказывают, что он черный маг или она – ведьма, откусывает головы младенцам вместо лузганья семечек, так что в те места лучше неходить, даже скрываясь от ядерной войны. Но при этом то один, то другой деревенский исчезает на несколько дней, а потом возвращается под покровом ночи как раз со стороны того леса. **Рекомендация:** возьмите денег и сходите к «ведьме»; вы можете обнаружить в ее избушке горшки с психоцибе и связки сущеных мухоморов. Ваше сознание расширится и вы перестанете бояться ведьм.

– Мрачные молодые люди в черных одеждах, с шипованными браслетами на запястьях и в ботинках с высокой шнурковкой, регулярно посещают на закате кладбище рядом с заброшенной церковью, а возвращаются до третьих петухов, и их неотступно преследует терпкий запах. **Рекомендация:** возьмите пацанов и сходите гопоните этих очумевших готов на траву, которую они там курят.

– На форуме язычников/спелеологов/дайверов/рыболовов в каждой второй ветке обсуждается проклятое место, где многочисленные очевидцы видели, как вампиры хлопают крыльями / нежить вылезает из земли / зубастые грибы кусают за пятки / черти меряются, у кого длиннее рога. **Рекомендация:** поезжайте туда; там в любой день найдете пару веселых компаний у костра, которые вам нальют за ваш рассказ про то, с какими ужасами вы столкнулись здесь в ночь на хэллоуин, когда вас здесь, разумеется, не было. С опаской относитесь только к историям на форумах рыболовов, что по берегу такой-то реки вблизи такого-то поселка на рыбаков нападает водяной и имеет их. Вполне вероятно, этот «водяной» там вполне реально существует и, более того, помещает на форум сообщения о себе, чтобы заманить очередную сексуальную жертву.

– Друг рассказывает вам про деревню, где, по всем признакам, поселились страшные сектанты. Он бы хотел вернуться и все расследовать, но иначе как вшестером и с бейсбольными битами, ехать боится. Все признаки сектантства налицо. Вывеска с указателем на

деревню выполнена художественно, со столбиком в форме гномика, держащего табличку. На поле вблизи деревни юноши и девушки в простых одеждах дружно ворошат сено. У деревни в овраге проложены ступени, ведущие к бревенчатой купальне с родником, в которой обнаруживается огарок свечи и десятки образков, вырезанных из газет и пришпиленных к стене булавками. Самая большая изба деревни имеет торчащую из крыши башенку с куполом, а на стене ее написано «Молельный дом». **Рекомендация:** успокойте друга. Может выясниться, что купальня сооружена Российской православной церковью на одном из многочисленных святых мест, образки пришпиливают бабушки-паломницы. Юноши и девушки – сироты, принятые семейной парой этой деревни. У пары собственный детский дом, что очень выгодно, потому что можно выбивать дотации из регионального бюджета, покупать на них телевизоры, холодильники и автомашины «Жигули», а детей заставлять работать, и они кое-как прокормятся сами. Наконец, может оказаться, что изба с надписью «молельный дом» принадлежит местному жулику, который, облачившись в поддельную ризу, побирался на «восстановление храма», а потом вместо храма построил себе избу с куполом, поскольку денег на храм все равно не хватало. Теперь он побирается дальше и на вопрос, не стыдно ли ему, отвечает, что господь велел еще и баньку построить. Приезжайте в шестером, без бит, представляйтесь оголтелыми сектантами либо чертями и поселяйтесь без спроса в доме «святого человека».

– Вы идете в лес по знакомым грибым местам, и в глубине чащи встречаете тропинку, вас начинает непреодолимо тянуть по ней из непролазного леса в одну деревушку, где можно по дешевке купить самогона, сальца и табаку-самосада и всегда найдется веселая компания. **Рекомендация:** к черту грибы, идите в деревню и отрывайтесь; домой возвращайтесь утром и говорите жене, что заблудились, потеряли корзину и вообще чудом выжили в схватке с медведем.

Только не выдумывайте историй про вурдалаков и леших, тогда жена сразу вас раскусит.

Виктор Ломака Встроенный ограничитель

*Не фантастическое, но научное рассуждение о невозможности
(и ненужности) дальних космических путешествий к братьям по...*

Человечество – очень агрессивный вид, даже по отношению к самому себе... До такой степени, что это можно назвать суперагressией! Наверное, поэтому его самая свирепая половина опасалась раньше (ох, все течет, все меняется.) смотреть в зеркало. Возможно, Господь Бог переборщил с гормонами, а может, так было надо... для более бурного развития доминирующего вида. Ну, там, по какому-нибудь Ему закону единства и борьбы противоположностей или что там еще... Очевидно, поэтому Он встроил в нас мощный ограничитель – инстинкт самосохранения, основанный на элементарном страхе. Этот инстинкт, в свою очередь, рассыпался на множество полезных качеств нашего сознания, таких как внимательность, осторожность, рассудительность, трусость. Но, видимо, этого людям показалось мало. Иначе зачем тогда они придумали себе такие «жизнерадостные» игрушки, как, например, межконтинентальная баллистическая ракета «Сатана» с радиусом действия до одиннадцати тысяч километров и с дьявольской дюжиной (всего-то 10 шт.) разделяющихся термоядерных боеголовок. Ведь она точно не для охоты – в нашей природе не встречается крупного зверя, соизмеримого с этой смертоносной стрелой! Может, как средство защиты – чтобы их самих не сожрали жадные охотники из соседнего племени? Это уже ближе к истине, но не в яблочко. Тогда зачем? Ответ прост и парадоксален до свинства: а чтобы не сожрать самого себя!.. Ибо по-настоящему человек боится только себя... Подсознательно, конечно (снимаем шляпу перед доктором Фрейдом!). Он догадывается о своем нездоровом аппетите и чувствует, что за врагами последует и все остальное: и живность, и пастища, и все окружающее пространство, включающее его самого, а также тех слонов (тоже ведь мясо), на которых опирается наше межзвездное блюде с драгоценным компостом жизни. А пиррова победа устраивает только полных кретинов и обиженных на мир самоубийц!.. Вот и ходит он с этой тяжелой «дурой» за спиной, как тот слон с бревном из старого советского мультика, небезосновательно боясь без него улететь в тартарары. Ситуация своим идиотизмом несколько напоминает алкоголика, который, боясь умереть от чертова зелья медленной смертью, просит вшить в себя ампулу, гарантирующую ему смерть немедленную. Со стороны все это, наверное, довольно смешно, но Творцу не до смеха – он осмотрителен и делает свои дела серьезно и с размахом. Видимо, поэтому он встроил еще один ограничитель. Но не в природу человека, а в окружающее его пространство. Однако об этом поговорим чуть позже и более основательно.

Человеческий разум незамысловат, но тайны вещества, такие как реакция термояда, лежат буквально на поверхности. И если ему вполне по силам сложить эту несложную головоломку природы, то найти ей достойное применение – это уже много. Передергиваю? Если бы. Знаете, как устроена атомная электростанция? Верю, что знаете. Но, наверное, мало кто задумывается о том, как примитивно используется эта дармовая энергия вещества. Вдумайтесь: весь процесс, вся работа сложного оборудования направлены только на то, чтобы удержать в рамках запущенную ядерную реакцию, контролировать её весь срок службы... Вот почти и все. Это напоминает дрожащего от холода дикаря, который нашел в лесу коробку спичек и не знает, что с ней делать. Единственное, до чего он додумался, это сидеть с голой задницей на сырой земле и тупо жечь спичку за спичкой, глядя с тоской на пустующую коробку. А ведь мог бы поскрипеть мозгами, собрать разбросанные вокруг ветки и по-человечески погреться у костра! Грустное зрелище.

«Эй, придурак! – скажете вы мне. – Причем здесь дикарь? Ты забыл – атомные станции дают нам электроэнергию: много, быстро и экономно!»

Что на это ответить? Ума, конечно, и у меня немного, но все же хватает на то, чтобы иногда дослушать рассказчика до конца.

Продолжим. А вы знаете, о, умнейшие, из какого места мы получаем «экономную» электроэнергию у этого работающего на самого себя взрывоопасного монстра? У этого купающегося в океане протонов демона? (Теперь внимание!) А из системы охлаждения его реакторов! Вода, забирающая от них тепло, превращается в пар, пар раскручивает турбины, придуманные Архимедом две тысячи лет назад... Ну, дальше вы знаете. Кстати, если бы Архимед прожил подольше, то в содружестве с другими изобретателями. Но не будем отвлекаться от основной темы – темы тихого убожества нашего светлого разума. Не сердитесь на её неблагодарность, ибо похвал человеческому разуму мы слышали уже более чем достаточно, так что увяньте на время и послушайте без замечаний. Согласитесь, наконец: использовать даже не само явление, а его побочный эффект, получая всего несколько процентов энергии, жалкие ручейки из ее океана, когда остальное отправляется в никуда – в жадную, сатанинскую прорву энтропии. Это по меньшей мере печально. Ведь нефть и уголек, да и уран, скоро закончатся, цивилизация уже начнет задыхаться от нехватки энергии. Зато располагает ею в форме вооружений в таких количествах, что можно несколько раз, гипотетически, уничтожить все живое на Земле, хотя всем вполне хватит одного конкретного раза. И это, к сожалению, весьма вероятная угроза. Ведь если сверхдержавы хоть как-то, с трудом, но договорились, утрясли эту проблему между собой, то новые, подрастающие, совсем уже безбашенные члены «ядерного клуба», страдающие к тому же неизлечимыми комплексами отстающего партнера в прогрессирующей форме. Но это тоже другая тема.

Ну так вот: если экстраполировать тему дикаря с коробкой спичек на дальнейшее развитие человечества, то вполне можно ожидать, что следующий, более щедрый, подарок природы будет использоваться так же бездарно и идиотически-суицидально, очень коряво выражаясь. И если себя человечество пожалеть еще хоть как-то может, то.

Тут мы вплотную подходим к теме пространственного ограничителя.

– БРАТЬЯ ПО РАЗУМУ! (Люди, это я не вам!) Я не знаю, сколько голов на ваших хлипких, уродливых плечах (или что там у вас) радуются свету ваших инопланетных солнц, но все они могут спать спокойно, ближайший миллион лет, по крайней мере! Господь Всемогущий, общий отец наш, позаботился о том, чтоб хотя бы на этот короткий срок ваши миролюбивые братья, «пацаки» с планеты Земля, не смогли сунуть свой любопытный, жадный до чужого нос в ваш, надеюсь, мирный монастырь (я не жесток к нашим первоходцам – вспомните хотя бы грустную историю взаимоотношений ацтеков и войска Кортеса)! Хотя, возможно, агрессия – это свойство, присущее любым разумным существам («ацтеки» тоже там, кстати, «зажигали» неслабо – Маниту, наверное, подпрыгивал на своем «олимпе» от их кровавых культмероприятий в его честь), но будем все же в этом оптимистами, как и в плане недосягаемости соседних звезд нашей галактики. На чем основан мой оптимизм? А на теории Альберта, нашего дорогого Эйнштейна (вот, действительно, был образец человеческого разума и гуманизма... Хотя атомную бомбу для наших врагов – американцев, таки придумал) и на несложных арифметических подсчетах. Все-таки четыре световых года до ближайшей безжизненной звезды (пусть она и двойная) – это очень много (а перепрыгнуть через скорость света никакая материя не может. Есть, конечно, другой путь – более быстрый, но не близкий, как это ни парадоксально звучит. Но об этом потом, если все же решитесь дослушать до конца). А сто, а тысяча световых лет.

Хорошо! Итак, первый пункт доказательства.

Давайте предположим, что человечество все же решилось на этот отчаянный шаг и выслало за пределы Солнечной системы своих гордых посланцев, а по сути дела несчастных

заключенных с пожизненным сроком для себя и для ближайших десяти поколений своих родных и любимых. (Если, конечно, они не возьмут себе за правило рождаться, жить и умирать, лежа в каком-нибудь анабиозе, с отмороженными мозгами. Или можно, кстати, использовать компьютерные игры с эффектом полного погружения в. Ну, вы знаете куда!) Ну да ладно – ради великого дела можно пожертвовать несколькими десятками сыновей и дочерей, вместе с их гипотетическим потомством (несчастные, не рожденные еще дети! В этот бесконечный холод и пустоту жаль посыпать даже сперматозоиды, а не то что живых людей.) А кстати, только сейчас пришло в голову: ведь можно из гуманности привлечь к полету «в никуда» не нормальных, законопослушных граждан, а отъявленных рецидивистов, приговоренных к газовой камере (если они, конечно, захотят: колхоз – дело добровольное). Но, естественно, уже безо всяких там виртуальных игр – не фиг: тянуть, так тянуть. (Только вот обидно, что россиян среди этих гордых посланцев Земли не будет, по причине возмутительного, давно уже всеми порицаемого моратория на смертную казнь. И нашу законную, в натуре, песню «Я – Земля.», написанную, в сущности, для этого случая, провожающие будут петь, увы, не на русском.) Остается только надеяться, что генетическое потомство этих убийц и насильников морально перерастет своих шальных отцов и матерей, и наши счастливые братья по разуму узрят истинное лицо своих далеких соседей. Хотя лично я сомневаюсь, что без компьютерных игр и Интернета можно воспитать достойного, разумного, а главное – высококультурного гражданина. Поэтому предлагаю для потомства зеков сделать исключение. В самом деле, мы же не звери, чтобы лишать детишек такого сказочного детства! (Догадываюсь, однако, – кто, в конце концов, останется сидеть у компьютеров, а кто будет валяться в анабиозе с отмороженными мозгами.) Что касается Интернета, то, понятное дело, с ним будут небольшие проблемы: связь с родным провайдером будет настолько размазана по пространству скоростью света, что сетевое общение может превратиться в дополнительную пытку. В любом случае возникают оч-чень большие сомнения относительно тех людей, которые достигнут конечной цели путешествия. Итак, первый пункт доказательства абсурдности такого перелета мы рассмотрели. – фишка не прокатывает! Причем, это я еще мягкоstellал, не доводя ситуацию до полного абсурда: если не верите мне, то почитайте рассказ Р. Хайнлайна «Пасынки вселенной» о поколении подобных посланцев, достигших цели. Там у него вообще какие-то уроды о двух головах и с четырьмя руками по палубам бегают, оставшихся нормальных людей по сортирам мочат (не в прямом смысле мочат, а убивают – ну, мы понимаем.) С сортирами, кстати, там проблемы были: всю мочу и (ну, вы знаете, что еще) сдавали только в нескольких местах для оранжереи, в обмен на свежие овощи (а один дурак все время брал цветами – для возлюбленной). Это добро у них там на вес золота было. Ой, люди! О фантастике можно говорить очень долго, и я бы на месте фантастов поопасался писать такие провокационные рассказы – это вообще хлебная тема для наших ушлых пародистов. А у меня мало времени, а главное – электронной бумаги.

Так! Ну, второй пункт доказательства попроще. Он вот о чем.

Вот, прилетают, допустим, через полторы тысячи лет какие-нибудь уроды (и это я так о наших потомках, но что же делать...) на какую-нибудь тау-Кита, высаживаются на долгоожданную планету (если она вообще там есть, но ладно, не будем занудами – пусть будет там планета!) – а там какая-нибудь, пардон, обосранная улитка ползает... И это еще хорошо, если улитка – хоть в институт на опыты можно будет сдать по возвращении (если не сдохнет в анабиозе за полторы тысячи лет), а то ведь вообще – голые скалы или какая-нибудь инопланетная слизь. Вы представляете, как будут рыдать наши отважные космоплаватели, если, конечно, им будет чем... Вот так, слетали... Если б там были русские, то они непременно вышли бы вперед и сказали: «Здравствуй, ж...а – Новый год!», но мы ведь уже договорились, что русские и в этот раз пролетают мимо. Кстати, я тоже, как весь разумный пигл планеты, не верю все-таки, что американцы были на Луне! Раскиньте мозгами: всего через

восемь лет после полета нашего Гагарина... и они уже на автомобиле по лунной поверхности рассекают (с автомобилем они явно перемудрили – чувство меры подвело! Ну, как же – американцы и без авто, даже на Луне не солидно). Прикиньте всю техническую сложность данной операции, которую не может повторить никто до сих пор, а не то что через несколько лет после полета первого космонавта... И уж больно подозрительно гладко у них все прошло – аж целых шесть раз! А потом вдруг – бац! И вот уже почти сорок лет никто и близко к Луне и не подлетает. А теперь они всем говорят, что, мол, с них инопланетяне подписку взяли – не соваться туда больше. Все же такие тупые, а они зато самые умные... Так что, будьте уверены: на тау-Кита они тоже не полетят... Будут отсиживаться в каком-нибудь сортире под Хьюстоном все три тысячи лет... Обидно! Да и хрен с ними. Мы зато первыми на Марсе «антоновки» насажаем (если к тому времени, как мы раскачаемся, там уже не будет все занято рисом!). Уф-ф, отвлеклись мы, однако...

Значит, мало просто лететь хрен знает куда – нужно точно быть уверенными, что тебя там встретят. Хотя бы и пинком под зад, а все же лучше, чем холодное безмолвие необитаемого космоса. Хорошо! Пускай вы отыскали среди звезд братьев при помощи радиосигнала. Даже фотками обменялись: они – красавцы, четыре ноги прямо из головы растут, а голова, по сути, она же и... (ну, вы представляете...) Интересно, какими уродами будем выглядеть для них мы в связи с относительностью взглядов! Пускай они даже живут слегка поближе – пятьсот световых лет, чего уж там. (Меньше не могу, и не просите – теория вероятности не позволяет, ведь наша галактика диаметром сто тысяч световых лет.) И вот вы начали договариваться о встрече. А надо сказать (может, кто не знает), что скорость распространения радиоволн в вакууме равна скорости света, т. е. конечна, поэтому на мирные переговоры уйдет тоже какое-то время. Так, кинем луч туда-сюда раза по три... Три + три = шесть, да помножить на пятьсот... = три тысячи лет (вот проклятая цифра, ведь правда, не подгадывал же) – я думаю, достаточно, чтобы разумные существа договорились о чем угодно и с кем угодно, даже с землянами. Все прекрасно – летим! Пятьсот лет – это все же не полторы тысячи, нормально. Ну, вот приземляемся мы, в смысле – они, потомки, а там... черт их раздери, этих головоногих: революция, смена власти... Мы им: «А вот у нас ваше приглашение на прилет, с радиоподписью и цифровой печатью». А они нам: «А мы с вами не договаривались ни о чем! Это все те дебилы безголовые». (В смысле: им уже головы отрубили от ног, или наоборот, черт их разберет.) Если хотите РАЗУМНОГО контакта – просим проследовать за ними в страну, где запасные ноги и головы растут прямо на деревьях, а сладкоголосые безногие ангелы, сидя на ветках, днями напролет поют свои сонные гимны. А если хотите РАЗУМНОГО совета, то... валите-ка вы, ребята, отсeda к...еней матери!»

Так что, в лучшем случае, надают по заднице и отпустят, оставив парочку кретинов на развод – для местного зоопарка... В этом пункте тоже серьезные заморочки вышли. И хотя уже, в общем, все доказано, мы попытаемся разобраться с еще одним пунктом, вобъем, так сказать, последний гвоздь в идею межзвездных (а тем более межгалактических) перелетов. Он касается, собственно, средства доставки – межзвездного «пепелатца». Это самое скользкое, самое спорное звено! Ведь имей мы корабль, мгновенно доставляющий нас в любую точку вселенной (причем, желательно живыми) – проблем никаких бы не было, и всей этой вышесказанной фигни бы не было, до самой атомной электростанции. (Но атомную электростанцию я не отдам – с этим реально надо что-то делать...) Итак!

Все «пепелатцы» делятся на «до потопные» и «после...» (имеется в виду не предрекаемый вот уже давно, со дня на день, конец света, а момент, когда наша упершаяся лбом в стенку наука (ядерные физики, сильно уповающие на адронный коллайдер, знают о чем я) прорвет, наконец, эту досадную преграду микроматерии, и щедрый поток научных знаний, бурля, вольется в нашу жизнь. Вот когда начнется настоящий драйв для всех ленивых и убогих умом. А в плане ракетных технологий будет сделан серьезный рывок – принципиальный.

И коснется он, прежде всего, земных и межзвездных моторов, потому что, черт возьми, – ну, сколько можно летать на керосине и каком-то там гептиле? (Здесь я могу ошибаться, ну не осведомлен, а в «сеть» лезть неохота – с утра глюки какие-то, резиновые изделия на экран вылезают. Что-то надо срочно делать с антивирусником... Извините – наболело!)

Так, рассмотрим, ради прикола (а также чтобы вы поняли всю сложность проблемы), возможность межзвездного перелета уже сейчас, на допотопной системе с окисляемым горючим. В принципе, и на нем можно разогнаться до околосветовой скорости, но для этого понадобится немаленькое расстояние (в аккурат до альфы Центавра получится!) из-за относительно слабых движков и огромной массы собственно горючего. А горючего понадобится столько, что не хватит всего энергоресурса планеты. Представьте, из-за какой-то космогонической блажи мы, оставшиеся на Земле, будем сидеть в темноте, кидая в буржуйку сущеное коровье говно, поскольку все дрова, видимо, также пойдут в жадную топку межзвездного монстра и на обогрев космонавтов в течение всей 1000 лет. Теперь представьте картину космического поезда: впереди маленький вагончик с экипажем, за ним несколько вагонов побольше с провизией и вооружением (на всякий пожарный. Можно, конечно, сэкономить на оружии и взять самую малость, для понта, если вдруг для демонстрации серьезности наших мирных намерений придется взорвать небольшой астероид или ихнюю Луну. В любом случае, думаю, штук шестидесяти ракет класса космос-планета хватит). А далее будет следовать целая вереница огромных цистерн с топливом, эдакий мегасостав длиною, наверное, от Земли до Марса. (Черт, а куда же двигатели прифигачить. Ну да это же все-таки принципиальная пока схема, а там будет видно.)

«Нет, вы все-таки неумный! – осторожно воскликнете вы снова. – Мы, не искушенные в астрономии люди, и то знаем, что в космосе нет сопротивления среды – там вакуум! Поэтому скорость не нужно поддерживать, а только понемногу поддавать «копоти» для разгона».

Хо-хо! Я тоже сейчас поумничаю! Есть некий парадокс замкнутого типа – рассмотрим его. Ну, так вот: для разгона, скажем, десяти вагонов до скорости света с доступными нам двигателями и качеством топлива понадобятся пускай сто вагонов гептила с окислителем. Хорошо! Но они тоже что-то весят, их тоже надо разгонять до скорости света, пока они не сгорели. То есть для их разгона накидываем еще тысячу вагонов топлива, которые, в свою очередь, тоже нужно разгонять. Ну, дальше – больше. Нравится? Так что до скорости света при современной технике нам не добраться, и придется смириться с ее половинным значением, а то и с третью... Таким образом, мы еще добавляем пессимизма в пункт первый нашего доказательства! Паровозик до тау-Кита отменяется...

Что же касается термоядерных, ионных, фотонных и прочих гипотетических двигателей будущего, т. е. «послепотопных» по нашей терминологии, то тут, конечно, дела обстоят куда лучше! Но все равно до скорости света мы не дотянем, исходя из следствий все той же (как пел В. С. Высоцкий) гнусной теории Эйнштейна, по которой масса любого вещества при приближении к этой скорости будет расти до бесконечности, как и потребная для этого энергия. К тому же, будут иметь место всякие пространственно–временные парадоксы с непредсказуемым исходом, так что нам таки придется и тут остановиться на рубеже... где-то 0,9 значения этой упрямой скорости. Можно, конечно, летать на гиперпространственных кораблях, которые за считанные секунды выныривают из подпространства в любой точке вселенной, но мы ведь договорились, что наши рассуждения будут основываться на строго научном подходе. Доставать кроликов из шляпы вне цирковых шатров – дело неблагодарное и непредсказуемое: народ может не понять юмора.

Ну, теперь с полным основанием можно подвести итог и сказать обидное для всех космонавтов слово: «ПРИЕХАЛИ!».

А помните наших почтенных фантастов середины прошлого века? Они ведь обещали ни много, ни мало к концу века посещать другие галактики. Ага, щас-с! А фильмы...

Помните: «Однажды, в далекой, далекой галактике...» Гнусные обманщики – так надуть доверчивое человечество. Еще и не стыдились называть свою фантастику НАУЧНОЙ! Сказали бы просто, по-честному: «Пипл! Мы тут хотим с помощью творческого психоанализа излечиться от навязчивых, бредовых идей, а заодно «бабла» срубить с вас по-легкому. А вы за это без напряга развлекитесь от души... Только осторожнее – со смеху с дивана не навернитесь!».

Но ведь мы всерьез верили! И сейчас верим и надеемся – ведь что же остается бренному, слабому на разум человеку, песчинкой затерянному в бескрайних просторах Универсума. Человеку всегда хочется чего-нибудь такого-этакого, задалбывает порой эта серая обыденность и скука. Вот и выдумывают люди испокон веку волшебные, заоблачные миры...

Вы скажете, мол, к чему весь этот ликбез по астрономии с лирическим и невеселым концом, – все и так давно известно! Но, во-первых, всегда полезно освежить знания – вдруг пригодятся скоро где-нибудь в случайном порядке (а так оно обычно и бывает). А во-вторых – ну, подумаешь, затянул я немного доказательства, зато все-таки пришел последовательно (а главное – весомо) к главному вопросу нашей темы: а правильно ли Он поступил, когда напихал нам столько препятствий и ограничений на пути нашего стремления убежать в космос от своих страхов, от самих себя. Жестко пресек возможность узнать: одни ли мы затеряны в этой бесконечной, бездонной пропасти, или есть где-то еще одинокий, тоскующий в отчаянии и надежде разум. И весь этот нудный экскурс был затеян только для того, чтобы показать – как надежно и хитро заперты мы в нашей пространственно-временной космической капсуле. В своем родном доме, как в тюрьме! И действительно: куда бы мы ни направились – всюду упремся в непреодолимую стену. Везде, на всех дорогах стоят на страже безмолвные часовые – неумолимые законы Его природы!

Кого-то это может ввергнуть в уныние или даже разозлить безысходностью, но. Ведь Создатель действительно похож на заботливого, осторожного родителя, который до поры прятал сначала спички, а потом и более серьезные вещи в надежный ящик со знаниями. А для пущей надежности расселил своих неразумных чад как можно дальше друг от друга, представляя заранее, что может произойти, если какая-нибудь «детка» придет в детсадик с настоящим револьвером и решит поиграть в войнушку.

Что ж, может быть, кому-нибудь из этих детей удастся дожить до своей зрелости и понять, что нельзя стрелять в другого, даже не потому, что тот может пальнуть в ответ, а потому, что, стреляя в другого, ты не устраняешь конкурента на место под солнцем, а убиваешь помощника для обустройства этого места. Сам отрубаешь свою же руку... И пока человек не поймет эту простую истину, не научится любить сначала своего «ближнего», как самого себя (мазохисты не в счет), – дорога к «дальнему» будет ему заказана. Пока не поймет искренне, без лжи и лицемерия. И не для кого-то, а для себя. Ведь мы привыкли не только обманывать, но также и обманываться. Все наше общество замешано на лицемерии. Даже самые искренние правозащитники и «человековеры», самые пламенные проводники Божьего слова не бросят открытыми двери своего дома, не оставят в людном месте свой кошелек и. не простят в душе убийц своих родных и любимых. Что бы они там ни говорили и ни внушали другим. Да, если они делают свое дело искренне и достойно, – честь им и хвала, ибо они приближают все человечество к тому дню, когда Создатель сможет, глядя на нас, облегченно вздохнуть и убрать палец с кнопки экстренного перезапуска. Но это случится, ох, как не скоро. Боюсь, что к тому времени от «человека сегодняшнего» мало что останется. Начиная с тела, которое никогда не даст ему забыть до конца свою звериную природу, и заканчивая сознанием, которое вынуждено будет оставить свою индивидуальную, эгоистическую сущность. Когда не будет уже физического основания для боли, страха и дикости плотских желаний...

И когда человечество, наконец, стряхнет с себя тяжелые оковы бренной материи, когда его объединенный разум найдет себе более легкое и достойное пристанище, чем скопище молекул медленно умирающей плоти, быть может, тогда падут и те досадные преграды, исчезнут те самые ограничители, которые выстроил для нас Бог. Потому что МЫ будем уже ДРУГИМИ и жить будем в ДРУГОМ мире, по иным понятиям, иным законам. И вполне вероятно, что кто-то, где-то уже достиг такого состояния нематериального сознания и узнал, наконец, ответы на мучающие нас вопросы – что, как, где, а главное – ЗАЧЕМ.

P.S. Только одна просьба: не показывайте это сочинение детям, а то и правда в космонавты вообще никто не пойдет, и придется отлавливать отважных звездоплавателей по всяким непотребным местам.

P.P.S. Кстати, я в курсе, что Земля не плоская, как тарелка, и что она держится не на слонах (а то еще скажете.), – тоже ведь учился в школе, хотя и проспал эту тему на астрономии в девятом классе. Мне тогда мой дружок после урока с квадратными от ужаса зрачками рассказывал, что ОНА все-таки вертится, а я дико хохотал. А откуда нам, дуракам, было знать – Интернета тогда не было, а книжки мы читали все больше те, что в стеклянной упаковке.

3 Информаторий

«Серебряная стрела» – 2010

Малые конвенты и фестивали фантастики набирают всё большую популярность среди любителей жанра и молодых авторов, желающих пообщаться с профессиональными писателями, заглянуть в кухню литературного процесса и представить свои тексты на обсуждение.

Одним из таких фестивалей стала «Серебряная стрела» (или «Сильверкон»), которая уже третий раз проходит в Подмосковье. На этот раз профессионалы и любители числом около ста человек собрались с 25 по 27 июня в отеле яхт-клуба «Новый берег» – в живописнейшем месте на берегу Пироговского водохранилища. Близость открытой воды спасала участников от наступившей «аномальной» жары.

Как и в прошлые годы, основу программы фестиваля составили мастер-классы, на которых известные фантасты: Леонид Кудрявцев, Антон Первушин и Ник Перумов – обучали начинающих авторов литературному труду. Кроме того, писатель Сергей Чекмаев провел практикум «Как и где напечатать рассказ», а Ника Батхен рассказала о том, как издаваться тем, кто пишет «неформатные» тексты. Участники не обошли вниманием и другие важные аспекты литературной деятельности: создание сценариев для телевидения, продажа текстов в электронном виде, юридическая поддержка договоров. На заседании круглого стола, в котором приняли участие представители издательств «Снежный Ком Москва», «Эксмо», «Язуа», журналов «Наука и жизнь» и «Полдень, XXI век», были даны конкретные рекомендации, как сделать так, чтобы рукопись не потерялась в «самотеке», а была прочитана и должным образом отрецензирована.

«Изюминками» фестиваля стали настоящий турнир лучников и мастер-класс «Школа коньяка», в рамках которого представители московского завода «КиН» учили желающих правилам употребления этого напитка и сдержанности при алкогольных возлияниях. На этом фоне вполне традиционными мероприятиями выглядели презентации дружественного фестиваля «Созвездие Аю-Даг» и издательства «Снежный ком Москва», киносеминар с показом документального фильма «Вспоминаем Кира Булычёва», концерты Сергея Морозова и Михаила Башакова.

Разумеется, не обошлось без церемонии награждения. Общим голосованием участники фестиваля выбрали наиболее значимые, по их мнению, фантастические произведения последнего времени. Итоги таковы:

1. Лучший дебют – Тим Скоренко «Ода абсолютной жестокости».
2. Лучший главный герой – Тэрсел (Ольга Баумгертнер «Свя зующая магия»).
3. Лучший мужской образ – Влад Самохин (Михаил Тырин «Кладбище богов»).
4. Лучший женский образ – Алиедора (Ник Перумов «Алиедора»).
5. Лучший фантастический мир – Ник Перумов «Алиедора».
6. Со-Творение – Г. Л. Олди и Андрей Валентинов «Алюмен. Механизм жизни».
7. Герой нашего времени – П. Гусев (Олег Дивов «Выбраковка»).
8. Конкурсных дел мастер – Алекс де Клемешье.
9. Реальный мир – Михаил Успенский «Райская машина» (специальный приз от газеты «Солидарность»).

Победители были награждены медалью ордена «Серебряной стрелы».

Тогда же свои призы вручили и гости фестиваля. К примеру, главный редактор журнала «Мир фантастики» Светлана Каракарова вручила приз от журнала Нику Перумову за роман «Алиедора». А хедлайнеры сетевого музыкально-литературного проекта «Модель для сборки» (подкаст Samsung Fun Club) наградили денежной премией авторов, чьи рассказы были озвучены и оказались наиболее востребованы в рамках этого проекта: Юрия Бурносова, Антона Первушкина и Алексея Пехова.

Антон Кадман

«Созвездие Аю-Даг» – 2010

Четвертый крымский открытый фестиваль фантастики «Созвездие Аю-Даг» состоится 14–17 октября 2010 г. в пгт Партенит. В этом году фестиваль проводится под девизом «Фантастика и театр», поэтому кроме литературных семинаров, мастер-классов и докладов, будут представлены спектакли театра «DEEP» (Луганск), С. Битюцкого (Ростов-на Дону), группы «СП Бабай» (Санкт-Петербург).

Участники фестиваля размещаются в комфортабельных номерах лечебно-оздоровительного комплекса «Айвазовское», обеспечиваются 3-х разовым питанием.

В программе фестиваля:

- мастер-классы: А. Балабухи «Научно-фантастический рассказ»
Д. Казакова «Страна Фантазия»
Д. Володихина «Фантастическая критика»
- семинары: Д. Федотова и Л. Синицыной «НФ-очерк. Как правильно писать НФ-рассказ»

Е. Первушиной «Фантастика женским почерком» А также доклады, дискуссии и многое другое.

Ожидается, что в фестивале примут участие известные писатели: Г. Л. Олди, А. Валентинов, А. Балабуха, Д. Казаков, А. Первушин, Я. Веров, Д. Клугер и др., представители издательств ЭКСМО, «Вече», «Снежный ком М», «ПринТерра», журналов «Полдень, XXI век», «Наука и жизнь», «Мир фантастики» и др.

Регистрация участников производится в период с 1 августа по 10 сентября.

Уважаемые писатели!

Приглашаем участвовать в выставке «Коты и их писатели», которая состоится на Четвертом крымском открытом фестивале фантастики «Созвездие Аю-даг». Для этого нужно прислать на адрес skait@rambler.ru вашу фотографию со своим котом/кошкой с указанием имени зверя и его писателя.

Контактные телефоны оргкомитета:

+ 38 (06560) 4-51-20,
+ 38 (095) 833-44-30

e-mail: skait@rambler.ru

Позднякова Светлана Анатольевна (председатель оргкомитета)

+ 38 (050) 472-26-93

konkurs_audag@mail.ru

Гусаков Глеб Владимирович (директор фестиваля)

Сайт фестиваля: <http://audag.org>

ЖЖ-сообщество: http://community.livejournal.com/aju_dag/

Организаторы фестиваля:

Общественная организация «Созвездие Аю-Даг» (пгт Партенит)

Общекрымский КЛФ «Аю-Даг»

Алуштинская ЦБС

Спонсоры фестиваля:

Генеральный спонсор: Издательство «Снежный Ком М» (Москва) и лично Глеб Гусаков

Клуб «Сильвер Дрим» и лично Игорь Гринчевский

Издательство «Принтерра» (Волгоград) и лично Андрей Тужилкин

Издательство ЭКСМО (Москва)

Издательство «Вече» (Москва)

Информационная поддержка:
Издательство ЭКСМО (Москва)
журнал «Шалтай-Болтай» (Волгоград)
Журнал «Полдень, XXI век» (С. – Петербург, Москва)
Журнал «УФО» (Киев, Львов)
Журнал «Мир фантастики» (Москва)
Журнал «Реальность фантастики» (Киев)
Журнал «Наука и жизнь» (Москва)
ГТРК «Крым»

Наши авторы

Павел Амнуэль (род. 1944 г. в Баку). Известный писатель. Закончил физический факультет Азербайджанского государственного университета. Первая публикация – еще в 1959 году (рассказ «Икария Альфа» в журнале «Техника-молодежи»). Автор множества научных работ, романов, повестей и рассказов. В нашем альманахе печатался неоднократно. С 1990 года живет в Израиле.

Дарья Беломоина (род. в 1987 г. в с. Первомайское Крымской обл.). Закончила филологическое отделение ГФ НГУ. Фрилансер, делает кукол, игрушки и украшения ручной работы. В нашем альманахе уже печаталась (рассказ «Память», № 3 за 2010 г.). Живет в Новосибирске.

Андрей Кокоулин (род. в 1973 г. в г. Нарьян-Мар Архангельской обл.). Окончил университет экономики и финансов (Спб). Живет и работает по специальности в Петербурге. В нашем альманахе уже печатался (рассказ «Чуть легче», № 6 за 2010 г.).

Илья Кузьминов (род. в 1986 г.). Закончил географический факультет МГУ, учится в аспирантуре Института географии РАН. Занимается проблемами устойчивости рассредоточенных промышленных систем. В нашем альманахе печатался неоднократно.

Виктор Ломака (род. в 1964 г. в Курске). Закончил Бугурусланское летное училище гражданской авиации. Работал пилотом в Курском объединенном авиаотряде. В 1994 г. вышел на пенсию по выслуге лет. Прежде не публиковался.

Александр Мазин (род. в 1959 г. в Запорожье). С 1976 г. постоянно проживает в Санкт-Петербурге. Поэт, драматург, прозаик. Писал стихи, тексты песен, сценарии, либретто и т. п. для эстрады, кино и театра. С 1993 г. полностью переключился на прозу. Автор тридцати книг в разных жанрах (детектив, фантастика, история, публицистика), изданных общим тиражом более двух миллионов экз. Александр Мазин сам занимается издательской подготовкой своих книг (зам. главного редактора изд-ва «АСТрель-СПб»), ведет несколько издательских проектов, но работа писателя по-прежнему остается для него главной.

Эльдар Сафин (род. в 1977 г.). Сменил множество профессий. Рассказы публиковались в журналах и сборниках. В нашем альманахе печатался неоднократно.

Тим Скоренко родился в Минске, окончил Белорусский национальный технический университет. В 2009 переехал в Москву, работает редактором в журнале «Популярная механика». Автор многочисленных статей на научно-популярные и исторические темы.

Поэт, бард, профессиональный автор-исполнитель, многократный лауреат фестивалей авторской песни и поэзии. Победитель ряда сетевых поэтических конкурсов, в том числе лауреат «Илья-премии – 2009». На сегодняшний день в активе – около 350 песен и более 150 стихотворений. Регулярно выступает с сольными концертами. Блогер-тысячник.

В марте 2010 г. вышел дебютный роман «Ода абсолютной жестокости». В 2007 г. попал в шорт-лист премии «Дебют» в номинации «Фантастика». Лауреат литературного конкурса «Facultet 2009» в номинации «Фантастика и фэнтези».